

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. ЦАДАСЫ**

М. О. Ибрагимова

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И МОРФОЛОГИЯ
СКЛОНЕНИЯ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ:
ДИАЛЕКТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ**

Махачкала 2019

УДК 81.351.32

ББК 81.603.5

И-15

Ответственный редактор

Алисултанов А. С. – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный педагогический университет».

Рецензенты:

Махмудова С. М. – доктор филологических наук, профессор ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»;

Шихалиева С. Х. – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук.

Ибрагимова М. О.

И-15 Категория падежа и морфология склонения в рутульском языке: диалектная стратификация. – Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, АЛЕФ, 2019. – 222 с.

ISBN 978-5-91431-188-6

Монография посвящена системному сравнительному описанию падежей в диалектах рутульского языка; выявлению междиалектных различий, причин их возникновения. В первой главе определено количество падежей в ареальных единицах рутульского языка, подвергнут сравнительному анализу инвентарь падежных маркеров и вставочных элементов, оформляющих косвенную основу в диалектах рутульского языка; установлены общности и расхождения, характеризующие функционально-семантическую сторону падежей сравниваемых диалектов. Во второй главе выявлены особенности склонения имен существительных и субстантивов в диалектах исследуемого языка. В третьей главе предпринята попытка выявить прарутульские падежные аффиксы и проследить тенденции развития падежной системы рутульского языка.

ISBN 978-5-91431-188-6

© Ибрагимова М.О., 2019

© ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2019

© Издательство «АЛЕФ», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Важность и сложность изучения падежей и их значений в дагестанских языках обусловлены их многопадежностью, наличием в них номинативной, эргативной, дативной, локативной и других конструкций предложения, послеложных конструкций, совпадением семантики отдельных падежей в единой форме, большим количеством сложных глаголов и фразеологических сочетаний, содержащих в составе имена в формах различных падежей и т. д.

Учет ареальных отличий любого яруса языка весьма важен для реконструкции его праформы, для изучения генетических связей, определения степени родства и ареальных единиц языка, и самого языка внутри языковой ветви или семьи. Рутульский язык генетически близок к цахурскому, о чем свидетельствуют факты борчинско-хновского диалекта, но мухадский диалект, по мнению Г. Х. Ибрагимова, по морфологии (особенно по склонению) обнаруживает много общего с будухским языком, входящим в группу юго-западных лезгинских языков. [2004: 252–288].

Объектом настоящего исследования является падежная система мухадского, ихрекского, мюхрекского, борчинско-хновского и шиназского диалектов рутульского языка в ее общих и частных проявлениях.

Недостаточная изученность падежной системы в диалектах рутульского языка предопределила тему данной монографии. В ней излагается концепция, позволяющая описывать падежные формы в ареальных единицах рутульского языка, которая дает возможность эксплицитно представить как их общие свойства, так и специфические, проявляющиеся на уровне отдельных территориально-языковых единиц.

В настоящей работе мы попытались решить следующие задачи: определить количество падежей в ареальных единицах рутульского языка; сравнить инвентарь падежных маркеров и вставочных элементов, оформляющих косвенную основу в диалектах рутульского языка; выявить сходные и отличительные черты в оформлении отдельных падежей и в составе серий местных падежей; установить общности и расхождения, характеризующие функционально-семантическую сторону падежей сравниваемых диалектов; выявить особенности склонения имен существительных и субстантивов в диалектах рутульского языка; выявить прарутульские падежные аффиксы и проследить тенденции в развитии падежной системы рутульского языка.

Материалом и источниками исследования послужили полевые записи материала мухадского, шиназского, ихрекского, борчинско-хновского и мюхрекского диалектов рутульского языка (бытовые тексты, сказки, паремиологический материал), собранные во время поездок в Рутульский район Республики Дагестан и в Республику Азербайджан в 2008–2012 гг. Кроме того, привлечен материал из исследований по рутульскому и цахурскому языкам и тексты, опубликованные на диалектах рутульского языка: поэтические произведения Нурахмеда Рамазанова, Джамесеба Саларова, Магомеда Улилеева, Шафи Ибрагимова (на мухадском диалекте); Сакита Курбанова, Асгара Хновского, Кличхана Хновского (на борчинско-хновском диалекте); Низама Гудаева, Пери Рамазановой, Шиназа Эзерчи, Уста Гаруна, Али Кабилова (на шиназском диалекте); Гаджи-Юсифа Меджидова (на ихрекском диалекте). Использовались также синтаксические образования, применяемые или объективно возможные к применению в живой коммуникации, в том числе и искусственно смоделированные, соответствующие естественным речевым нормам и не вызывающие ощущения неправильности речи.

История изучения вопроса. На сегодняшний день в дагестановедении на основе большой работы достигнуты успехи в области классификации падежных систем языков; в разграничении падежных и послеложных конструкций; в выявлении особенностей функционирования падежных форм; в уяснении взаимоотношений эргативного и косвенных падежей.

Значимыми для изучения падежных систем дагестанских языков являются научные изыскания Л. И. Жиркова, который установил и описал принцип серийности местных падежей.

В статье «О категории падежа (применительно к дагестанским языкам)» Е. А. Бокарев пишет: «Понятие падежа, система падежей и связанная с этим специальная терминология постепенно переходят от греков к римлянам и другим народам, приспособляются к различным и разнотипным языкам. Иногда это приспособление оказывается удачным, учитывающим специфические особенности того или иного языка, своеобразие его грамматического строя; иногда же это приспособление носит характер совершенно некритического слепого подражания» [1954: 30].

Причину наличия разных мнений по вопросу о падеже Е. А. Бокарев видит в том, что недостаточно разработаны методологические основы описательной грамматики, недостаточно четко определено само понятие «падеж», в результате этого недостаточно разработана

конкретная методика выявления падежа. Признавая, что в направлении определения падежа с функциональной точки зрения в последнее время достигнуты определенные успехи, Е. А. Бокарев подчеркивал: «Понятие «падеж» требует не только функционального определения, но и формально-грамматического, которое исходило бы из структурных особенностей, характерных для того или иного конкретного языка. Вопрос о падежах должен по-разному разрешаться для таких структурно различных языков, как, например: английский, русский или какой-нибудь дагестанский» [Там же: 30].

История появления и развития систем склонения в дагестанских языках лингвистам видится по-разному, порой их точки зрения по этому вопросу являются полярными: так, Е. А. Бокарев и Т. Е. Гудава полагают, что многочисленность местных падежей в парадигмах является признаком праязыкового состояния, а А. С. Чикобава, В. Г. Топурия и другие лингвисты рассматривают обилие локативов как новообразование.

На разных этапах исследования дагестанских языков дискутируемой являлась и проблема статуса пространственных падежей: некоторые кавказоведы квалифицировали их как падежи, другие – как послеложные сочетания.

Также дискутируемой является проблема семантических или обстоятельственных падежей, которые, в отличие от грамматических падежей, выражают определенное значение лишь наряду с определенной синтаксической ролью.

Падежные функции, как известно, связаны с тем фактом, что «словоизменение имени (склонение) и его изменение по падежам в традиционной грамматической терминологии фактически являются синонимами... В сущности, падеж является смешанной семантико-синтаксической категорией, семантические аспекты употребления которой могут быть то более, то менее отчетливы – в зависимости от конкретной падежной граммы и от организации падежной системы в целом» [Плунгян 2003: 163–164].

Рутульский язык, наряду с другими дагестанскими языками, характеризуется многопадежностью. Вопрос о количестве падежей в исследуемом языке являлся дискутируемым.

Первые сведения о падежах рутульского языка представлены в грамматическом очерке А. М. Дирра, выделяющего 19 падежей: именительный, родительный, дательный, творительный («*Activus, Ergativus*») и сопровождающий («*Comitativus*») квалифицированы как основные грамматические падежи [1911: 12]. Автором далее выделе-

ны 14 местных падежей, которые дифференцированы по аффиксам с комментарием о том, что «в некоторых из них встречается суффикс *-ла*, который обозначает движение от того места, на которое указывает другой суффикс» [1911: 15].

А. Дирр отмечает в числе локативных и «сравняющий» на *-ka'*, который в нашей работе квалифицирован как компаратив. По его мнению, это падеж, «прислоняющийся как к именительному, так и к родительному (может быть и к другим падежам)» и способный «заменить сравнительный на *-эла*. Например, *нинека' за јихте i/* чем мать я хорошо есть, или *нинэла за јихте i»* [Дирр 1911: 12].

Полагаем, что падеж на *-стэ* (для) выделен неверно, так как этот формант представляет собой аффикс дательного падежа *-с* в сочетании с показателем принадлежности *-ды*.

А. М. Дирр выделял в рутульском языке и «местный предельный на *h* (на) *изды капыр лакъаh гъани виъи/* мой меч на сундуке лежит». В современном рутульском языке формантом суперэссива/суперлатива является долгий гласный. Объяснение этому обстоятельству мы находим в словах А. М. Дирра, который отмечал, что «По общему явлению кавказских языков *h* в конце слова произносится так неотчетливо, что оно может легко исчезнуть совсем» [1911: 12]. Можно предположить, что на современном этапе развития языка компонент *h* исчез, в результате чего возникла компенсационная долгота аффикса суперэссива/суперлатива. Способность падежей серии *Super* присоединять аффиксы с разными долгими гласными привела к тому, что А. Дирр описал суперэссив/суперлатив дважды как два разных падежа: а) «местный предельный на *h* (на)» и б) «местный на *э, ә, а* (произносится протяжно) (-на)».

Сомнения автора по вопросу о существовании в исследуемом языке «удаляющего падежа на *-хла* (из-за)» [1911: 16] были вызваны наличием у него лишь одного примера, который не мог послужить достаточной доказательной базой.

Несмотря на то обстоятельство, что сведения о падежах, приведенные в грамматическом очерке А. М. Дирра, скудны, не всегда систематизированы, иногда страдают неточностью, они важны и ценны как первый опыт описания падежей рутульского языка, осуществленный более ста лет назад.

В докторской диссертации Е. Ф. Джейранишвили выделяет в рутульском языке 16 падежей, из которых именительный, эргативный, родительный и дательный квалифицированы как основные, остальные 12 падежей – как местные [1966: 48].

Ценность работы обусловлена богатым языковым материалом: автором приведены парадигмы склонения существительных, атрибутивных имен в единственном и множественном числе, личных, возвратных и вопросительных местоимений, что позволило составить таблицы окончаний основных падежей.

Впервые в рутуловедении Е. Ф. Джейранишвили форманты основных падежей дифференцировал по структуре на простые и сложные. К простым аффиксам автор относит *-a*, *-ä* (форманты эргатива), *d*, *də* (форманты генитива), *əs*, *is* (форманты датива); к сложным формантам отнесены все остальные: 1) *-ar-ä*, *-är-ä*, *-er-ä*, *-r-ä*, *-j-ä*; *-ər-a*, *ir-ä*; *-al-ər-a*, *-äl-ər-a*; *di-rä*, *-nijä* (форманты эргатива); 2) *-ar-də*, *-er-də*, *-ir-də*; *-a-d*, *-i-d*, *-ə-d*, *-ja-d*, *-al-də*, *-di-də*; *-nid* - , *-niji-də* (форманты генитива); *-ar-əs*, *-ər-əs*, *-ir-is*; *-al-əs*, *-äl-əs*, *-el-əs*, *-a-s*, *-i-s*, *-di-s*, *-ni-s*, *niji-s* (форманты датива) [1983: 566].

Особенностью классификации падежей Е. Ф. Джейранишвили являлось признание местных падежей послеложными, так как автор полагал, что они образуются от косвенной основы путем присоединения послелогов. Дальнейшее деление послеложных падежей на «однопослеложные» и «двупослеложные» обусловлено количеством послелогов, присоединяемых к косвенной основе. Согласно классификации исследователя, в структуру местных падежей входила исходная основа, к которой присоединялся аффикс косвенного падежа, а далее – «слитный с ним послелог или послелогои» [1983: 568]. Двупослеложными названы «совместно-сопроводительный», «причинно-целевой», «местный-предельный», «удалительный-исходный» и «сравнительно-сопроводительный» падежи.

Пользуясь разработанной методикой, Е. Ф. Джейранишвили выявил в рутульском языке семь однопослеложных и пять двупослеложных местных падежей. Вслед за А. М. Дирром, он включил в число однопослеложных «причинный (каузатив: из-за, для)» с аффиксами *-əs-tə* – *əs-də* [1983: 568].

Контэссив/контлатив с аффиксами *-ik*, *-ək*, *-ak* Е. Ф. Джейранишвили называет местным III «(субэссив: в-под)», но в рутульском языке этот падеж выражает семантику нахождения предмета либо в соприкосновении с другим, либо в составе другого предмета или вещества, о чем подробнее будет сказано в первой главе.

В работе остался незамеченным инэлатив, несмотря на то, что инэссив/инлатив на *-i*, *-ə*, *-a* получил отражение и характеристику. Также мы не обнаружили в числе местных падежей адэлатива со значением удаления из-за чего-либо.

Несмотря на наличие в исследуемом языке специального сравнительного падежа – компаратива, суперэлатив на *-ə-la*, *-i-la*, *-a-la* Е. Ф. Джейранишвили назвал «удаляюще-сравнительным». Полагаем, что поводом послужила функция сравнения, выполняемая суперэлативом.

Постэссив/постлатив на *-əx-da*, *-x-da*, *ax-da* в работе назван «причинно-целевым», согласно мнению автора, название это подобрано «соответственно функциям». Анализ фактического материала не позволяет нам согласиться с этим утверждением, так как в рутульском языке постэссив/постлатив не оформляет обстоятельства причины.

Сравнение местных («послеложных») падежей, проведенное на материале рутульского и цахурского языков, позволило Е. Ф. Джейранишвили прийти к выводу о том, что «определенная часть цахских и мухадских послеложных падежей совпадает, некоторые соответствуют; имеются отступления» [1983: 569].

Подробная классификация падежей с привлечением диалектного материала представлена в монографии Г. Х. Ибрагимова «Рутульский язык». Исследователем выделены именительный, эргативный, родительный и дательный падежи в качестве основных падежей и 12 падежей квалифицированы как местные [1978: 51].

Преимуществом работы является факт распределения пространственных падежей по сериям, в составе которых выделены локативный, направительный и исходный. Автором выделено две полные серии местных падежей и три дефектные.

Обособленным внесерийным падежом признан комитатив, который Г. Х. Ибрагимов относит к местным падежам. То обстоятельство, что компаратив не включен в систему падежей, автор аргументирует тем, что «5-й исх. (удаляющий сравнительный) падеж вытеснил сравнивающий (А. М. Дирр) или сравнительно-сопоставительный (Е. Ф. Джейранишвили) падеж на «хъаь» [1978: 57].

В монографии характеризуются аффиксы падежей, функции, выполняемые общеграмматическими падежами, теоретический материал иллюстрирован речевыми примерами.

Обусловленность употребления падежей категорией одушевленности/неодушевленности впервые отмечена в монографии Г. Х. Ибрагимова, он пишет, что инэссив присущ только неодушевленным именам, а «1-й направительный, который «образуется посредством аффикса *-ы// -у* (со значением «на»), представлен в одушевленных именах» [1978: 54]. Факты языка не позволяют нам согла-

ситься с тем, что суперлатив в рутульском языке ограничен одушевленными именами: он в равной степени присущ и неодушевленным именам, что демонстрируют примеры, приведенные в первой главе.

На наш взгляд, разграничение Г. Х. Ибрагимовым в сериях местных падежей отдельно оформленных локативного и направительного падежей не подкреплено фактами рутульского языка. Мы считаем, что отвечающей фактам языка является классификация местных падежей, произведенная С. М. Махмудовой, которая указывала на совпадение эссивов и локативов в едином локативно-направительном падеже.

С. М. Махмудова выделяет в рутульском языке три основных (именительный, эргативный, дательный); два промежуточных (сравнительный и совместный); двенадцать местных падежей, распределенных по шести сериям в составе локативно-направительного и исходного падежей [2001].

С. М. Махмудова впервые выделила в рутульском языке группу «промежуточных» падежей в составе компаратива и комитатива. «Единство смысловой стороны и материального выражения – пишет она – позволяет нам выделить падежи на *-хъаь* и *-хъван* как отдельные, на что указывают и предшествующие исследователи» [2001: 31]. В состав серий местных падежей исследователь включает по два падежа – локативно-направительный и исходный [2001: 31].

К. Э. Джамалов и С. А. Семедов в кратком грамматическом очерке рутульского языка, включенном в «Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект)», представили свою точку зрения на падежи в ихрекском диалекте. По их мнению, в ихрекском диалекте 4 основных и 16 местных падежей [2006: 429–431]. Основными падежами традиционно признаны именительный, эргативный, родительный и дательный. Комитатив и компаратив причислены к местным внесерийным падежам. Отмечено, что «некоторые местные падежи ограничены в употреблении в зависимости от категории одушевленности или неодушевленности» [2006: 429]. Авторы подметили, что локативные и направительные падежи в сериях местных падежей не дифференцированы. Не выделена в работе ущербная серия местных падежей с семантикой нахождения объекта под ориентиром (без акцента на наличие или отсутствие при этом контакта объекта с ориентиром), движения объекта под ориентир и направления из-под ориентира, в составе которой выявляется только совпадающий формально субэссив/сублатив, специально оформленный субэлатив отсутствует в связи с совпадением этой формы с постэлативом.

Ошибочно выделены К. Э. Джамаловым и С. А. Семедовым падежи шестой серии со сложными аффиксами *-ык-ид/-к-ид*, *ык-ды/-к-ыд*, падежи седьмой серии на *-х-да-д/-ых-да-д*, *-х-да-ди/-ых-да-ди* и падежи восьмой серии *-ыт-та-д/-ттаь-д*, *-ыт-та-ди/-ттаь-ди* [2006: 429]. Эти падежи, на наш взгляд, представляют собой атрибутизированные формы трех серий:

-ык-ид/-к-ид, *ык-ды/-к-ыд* – атрибутизированные показатели контэссива/контлатива, контэллатива, относящихся к серии со значением нахождения внутри, в соприкосновении с чем-либо, движения к данному положению и направления изнутри, из положения соприкосновения в значении удаления из данного положения;

-х-да-д/-ых-да-д, *-х-да-ди/-ых-да-ди* – атрибутизированные показатели постэссива/постлатива, постэллатива, относящихся к серии со значением нахождения за чем-либо, движения к данному положению и направления из-за чего-либо в значении удаления из данного положения;

-ыт-та-ди/-ттаь-ди – атрибутизированные показатели адэссива/адлатива, адэллатива, относящихся к серии со значением нахождения объекта рядом с ориентиром, приближения объекта к ориентиру и направления от ориентира.

Ошибочное выделение этих серий породило и неверное распределение падежей внутри шестой, седьмой и восьмой серий на локативные и направительно-исходные, что не является характерным ни для рутульского, ни для других дагестанских языков. Тем более, что примеры, приведенные в подтверждение теоретических выкладок, не подтверждают их [2006: 431].

Л. М. Ибрагимова выделяет в мюхрекском диалекте 4 общеграмматических и 11 местных падежей, в состав которых включен и комитатив, который традиционно относят к разряду промежуточных падежей [2009].

В диссертационной работе Р. А. Исламова отмечено наличие в хновском говоре 4 общеграмматических, 2 промежуточных и 14 местных падежей. Кроме того, Р. А. Исламов выделяет в говоре 7 типов склонения, критерии разграничения которых не всегда последовательны, и не отмечает факта совпадения в исследуемой ареальной единице эссивов и лативов [2014: 68].

Таким образом, по следующим ареальным единицам рутульского языка – мухадскому, ихрекскому, мюхрекскому диалектам и хновскому говору – падежная система была подвергнута анализу в монографиях и диссертационных работах. Грамматический строй борчин-

ского говора и шиназского диалекта был охарактеризован в монографиях Г. Х. Ибрагимова [1978, 2004]. Отметим, что полный анализ представлен только для мухадского диалекта. В других ареальных единицах система падежей представлена фрагментарно, кроме того, при выделении падежей авторы опираются на различные принципы, порой противоречивые.

Диалектная дифференциация рутульского языка. В дагестанской диалектологии широко представлена терминология, отражающая ареальную дифференциацию языка. В частности, здесь встречаются термины «наречие», «диалект», «говор», «подговор». Предполагается, что «наиболее крупные единицы, на которые делится язык, – наречия; наречия состоят из диалектов, которые, в свою очередь, делятся на говоры. Говоры в некоторых случаях делятся на подговоры. Таким образом, термин «диалект» ... определяет языковую единицу меньшую, чем наречие, и большую, чем говор» [Микаилов 1956: 35].

В настоящей работе мы будем пользоваться терминами «диалект» и «говор», в редких случаях привлекая термин «подговор». Термином «диалект» мы будем характеризовать языковую единицу, в которой отличительные моменты выражены контрастно, ярко в области как лексики, так и фонетики, морфологии. Термином «говор» квалифицируется как языковая единица, выделяемая в составе диалекта и имеющая некоторые отличительные моменты в лексике, фонетике и морфологии.

Исследователи рутульского языка выделяли разное количество диалектов и наречий. Е. Ф. Джейранишвили выделял четыре наречия: 1) собственно мухадское; 2) шиназское; 3) мюхрекско-ихрекское; 4) борчинское [1966: 7–8]. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» дается следующая дифференциация: 1) мухадский диалект; 2) шиназский диалект; 3) ихрекский диалект; 4) хновский диалект [1990]. С. М. Махмудова выделяет в рутульском языке четыре диалекта: мухадский, шиназский, ихрекско-мюхрекский и борчинско-хновский [2001: 3–4]. Наиболее основательную дифференциацию диалектов рутульского языка дал Г. Х. Ибрагимов, выделив мухадский, ихрекский, шиназский, мюхрекский и борчинско-хновский диалекты.

Мы считаем эту точку зрения наиболее отражающей действительность и поэтому в своей работе будем опираться на материал диалектов и говоров, выделенных Г. Х. Ибрагимовым.

Изучив точки зрения лингвистов-кавказоведов и фактический материал ареальных единиц, мы можем сделать вывод о том, что ру-

тульский язык образует пять диалектов: мухадский (опорный диалект формирующегося рутульского литературного языка), шиназский, мюхрекский, ихрекский и борчинско-хновский. Первые 3 диалекта (мухадский, шиназский, мюхрекский) образуют восточное наречие, последние 2 диалекта (ихрекский и борчинско-хновский) – юго-западное наречие. По системно-структурным особенностям восточное наречие тяготеет к будухскому и крызскому языкам, юго-западное наречие – к цахурскому.

По переписи 2010 года, рутулов насчитывается 35240 человек. Из них более 20 тысяч – сельские жители.

Ареал локализации мухадского диалекта – селения Рутул, Киче, Куфа, Хнюх. В связи с тем, что историческим, экономическим и культурным центром территории проживания рутульцев является районный центр Рутульского района село Рутул (*Myxalɔ*), мухадский диалект был принят за основу литературного языка.

Ареалом распространения шиназского диалекта, насчитывающего более 2500 носителей, являются селения Шиназ и Уна.

Ихрекский диалект представлен в селениях Ихрек и Аран. Ихрекский диалект по своим отличительным характеристикам занимает особое место, так как в нем сохранились такие особенности, которые не являются характерными для других диалектов и проливают свет на историю развития языка. Это обусловлено тем обстоятельством, что в основе диалекта лежит язык одного селения, что немаловажно в аспекте дальнейшей дифференциации, особенно если иметь в виду слабые культурно-экономические связи с другими обществами.

Мюхрекский диалект распространен в селах Мюхрек, Цудик и Джилихур.

Существенную роль в сохранении ихреким, мюхреким и шиназским диалектами особенностей, которые в других диалектах утратились, играло отсутствие у их носителей географического соседства с лезгиноязычным населением.

Одним из крупных по количеству носителей и занимаемой территории является борчинско-хновский диалект, который состоит из говоров сел Борч, Хнов, Новый Борч, Шорсу, Хырса, Шин, его носителями являются жители других сел Республики Азербайджан и города Шеки. По мнению лингвистов, данный диалект находится на грани исчезновения, так как носители его находятся под прессом других языков [С. М. Махмудова 2001: 4].

В нашей работе параллельно с выполнением непосредственных целей и задач исследования решались и исследовательские задачи по ареальной лингвистике.

Глава 1.

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАДЕЖЕЙ В ДИАЛЕКТАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Анализ имеющихся точек зрения по вопросу о количестве падежей, проведенный во введении, и исследование фактов пяти диалектов рутульского языка позволяют нам прийти к выводу о наличии в рутульском языке трех групп падежей: 1) общеграмматические падежи, выражающие субъектно-объектные отношения – номинатив, эргатив, генитив и датив; 2) падежи, составляющие особую группу промежуточных падежей, – комитатив и компаратив; 3) количественно варьирующиеся по ареальным единицам местные падежи, выражающие пространственные отношения между предметами, – формально совпавшие эссивы/лативы и элативы, объединенные в 5 или 6 серий (в зависимости от диалектов).

§ 1. Общеграмматические падежи в диалектах рутульского языка

Характеристика номинатива

Номинатив в рутульском языке представляет собой чистую основу без каких-либо падежных аффиксов, почему его и называют часто падежом-основой или морфологически неоформленным падежом, абсолютивом. В связи с тем, что форма именительного падежа является простейшей падежной формой, в которой имя существительное выступает как название лица, предмета или явления, за этим падежом в дагестанских языках закрепилось название «номинатив», которое мы и используем в своей работе.

Именительный падеж в рутульском языке выполняет функции субъекта при непереходных глаголах и прямого объекта при переходных глаголах, употребляется в именной части составного именного сказуемого. Имена в номинативе употребляются в функции определения, являются формой обращения, употребляются в повторах и фразеологических единицах; номинативом управляют послелогои и частицы: *бадаана* «ради, за», *кал* «как», *духъунды* «такой, как» и т. д.

Выражение **подлежащего при непереходных глаголах** – одна из основных функций номинатива в дагестанских языках.

В диалектах рутульского языка к непереходным глаголам, оформляющим номинативную конструкцию предложения, относятся глаголы нескольких семантических групп: глаголы, выражающие движение (*яхас* «бежать», *саьчIус* «спускаться», *лечIус* «взбираться» и т. д.); глаголы, выражающие пребывание в покое (*лузас* «стоять», *лукас* «лежать» и т. д.); простые и сложные глаголы со значением перехода из одного состояния в другое (*джыдгьаIс* «вянуть», *садхьаIс* «гаснуть», *тIудкьас* «взрываться, лопаться», *хьикьас* «поспевать», *кьаIсе йикис* «стареть», *быркьаI йикис* «слепнуть», *дегиш йикис* «меняться», *гьакьаллы йикис* «умнеть» и т. д.); глаголы, выражающие определенное состояние (*адгас* «застрывать», *кьалкьас* «дрожать», *ешемии йикис* «жить»); аффективные глаголы, выражающие душевное состояние (*ешес* «плакать», *паимал йикис* «печалиться», *шад йикис* «радоваться» и т. д.); глаголы речи (*гьалгас* «говорить», *кьуляя гьалгас* «бредить»):

Мух. д.: *Эдеми выдж гьалгыри мибишихьван.* –

Мужчина сам заговорил с ними.

Мюхр. д.: *Мийаа мибыр макьвалбыр гьаьаси дыхьыри Кьалуцайяя.* – Тогда они крапиву собрать пошли на Кулуцай (название местности).

Шин. д.: *ХаIлды кьавыыла хаIдей сенIес*

Зы лечIуры банад рава (К. И.).

С крыши неба звезду снять

Я взобрался на край горы.

В рутульском языке номинативную конструкцию предложения могут образовывать особые лабильные глаголы, переходность/непереходность которых выявляется только в контексте. Они способны образовывать и номинативную, и эргативную конструкцию предложения (*гьудхьас* «гореть, поджечь», *хьидкьас* «прийти, принести», *яхас* «колоть, раскалываться», *джирджес* «жарить, жариться», *гьатIус* «резать, резаться», *йикьис* «умереть, убить» и т. д.):

Мух. д.: *Ми маьхьды усбыр гьудхьас джитиндыбыр йиьи.* – Эти сырые дрова жечь трудно.

Мюхр. д.: *За бусаагьаIтти хьед хьидкьаси, вад лызыд гьаь.* – Я сейчас воды принесу, ты тесто замеси.

Глубокий анализ лабильных глаголов проведен в монографии С. М. Махмудовой.

Выражение **прямого объекта** при переходных глаголах является второй по важности функцией номинатива в ареальных единицах рутульского языка

Прямое дополнение в форме номинатива вводится в предложение при простых и сложных глаголах и описательных формах: *лешус* «братъ», *сихъис* «класть», *къыле гъаъас* «читать», *гъавырды ийес* «объяснять, вразумлять» и т. д.:

Мух. д.: *Къел` лювъудние хъед рагъара*. (Посл.) – Тот, кто соль ел, тот и воду пьет.

Дейрагъара на гъакъаллыере сес ваъаддиш. (Посл.) – Ни море, ни мудрец звуков не издают.

Шин. д.: *Халды къавыыла халдей сенлес*

Зы лечлуры банад рава (К. И.).

С крыши неба звезду снять

Я взобрался на край горы.

Подобно другим дагестанским языкам, рутульский язык располагает сложными глагольными формами, при наличии которых в предложении эргативной конструкции невозможно ввести объект в форме номинатива, так как в них именная часть уже выполняет функцию прямого дополнения: *куъмег выс* «помогать», *фикир ваъас* «думать» (букв.: «мысль делать»), *салам выс* «здороваться», *дягъви ваъас* «ругаться» (букв.: «войну делать»), *хабар ваъас* «извещать» (букв.: «новость делать»), *ялхъ гъаъас* «смеяться» (букв. «смех делать») и т. д.:

Шин. д.: *Кумаг вияъ, Аллагъ, гъуй зас*.

Зы гъаркыр а такан банаа. (К. И.)

Помоги (букв. помощь дай), Аллах, ты мне.

Я остался одиноко на горе.

Ихр. д.: *Вазирешре миды эдемийс салам выр, рухъурый: «Жи гъвадда ханара сихъдигыриш*». – Визири, с этим человеком поздоровавшись, сказали: «Нас к тебе хан отправил».

Имена в форме номинатива в рутульском языке могут являться частью **сказуемого**. Составное именное сказуемое, как правило, состоит из имени и вспомогательного глагола *йиъи* (I, IV кл.), *риъи* (II кл.), *виъи* (III кл.) «есть, является» во всех временах и в отрицательной форме *диш* «нет (не есть, не является)». Такое сказуемое констатирует наличие определенного признака или состояния, носителем которого является данный субъект, или указывает вообще на существование такого субъекта:

Мух. д.: *Вы сикI виьинехъун, зы сикIурды джубур виъи.* (Посл.) – Если ты лиса (есть), то я – лисий хвост (есть).

Гъа выды къул диш. – Он тебе не раб.

Глагольной связкой в составном сказуемом могут быть и недостаточные глаголы *и* (от *йиъи* «есть, является») и *а* (от *ана йиъи* «есть, имеется»). В пословицах, поговорках, загадках глагольная связка часто опускается:

Мух. д.: *Са хъед и, са - руIх.* (Посл.). – Один – вода есть, один – мельница.

В функции определения слова в именительном падеже выступают в случаях, когда выражают: профессию или специальность, степень родства при именах собственных; национальность или национальную принадлежность; собственные имена различных предметов; качественную характеристику определяемого слова:

Мух. д.: *Къалыйчи Демир ихъды мукъааI Дербенди гъаархыIр.* – Лудильщик Демир из нашего села в Дербент уехал.

МукъуIд йыкъаI Лалаъан мири а. – В центре села речка Лалаъан протекает.

Дидды риши ПатIимат зас ухун вирихъис гъаархыIри. – Отца сестра Патимат мне платье сшить пошла.

Йирг къумши мисде къыле ваъас руъуси. – Лезгин сосед в этом году учиться поедет.

В рутульском языке имеется категория имен, охарактеризованная лингвистами как имена, которые по своей семантике непосредственно примыкают к прилагательным, так называемые «субстантивированные прилагательные»: *къаIсды* «старый» и «старик», *кетхуди* «богатый» и «богач», *касиб* «бедный» и «бедняк», *быркъыIд* «слепой» и «слепец» и т. д.:

Мух. д.: *Кетхуди бырдж выс къиймиш руъуд диш.* – Богач не может заставить себя дать в долг.

БыркъыIд гъийгъа Iаш хадшине йиркъыри. – Слепой сегодня без посоха пришел.

Такие слова могут употребляться и без определяемого слова, тогда они являются существительными в роли подлежащего и могут склоняться по падежам. При выполнении же функции определения другого имени, эти слова в сочетании с определяемым именем не изменяются и обязательно предшествуют определяемому слову.

В рутульском языке имена в номинативе могут входить в состав **сложных слов-повторов**, обычно состоящих из двух существительных (реже – прилагательных, масдарных форм), первое из которых стоит в именительном падеже и не изменяется, второе же может изменяться по падежам и числам. Подробная характеристика редуцированных слов дана в докторской диссертации А. С. Алисултанова «Редупликация в лезгинских языках» [2012].

Исходя из семантики и в некоторых случаях структуры сложных слов, их можно разделить на несколько групп:

1) повторы, состоящие из двух разно звучащих слов с одинаковым значением: *джан-худ* «тело», *джетинвалды-дагъамвалды* «затруднение», *яр-дуст* «друзья, родственники», *гудж-бас* «насилие», *даваа-дарман* «лекарство», *хатир-хуІрмет* «уважение» *чІир-чІык* «земля» и т. д.;

2) сложные слова, обозначающие близкие по значению предметы и части одного предмета или явления: *рышбе-хыле* «девочки-женщины», *дид-шу* «отец-брат», *хыле-хынимер* «женщины-дети» (употребляется во мн. ч.), *рак-ригизан* «дверь-порог», *гаыш-мыкь* «голод-холод», *рыІхь-гичІ* «стыд-страх», *люун-рагъын* «есть-пить» (еда-питье), *хыыв-хъед* «хлеб-вода», *кІатІ-джуджий* «курица-цыпленок», *яІхь-зарахъват* «смех-шутки» и т. д.;

3) слова с противоположными по отношению друг к другу значениями: *йыгъ-выш* «день-ночь» (сутки), *дид-нин* «отец-мать» (родители), *йыхды-писды* «хороший-плохой», *дух-рыш* «сын-дочь» (дети), *сукъун-лузун* «сидеть-вставать» (жизнь, состояние), *хайир-зарар* «выгода-ущерб» и т. д.;

4) сочетания, которые состоят из одного слова, повторенного дважды: первое слово в повторах является формой номинатива, второе приобретает форму наречия с аффиксом *-на (-не)*: *джарга-джаргана* «рядами» от *джарга* «ряд», *тике-тикене* «кусками» от *тике* «кусочек», *укІ-укІна* «каплями» от *укІ* «капля», *пай-пайне* «частями» от *пай* «доля, часть» и т. д.

В рутульском языке **обращение** (название лица или предмета, к которому обращается с речью говорящий) оформляется номинативом. Обращение может занимать позицию в начале, середине или в конце предложения:

Шин. д.: *Гъей, юлдашер, за шыв гъаъаси?* (К. А.). –

Эй, друзья, что мне делать?

Нагаа вы гъаргуйне, – накъ, выш

Захда мадиш, изды яр! (Ш. Э.).

Если тебя увижу, – сна, ночи

У меня нет, моя любимая!
Йыгъа – выше секин джувгъуИд,
*КЫб-кЫб гыли вуруъура, **былах**?* (Ш. Э.)
Днем и ночью не успокаиваясь,
Быстро-быстро куда бежишь, родник?

В диалектах исследуемого языка имеются **фразеологические единицы**, в которых имя в номинативе и глагол (масдар), потеряв свое конкретное лексическое значение, способны выражать определенное действие или состояние лишь сочетаясь вместе. Как правило, такие идиомы выражают сложные душевные движения: *ул гивхъис* – ожидать, переживать (букв.: «глаз подставлять»); *йикI тIудкъас* – испугаться, ужаснуться (букв.: «сердце лопнуть»); *хыл лювшус* – простить (букв.: «руку взять»); *йыгъ-выш йикъас* – лишения испытать, *къул къулик кидиш* «быть не в себе» (букв.: «голова в соприкосновении с головой не находится»); *йикIуре йикI улес* – переживать (букв.: «сердце сердце съедает») и др.

Дополнительными средствами для выражения и уточнения пространственных, временных, целевых и других отношений, употребляющимися в рутульском языке, являются послелого, управляющие именем, находящимся в синтаксической связи с ними, и занимающие постпозицию по отношению к именам.

Именами и масдаром в форме номинатива управляют послелого *бадаана* «за, для, ради» и *духъунды* «такой, как; столько, сколько; около».

Мух. д.: *Хъед духъунды ризкъ вийихъ*. (Пожелание). – Столько, сколько воды, богатства путь даст (Аллах).

Ихр. д.: *Эдемийре рухъурый: «Гъу бадаана багъишвалды лехъ-епишури»*. – Мужчина говорит: «Ради тебя прощения прошу».

Частицы *кал* «как» и *калды* «такой, как», вследствие отсутствия в рутульском языке других грамматических средств выражения степеней сравнения, являются элементом сравнительной конструкции в сочетании с именем в форме номинатива:

Мух. д.: *ГичIеднийис дзыдзяIхъ ки яц кал гъувулгара*. (Посл.). – Трису и муравей быком кажется.

Ларсынаа гъад хъинкIий калды. – Как хинкалина (хинкал – мучное блюдо), находящаяся в кипятке.

Таким образом, в ареальных единицах рутульского языка имена в номинативе при отсутствии падежного маркера выполняют ряд синтаксических функций.

Сравнительная характеристика эргатива

Рутульский язык, как и все дагестанские языки, относится с точки зрения формальной типологии к агглютинативному типу. Морфологический строй проявляется и в склонении: для лезгинских языков характерным является наличие только одного аффикса для каждого падежа: для датива – *-с/-з*, для генитива – *-н/-вн / -д/-вд* и т. д.

На этом общем однородном фоне исключением из принципа агглютинативности выступает полиформантность эргатива, отмечаемая многими исследователями дагестанских языков (П. К. Усларом, А. А. Магомедовым, У. А. Мейлановой, Р. Шамяном и др.).

В диалектах рутульского языка, в отличие от лезгинского, табасаранского, агульского и арчинского (в которых дагестановеды выявили до девяти формантов эргатива), аффиксов эргатива меньше – несколько формантов: вокалические – *-а*, *-е*, и аффиксы с согласным *-р* в сочетании с гласными – *-рв/-вра/-вре*.

Таким образом, полиформантность рутульского эргатива можно признать относительной, заметной лишь на фоне моноформантности других общеграмматических падежей исследуемого языка.

При анализе аффиксов эргатива в диалектах рутульского языка, прежде всего, следует выделить случаи их семантической (а иногда и грамматической) обусловленности. Так, в рутульском языке в единственном числе посредством формантов, состоящих из одного вокального компонента (*-а* или *-е*) образуется эргативный падеж от ограниченного количества слов, связанных с личностью и относящихся к I или II лексико-грамматическому классу: *сус* «сноха» – *суса*, *гаг* «свекор» – *гага*, *дух* «сын» – *духар-а*, *нин* «мать» – *нин-е*, *дид* «отец» – *дид-е*, *гаьнин* «свекровь» – *гаьнин-е* и т. д.

Кроме вышеперечисленных примеров, можно отметить то обстоятельство, что формант *-е* оформляет в мухадском диалекте эргатив субстантивов I и II классов в единственном и множественном числе:

Мухадский диалект единственное число

И. п.	йыхды «хороший»	кьваIр «двое, две»	ми «этот, эта»
Э. п.	йыхды-ний-е	кьуI-ний-е	ми-ний-е и т. д.

множественное число

И. п.	йыхдыбыр «хорошие»	мибыр «эти»
-------	--------------------	-------------

В остальных случаях эргатив оформляется аффиксами, содержащими в структуре согласный *-р*:

Формант *-ра/-ре* нами отмечен в словах, основа которых содержит финальный гласный: *шу* «брат» – *шу-ра*; *риши* «сестра» – *риши-ре*; *си* «медведь» – *си-ре*.

Также этот формант оформляет во всех диалектах, кроме мухадского, эргатив субстантивов I и II классов в единственном числе:

Мюхрекский диалект

	I класс	2 класс	3 класс	4 класс
Ном.	ьыхды	рыхды	выхды	ьыхды
Эрг.	ьыхды-ну-ра	рыхды-ну-ра	выхди-й-ра	ьыхди-й-ра

В остальных случаях, независимо от класса склоняемых имен, к основе абсолютива присоединяется формант *-р*, содержащий огласовку и в препозиции, и в постпозиции. Причем препозитивный гласный форманта обусловлен характером гласных корня, в соответствии с явлением гармонии гласных оформляется и постпозитивный гласный: если в аффиксе перед *-р* стоит гласный переднего ряда, после *-р* обязательно появляется гласный переднего ряда: *-ере*, *-ире*; если же перед *-р* стоит гласный непереднего ряда, то и после него, соответственно, гласный заднего ряда: *-ара*, *-ура*, *-ыра*.

Гармония гласных, выявляемая Б. Б. Талибовым «при образовании косвенных падежей имен существительных и местоимений» в лезгинском языке, имеет отражение и в рутульском языке, о чем свидетельствуют примеры, приведенные ниже [1966: 543].

-ара: *кIабал* «группа» – *кIабал-ара*; *духул* «камень» – *духл-а-ра* и т. д.;

-ере: *кьеден* «палас» – *кьедн-ере*, *кыли* «крыло» – *кыли-ере* и т. д.;

-ире: *убул* «волк» – *убл-ире*, *йыхды* «хороший» (III, IV кл.) – *йыхдыд-ире*; *ми* «этот» (III, IV кл.) – *мид-ире*; *хьуд* «пять» (IV кл.) – *хьудд-ире* и т. д.;

-ура: *укь* «трава» – *укь-ура*, *шурук* «птица» – *шурк-ура*, *кьурукь* «лист» – *кьуркь-ура* и т. д.;

-ыра: *кьырыб* «кость» – *кьырб-ыра*, *цIырыкI* «лоскут» – *цIыркI-ыра* и т. д.

Своеобразие проявляется при оформлении эргативного падежа личных местоимений I и II лица в мухадском диалекте: в единственном числе при образовании эргатива личных местоимений, состоящих из одного согласного и одного гласного, гласный *-ы* переходит в *-а*: И. п. – *зы* «я», *вы* «ты» – Э. п. – *за*, *ва*.

Кроме того, при склонении местоимений в шиназском, мюхрекском, ихрекском и борчинско-хновском диалектах выявляются специфические аффиксы эргатива *-й*, *-д*, *-й*, *-тти*, *-дж*, не обнаруживающиеся при склонении других частей речи, но способные пролить свет на архаичное состояние ругульского языка.

На этой особенности мухадского диалекта мы остановимся подробнее во второй главе, при анализе склонения местоимений.

В шиназском диалекте мы выявили употребление форманта эргатива с финальным *-р*, характерного из других ареальных единиц только для мюхрекского:

Шиназский диалект

Яр хъыркъыры, яр хъыркъыры...

Хъыблир гыхид кагъат хъидкъыры! (Ш. Э.)

Любимая вернулась, любимая вернулась...

Ветром унесенное письмо принесла!

Мюхрекский диалект

Йыхдынур гыргыр а джухъван юлдаш. – Хороший повел с собой друга.

В шиназском диалекте наблюдается и усечение форманта эргатива *-е* во множественном числе после показателя множественности *-би-* и вставочного элемента *-ш-*, что не является нормой для остальных диалектов:

Къыхъдыбиш рагъын бадана,

Кеф диъир, лыын бадана! (Р. П.)

Управляющие пили чтобы,

Веселясь, кушали чтобы!

Проблема полифункциональности эргатива является одной из дискутируемых в кавказоведческих работах. Исследование функций эргатива, кроме оформления подлежащего при переходном глаголе, важно для решения вопроса о происхождении и эволюции эргативности.

Согласно теории И. И. Мещанинова, эргатив может быть «самостоятельным», оформляющим субъект действия, и «совмещающим», выражающим инструментальные значения.

Совмещающий эргатив характерен для системы склонения рутульского языка, как и для других систем склонения, следующих принципу двух основ.

Здесь он представлен эргативно-творительным падежом – распространенным видом совмещающего эргатива. В большинстве дагестанских языков эргатив и инструменталис представляют собой общую, недифференцированную форму. В рутульском языке проблема взаимоотношения эргатива и творительного падежа интересна и осложнена тем, что здесь имеется и комитатив, выполняющий функции инструменталиса параллельно с эргативом.

Эрг. *За меншерере гаьри сидкыри.* – Я пилой ветку спилил.

Комит. *За меншерехьван гаьри сидкыри.* – Я пилой ветку спилил.

Эрг. *Шура саныра хикбыр яхыра а.* – Брат молотком орехи колет.

Комит. *Шура саныхьван хикбыр яхыра а.* – Брат молотком орехи колет.

При исследовании совмещающего эргатива в рутульском языке внимание привлекает тот факт, что при эргативно-творительном падеже функция инструменталиса выявляется лишь у неодушевленных имен, относящихся к IV классу, при одушевленных именах эргатив оформляет субъект действия: *Икал гытируре кьул' ки хьивикьирдиш.* (Посл.). – Бесплатно уже кошка мышь не убивает. *Йимаьлере гаьара, йивандире улере.* (Посл.). – Осел работает (букв. «делает»), лошадь ест.

В рутульском языке, как и в родственных арчинском, лакском, даргинском, аварском, эргативным падежом оформляется **обстоятельство причины**: *Сигьынуре шитил'быр киидхьури.* – От жары рассада не принялась. *Мыкьынуре халды гьулибыр сигьури.* – От холода в комнате окна замерзли.

В исследуемом языке причинное значение в эргативном падеже обычно выражается абстрактными существительными, образованными при помощи суффикса *-валды*: *шадвалды* «радость», *гьигьвалды* «скудность, жадность», *кьалчивалды* «усталость», *бытIравалды* «красота», *йыхвалды* «положительность», других отвлеченных существительных: *ядал* «болезнь», *хьыбыл* «ветер», *гьугьал* «дождь», *виригь* «солнце» и т. д.

Слабую дифференцированность субъектного и причинного значений эргатива в дагестанских языках отмечал М. Е. Алексеев, указывая, что важное значение в разграничении этих двух функций имеет

«правильное определение переходности/непереходности глагола» [Климов Г. А., Алексеев М. Е. 1980: 222].

Факты языка подтверждают, что в предложениях *Мыкьынире халды гьуІлибыр сигье гьыгыри.* – «Мороз в комнате окна заморозил» и *Мыкьынире халды гьуІлибыр сигьыри.* – «От холода в комнате окна замерзли» значимой для разграничения функций субъекта и обстоятельства причины, выполняемых эргативом, является переходность/непереходность глагола.

Исследовав проблемы оформления и функционирования эргатива в рутульском языке, мы попытались выяснить, какой этап развития эргативности переживает рутульский язык. Факты языка оказались противоречивыми. Так, в рутульском языке отмечается наличие большого числа лабильных глаголов (около 90 единиц), что, по мнению Г. А. Климова «является типичной чертой раннего этапа функционирования в языке эргативности, а языки, переживающие поздние ступени эргативности, характеризуются полным отсутствием группы» [1973: 144]. Кроме того, выполнение эргативом функции инструменталиса и обстоятельства времени также свидетельствует об активной фазе эргативности в рутульском языке.

Но все же мы полагаем, что есть свидетельства ослабления позиций эргативного падежа в рутульском языке, основными из которых являются:

- меньшее количество формантов в отличие от других языков лезгинской группы;
- отсутствие в рутульском языке косвенной основы, равной основе эргатива, в отличие от многих других дагестанских языков;
- тенденция к становлению комитатива основным средством оформления инструментального дополнения за счет вытеснения эргатива.

Таблица аффиксов эргатива имен существительных и субстантивов ед. ч. в в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-е, -а, -ра, -ре, -vpv	-е, -а, -ра, -ре, -vpv	-е, -а, -ра, -ре, -vp, -vpv, -∅	-е, -а, -ра, -ре, -vpv	-е, -а, -vp, -ра, -ре, -vpv

В речи носителей шиназского диалекта в некоторых случаях аффикс эргатива выпадает, вследствие чего форма эргатива совпадает с формой номинатива. Как правило, этот процесс нейтрализации затрагивает только предполагаемый моновокалический аффикс имен существительных:

Изды нин(е) кIвалах ваъар аджиш, изды дид(е) халды кIвалах ваъара. – Моя мать не работает, мой отец домашнюю работу выполняет. (В скобках приведены предполагаемые аффиксы эргатива, характерные для остальных диалектов рутульского языка).

В диалекте параллельно функционируют формы эргатива с моновокалическим аффиксом, образованные от субстантивов: *Гъабише Къандзыгъай хьидыы лерир.* – Они ведьму Кандзыгай в воду сбросили.

Предполагаем, что в шиназском диалекте наметилась тенденция к стиранию граней между номинативом и эргативом.

Таблица аффиксов эргатива имен существительных и субстантивов мн. ч. в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч-хнов. д.	мюхр. д.
-v, -vrv	-v, -vrv	-v, -vr	-v, -vrv	-v, -rv

Сравнительная характеристика генитива

В рутульском языке в качестве самостоятельной падежной единицы функционирует генитив. Некоторые особенности генитива – формальная близость аффиксов генитива к показателям адъектива; выполнение им функций относительного прилагательного, неразвитость субъектно-объектных функций в области семантики, наличие классного согласования аффиксов генитива в некоторых диалектах рутульского языка – позволяют исследователям говорить о несформированности данного падежа.

Формальное совпадение аффиксов генитива с показателями прилагательных в рутульском языке позволило некоторым исследователям квалифицировать родительный падеж как прилагательное. Так, А. М. Дирр писал: «Рутульский родительный – это прилагательное» [1911: 6]. Е. А. Бокарев отмечал, что окончание генитива «совпадает с окончанием производных прилагательных... и его функционирование

в роли показателя родительного падежа является вторичным» [1960: 25]. Падежом «принадлежности» или «определительным» называет генитив Г. Х. Ибрагимов [1978: 23].

По мнению А. Е. Кибрика, генитив «ограничен атрибутивной функцией и в некоторых языках (цахурском, рутульском, отчасти – чамалинском) неотличим от адъектива, т. е. может считаться не падежной формой, а деривативным аффиксом» [1981: 69–70].

Подобная точка зрения высказана и С. М. Махмудовой, отрицающей существование в падежной системе рутульского языка генитива: «...факты языка заставляют сомневаться в наличии сформировавшегося родительного падежа. На наш взгляд, аффиксы *-d* и *-dy*, отмечаемые рутуловедами за генитивом, выражают лишь семантику притяжательности» [2001: 83].

Мы придерживаемся другой точки зрения, так как глубокое исследование языкового материала позволяет обнаружить, что генитив в рутульском языке выражает не только семантику притяжательности. В примерах типа *хуІрид мишух* «мешок муки»; *ямагад гъаьег* «кастрюля каши»; *хьывад дилим* «кусочек хлеба»; *парчидид метр* «метр ткани»; *давараиды нехир* «стадо скота» (крупного рогатого); *хьидид темизвалды* «чистота воды»; *хукад гъари* «ветка дерева»; *цІысыд гыр* «тарелка супа» и т. д. усматриваются отношения: мера, количество; группа – состав; часть – целое. И если имена в генитиве, выполняющие атрибутивную функцию, занимают препозицию по отношению к определяемому слову, то вышеприведенные формы генитива могут занимать как препозицию, так и постпозицию:

цІысыд гыр «супа тарелка» – *гыр цІысыд* «тарелка супа»;
хуІрид мишух «муки мешок» – *мишух хуІрид* «мешок муки»
и т. д.

Кроме того, в сочетании с постпозитивной формой генитива часто употребляются количественные числительные:

хьиб тІыч бычІид «три букета цветов»;
къваІд дилим хьывад «два кусочка хлеба» и т. д.

Немаловажным является тот факт, что в зависимости от порядка слов в подобных сочетаниях (особенно в сочетаниях с количественными числительными) конкретизируется семантика имени в генитиве: если сочетание *хьыбыд цІысыд гыр* может обозначать «три тарелки супа» и «три суповые тарелки» (глубокие тарелки для первых блюд), то сочетание *хьыбыд гыр цІысыд* может означать лишь «три тарелки супа». Анализ сочетаний второго типа и позволяет нам говорить о

функционировании генитива как отдельного самостоятельного падежа.

Наличие генитива в системе падежей рутульского языка подтверждается и другими фактами: аффиксы родительного падежа последовательно присоединяются к основе всех склоняемых имён и субстантивов без исключения; формы генитива не обнаруживают структурных отличий от форм других общеграмматических падежей: в них также могут присутствовать вставочные элементы, оформляющие косвенную основу.

Таким образом, и по форме, и по семантике генитив стройно вписывается в падежную систему диалектов рутульского языка.

В диалектах рутульского языка генитив представлен аффиксами *-д*, *-вд*, *-ды* (*-ди*,) *-вды*.

Формант *-д* присоединяется к существительным с вокальным исходом: *шу-д* «брата», *риши-д* «сестры».

Аффикс *-ид* в диалектах несет большую функциональную нагрузку, с его помощью образуется форма родительного падежа некоторых существительных и всех субстантивов III и IV класса: *хыл-ид* «руки», *йыхдыд-ид* (III, IV кл.) «хорошего», *йицд-ид* (III, IV кл.) «десяти», *тин-ид* (III, IV кл.) «того», *лешуддд-ид* (IV кл.) «взятого» и т. д.

Аффиксы *-уд* и *-ыд*, как правило, принимают в родительном падеже существительные, в корнях которых уже содержатся аналогичные гласные: *кулк-уд* «ветра», *кьырб-ыд* «кости». Аффикс *-ад* присоединяется к существительным с гласными переднего ряда в корнях: *чIабал – чабл-ад* «барана», *духул – духл-ад* «камня» и т. д.

Формант *-ды* присоединяется к некоторым существительным ко всем остальным склоняемым частям речи I и II классов: *дид-ды* «отца», *нин-ды* «матери», *йыхдыний-ды* «хорошего», *хьурний-ды* «пяти».

В диалектах рутульского языка функционирует и аффикс *-вды*, не характерный для мухадского диалекта:

Борч.-хнов. д.: *Йи дамах йиъи, сувумыды дамах,*

Вышне дамахдииле, йа Гьыниши, самах. (С. К.)

Наша гордость есть гордость гор,

Никого не лишай, Всевышний, этой гордости.

В мухадском диалекте, лежащем в основе литературного языка, и в шиназском диалекте употребление аффиксов генитива не мотивировано классом слов, согласуемых с данной формой. Этим ареальным единицам противопоставлены ихрекский, мюхрекский и борчинско-хновский диалекты, в которых имеет место классное согласование,

например: *нин-ды шугу* «матери брат», *нин-ды риши* «матери сестра», *нин-ды зер* «матери корова», но *нин-ыд хал* «матери дом» (ихрекский диалект); *дид-ди шу* «отца брат», *дид-ди риший* «отца сестра», *дид-ди йабы* «отца лошадь», но *дид-ид хал* «отца дом» (хновский говор).

В этих диалектах оформление генитива I, II и III классов противопоставлено IV классу: в первых трех классах имеет место аффикс *-ды*, в IV классе – аффикс *-ыд*.

Подобное явление имеет место и в цахурском языке. Как отмечает Г. Х. Ибрагимов, к существительным в генитиве, употребляющимся с именами I, II и III классов, присоединяется аффикс *-вна*, *-на*, к существительным в генитиве, употребляющимся с именами IV класса, – *-вн*, *-н* [1990: 72].

Зависимость употребления аффиксов генитива ихрекского, мюхрекского и борчинско-хновского диалектов от лексико-грамматической категории класса (вернее – категории одушевленности/неодушевленности) слова, согласуемого с данной формой, наблюдаемая в трех диалектах рутульского языка из пяти, может быть объяснена ареалом их локализации – они занимают пограничную территорию с цахурским языком, для которого обусловленность применения аффикса генитива категорией одушевленности/неодушевленности является нормой.

Функциями генитива в рутульском языке являются: выражение атрибутивных отношений между именами; косвенного объекта; обстоятельств места и времени (как в сочетании с послелогом и частицами, так и без их участия), оформление именной части составного сказуемого.

Генитив определения. Имена существительные и субстантивированные имена могут вступать в атрибутивные отношения с другими именами. Родительный падеж является одной из основных форм выражения следующих атрибутивных отношений между именами в рутульском языке: отношение принадлежности; отношение «предмет-материал»; отношение «часть-целое»; отношение «группа-состав»; отношение «предмет-качество»; отношение меры, количества; отношение «ингредиент-предмет»; временное отношение:

Мух. д.: *Банад кьухьвалды лаь ледчуйне вацIаси*. – Высоту горы познаешь, когда поднимаешься на нее.

Ми тIыбыхъахъаь зас хьыбыд савь хьытIад йыгара. – За этот браслет я три мерки пшеницы хочу.

Йыгъад къазамии садакъана вияь. – Дневной заработок в качестве милостыни раздай.

Шин. д.: *Халды къавыыла халдей сенлес*

Зы лечлуры банад рава (К. И.) –

С крыши неба звезду снять

Я взобрался на край горы.

«Ваз, цинды ваз, зы сабыраас,

Саъ сивыка юглад перде...» (К. И.)

«Луна, новая луна, для моего покоя

Спусти вниз дождевой занавес...»

Мюхр. д.: *Минур джуды къуну-кумшиешды рухьурув: «Зы пагаа макъвалбыр гъаъас вукьулави, выхьды хынимар сидига, ваъс ки гъаъас, макъвалбыр ад хварчелбыр гъаъас».* – Он своим соседям говорит: «Я завтра иду крапиву собирать, отпустите со мной своих детей, вам тоже соберем, приготовите вареники с крапивой».

Генитив косвенного объекта. По сведениям исследователей дагестанских языков, генитив в них в качестве косвенного объекта выступает крайне редко. Употребление приименного генитива в объектном значении в цахурском и рутульском языках подчеркивал еще М. Е. Алексеев [1980: 234]. Факты ареальных единиц рутульского языка подтверждают выполнение генитивом функций косвенного объекта:

Мух. д.: *Тылыед ки гьыИрид ки йиниш са йиъи.* (Посл.). – У собаки и у зайца бог один.

Амаа са йыгъа дадалад йыИкъмык' йыхыИн йишири. – Но в один день на спине петуха рана образовалась.

Шин. д.: *Цай кидхьуд гьикI серинаъас*

Кумаг вагьыИр халдид выше. (К. И.) –

Горящее сердце остудить

Помощи попросил у неба ночью.

Мюхр. д.: *Къандзыгайис йыкара йишир клаъдыбыйды шу йикъе гъаъас, йидж гъанаады ериндире рикъе раъар джиды рыш.* – Кандзыгай захотела убить младшего брата, но вместо него убила свою дочь.

В мухадском диалекте генитив от имен существительных и субстантивов оформляет косвенный объект, которому исполнилось или исполняется определенное количество лет:

ГьуИкиметед къухдынийды рыхьИцыр сен йишир а. – Руководителю страны шестьдесят лет исполнилось.

Далее мы приведем факты других ареальных единиц рутульского языка, которые свидетельствуют о выражении в них этой функции

формами датива (ихрекский диалект) и формами постэссива/постлатива (в борчинско-хновском диалекте).

Обстоятельственные функции генитива. Имена в родительном падеже выражают место, где происходит действие, время, в течение которого совершается действие, и образ действия.

Обстоятельство места генитив выражает в сочетании со многими наречиями места. К таким наречиям относятся: *аа, аала* (внизу, снизу), *уу, эли, уула, эляя* (на, наверху / над, сверху), *хьура, хьураа* (вперед, спереди), *хьалаа, хьалаала* (позади, сзади), *аьна, ара, араа* (в, внутрь, изнутри), *гьаьна, гьари, гьараа* (вне, наружу, снаружи), *бегеде, бегедаа* (рядом, от положения «рядом»):

Мух. д.: *Банад аала хьед гаагьуIре а.* – Из-под горы вода вытекает. *Хукад уу шурукмаше аькваьл' гьыьыр а.* – На дереве птицы гнездо свили.

Мюхр. д.: «*Выти, – хьури, – КьалуцаIаяя кIучид ари сьдкаIси*». – Пойдем, – сказал, – на Калуцае (название местности) в сарае посидим.

Шин. д.: *Халды арбай вышне ки аджиший.* – В доме никого не было.

Дамьды йьIкьааI саь ана вий нецI. – Посреди леса текла река.

Функцию обстоятельства времени выполняет генитив от существительных с лексическим значением времени, к которому примыкает определяемое слово в форме инэссива/инлатива:

Мух. д.: *КьыIдид вахтинди МыхааI усбыр адишне йикисдиш ешемши дикис.* – Во время зимы в Рутуле без дров не проживешь.

Са сьдыд арыди хьиб гвалах дегши выьыр. – В течение одного года три работы сменил.

Генитив в составном сказуемом как его именная часть употребляется только в сочетании с формами служебного глагола *йиьи* «есть» во всех временах:

Пар кид зер ихьды виьи. – Корова с пятном наша (есть).

Къав саджагур ад хал тухтурад йиьи. – Дом, еще не покрытый кровлей, доктора (есть).

Генитив с послелогом и частицами. Именами и масдаром в родительном падеже управляют послелогом *бадаана* «за, из-за, для, ради, вместо» и *духьунды* «такой, как; столько, сколько».

Послелог *бадаана*, управляя номинативом, выражает семантику «для, ради», управляя генитивом, – семантику «за, из-за, вместо»:

Мух. д.: *Китабад бадаана хвабала хъыв ихъири*. – Вместо книг в торбу хлеб положил.

Послелог *духъунды*, управляя генитивом, выражает лишь значение «такой, как», тогда как, употребляясь с номинативом, выражает все указанные выше значения: *Къумишед рыш ихъды духъунды ришир а*. – Соседская дочка стала такая, как наша.

С именами в генитиве употребляются частицы *кал* «как» и *калды* «такой, как»:

Мух. д.: *Къухъды эдемиед кал хынхыд йиван къабыл выъыр*. – Как у взрослого мужчины, ребенка коня приняли.

Шин. д.: *Улабыр йиъи гвадырды калды, юруш ха гъуИдирды калды* (Ш. Гъезерчи). – Глаза такие, как у сокола, походка как у куропатки.

Таблица аффиксов генитива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды

Сравнительная характеристика датива

В падежных системах дагестанских языков присутствует датив как самостоятельный падеж, что сближает их с номинативными языками, так как наличие датива не является нормой для большинства эргативных языков.

При этом многие исследователи-кавказоведы (Л. И. Жирков [1941: 39], Е. А. Бокарев [1948: 63], М. Е. Алексеев [1980: 230] и др.) указывали на широкий круг значений датива в дагестанских языках, его архаичность и связь с пространственными падежами на ранних этапах развития.

А. С. Чикобава отводит дативу и генитиву важное место при классификации падежей, отмечая при этом последовательность их появления вслед за творительным и преобразовательным падежами, являющимися единицами самой древней формации. Вторичность формирования родительного и дательного падежей автором мотивируется «чисто синтаксической функцией» генитива и датива в противовес словообразовательной функции творительного и преобразовательного падежей [2010: 159].

Для всех диалектов рутульского языка характерен аффикс дати-ва на *-с*:

слова с финальным гласным основы присоединяют в форме дати-ва аффикс *-с* присоединяется: *риши-с* «сестре», *гылы-с* «мосту» и т. д.;

аффиксы *-ус* и *-ыс*, как правило, принимают в дательном падеже существительные, в корнях которых уже содержатся аналогичные гласные: *кулк-ус* «ветру», *кьырб-ыс* «кости» и т. д.;

аффикс *-ас* присоединяется к существительным с гласными непереднего ряда в корнях: *чабл-ас* «барану», *духл-ас* «камню» и т. д.;

аффикс *-ес* присоединяется к существительным с гласными переднего ряда в корнях: *джуджи-ей* «цыпленку», *кьатир-ес* «скакуну» и т. д.;

аффикс *-ис* служит для образования датива некоторых существительных, субстантивов и масдарных форм единственного числа: *кьу л-ис* «голове», *хыл-ис* «руке», *писдыний-ис* (I, II кл.) «плохому, плохой», *писдыд-ис* (III, IV кл.) «плохому, плохой», *сынний-ис* (I, II кл.) «одному, одной», *сынд-ис* (III, IV кл.) «одному, одной», *тиний-ис* (I, II кл.) «тому, той», *тинд-ис* (III, IV кл.) «тому, той», *сатыдний-ис* (I, II кл.) «оставившему, оставившей», *сатыдд-ис* (III, IV кл.) «оставившему, оставившей», *сукьун* «сидеть» – *сукьун-ис* и т. д.

В мухадском диалекте аффикс *-ис* оформляет датив всех субстантивов независимо от классной дифференциации.

Во всех диалектах, кроме мухадского, при образовании форм датива от субстантивов и масдарных форм единственного числа I и II классов присоединяется аффикс *-с*; при образовании форм датива от субстантивов и масдарных форм единственного числа III и IV классов присоединяется аффикс *-ис*:

Хновский говор

	I, II кл.	III, IV кл.
Ном.	гьвады «тот, та»	гьвады «тот, та, то»
Дат.	гьав-на-с	гьав-д-ис и т. д.

Мюхрекский диалект

	I, II кл.	III, IV кл.
Ном.	гьад «тот, та»	гьад «тот, та, то»
Дат.	гьа-ну-с	гьа-д-ис и т. д.

Исключением является ихрекский диалект, в котором датив всех субстантивов независимо от классной дифференциации оформляется аффиксом -с:

Ихрекский диалект

Ном.	рыхды (II кл.) «хорошая»	гъыхды (IV кл.) «хороший»
Дат.	рыхды-ни-с	гъых-ни-с

Существенных локальных различий в оформлении датива в диалектах рутульского языка не обнаруживается.

Форма датива в ареальных единицах рутульского языка имеет широкое употребление. Она выступает в функциях субъекта, прямого и косвенного объекта, именной части составного сказуемого, а также в разнообразных обстоятельственных значениях.

Датив в функции субъекта. Дативная конструкция, в которой реальный субъект стоит в дательном падеже, реальный объект – в именительном, а сказуемое выражено аффективным глаголом, характерна для рутульского языка, как и для других дагестанских языков.

Проблемы исследования дативной конструкции предложения освещаются в трудах И. И. Мещанинова [1936: 174], Л. И. Жиркова [1961: 69–70], У. А. Мейлановой [1960: 71–75], М. Е. Алексеева [1975: 10] и др.

В рутульском языке дативную конструкцию предложения образуют глаголы чувственного восприятия, относящиеся к следующим семантическим группам:

I) глаголы с семантикой чувственного восприятия: *гъагус* «видеть», *ун йикис* «слышать», *йыгас* «желать, хотеть, любить», *бизар йикис* «надоесть», *гичI йывхыIс* «пугаться», *бегемии йикис* «нравиться», *рыIхъ йикис* «стесняться», *хъаIл либкъас* «сердиться» и т. д.:

Мухадский диалект

ЙикIис гъаджагуйне, улабас ки гъагваардиш. (Посл.). – Если сердце не видит, и глаза не видят.

Сыва аднийис эч выгад йиъи, мукъаI аднийис – джар. (Посл.). – В горах находящийся яблоко хочет, в селе находящийся – сметану.

Шиназский диалект

Са ямыджек вугъургъар ад са сикIис

РыхъаI хъиъид гъаIраби гъагур мийдис. (Ш. Э.)

Однажды прогуливающаяся лиса

Увидела едущую по дороге арбу.

Хновский говор

Гьамыъ Ширбанхъаес йигара ай хьур мид Чирчухъв сабхыр ми хынимешиклаа сабайды илес. – Теперь Ширбанхай захотела, чтобы Чичуф заснул, чтобы одного из детей съесть.

2) глаголы, выражающие умственную деятельность человека: *гьацІас* «знать», *йикІыы йикъас* «вспоминать», *гьацІара йикис* «узнавать» и т. д.:

Мухадский диалект

*Йинчис гьацІыхъ,
шумуб девир гьаабхыІрди.* (И. Ш.)
Бог знает,
сколько веков прошло.

Хновский говор

Гьынчис гьацІар, писад има, мид, йыхыд... (К. С.)
Бог знает, плохой тот или хороший...

3) глаголы, выражающие посессивные отношения: *агас* «находить», *гьийкъас* «хватать, быть достаточным», *гьиджзийкъас* «не хватать, недоставать» и т. д.:

Вас йигъиме сийир ад хала рычІед дыкІый агыд? – Ты нашел в заброшенном доме глиняный сосуд?

4) глаголы, выражающие физическое состояние человека: *гьыше йикис* «проголодаться», *накъ йыхыІс* «задремать», *мыкъа йикис* в значении «простудиться» (букв. «холодно стать») и т. д.:

Мисде кьынне хынхыс мукъаІ хьыдхьыйне мыкъа йишири. – В этом году, когда в село поехали, ребенок простудился.

Датив в функции прямого объекта. В диалектах рутульского языка при сложных глаголах, в составе которых присутствует существительное + глагол *йыхыІн* во всех временах (*цІай йыхыІн* «жечь», *гІал йыхыІн* «кусать», *шир йывхыІн* «красить», *бер йыхыІн* «копать», *лыз йыхыІн* «штукатурить»), имена в форме датива выступают в функции прямого объекта.

Мухадский диалект

*Мирие ад къавахбыр гьатур,
Йигитешды гарданаа лихьир,
ДжамаІхдис гичІ ливес хьур,
Улабыр гьаъ игьийеури* (И. Г.).

У реки тополя срубив,
Героям на грудь положив,
Чтобы народ напугать,
Глаза выбили.

Гашиды ублуре хукахълаа саъ хъуд якъидис гIал йыхыIри. – Голодный волк висящее на дереве мясо (кусок) откусил.

Аналогии этой функции датива описаны в работах У. А. Мейлановой и З. Г. Абдуллаева. М. Е. Алексеев, описывая эту функцию датива, привел один пример из лезгинского языка: «*Ада вичин тунIуз раб акъадарна* «Он свой палец уколол» [1980: 229].

Датив в функции косвенного объекта. Указание лица или предмета, в интересах которого, в пользу или во вред которому совершается действие, в диалектах рутульского языка оформляется дательным падежом:

Мухадский диалект

*Маджлисди хъйба хъаIвалгъыIд гес вишир,
КъваIд гъагъзыр сен дуьнйадис са кар кидиш.* (И. Ш.)

Словно танец, трижды востребованный на свадьбе,
Две тысячи лет для жизни для земли ничего не значат. (Перевод С. Махмудовой).

Шиназский диалект

*Юкъсуруула гъатIвар раIхъбыр,
Касибешис вылцIар дердыбыр.* (Ш. Э.)

Со всех сторон закрыв дороги,
Беднякам даешь печали.

*Йилары гъу, зас рыкад рыш?
Шунары гъу, зас рыкад рыш?
Маннас рывыс аркыр ад сус –
Зас рыкад рыш, зас рыкад рыш.* (К. И.)

Где ты, любимая мною девушка?
Как ты, любимая мною девушка?
Другому отданная невеста –
Любимая девушка, любимая девушка.

Хновский говор

*Инсанвалис хайанат макъ,
СикIвалихъван, амалдихъван.* (К. С.)

Человечности не вредите
Лисьим норовом, хитростями.

Ихрекский диалект

*Инсан и вы, Гъашыкь Сакит,
изды халкъдис гирамигды инсан и вы. (М. Г.-Ю.)*
Человек ты, Ашуг Сакит,
моему народу желанный человек.

*Юсифыс халат
Гъелберый, валлагъ! (М. Г.-Ю.)*
Юсифу халат
Подойдет, конечно!

Форма дательного падежа, употребляясь в значении косвенного объекта, относится к глаголу-сказуемому, а не ко всему предложению в целом. И поэтому датив в объектном значении тесно связан с семантикой глагола в отличие от датива в обстоятельственном значении, где дательный падеж относится ко всему предложению в целом.

В ихрекском диалекте выявляется специфическая функция датива – выражение им объекта, которому исполнилось или исполняется определенное количество лет: *Шугус хьибцIыр сен йиъи.* – Брату тридцать лет (есть).

В мухадском диалекте в этой функции употребляются только имена существительные и местоимения в форме генитива (*Шуд хьибцIыр сен йиъи.* – Брату тридцать лет (есть)), а в борчинско-хновском диалекте – имена и местоимения в форме постэссива/постлатива (*Йахда шибцIыр саън а.* – Мне тридцать лет (есть)).

Выражение в хновском говоре дательным падежом объекта, с которым имеет сходство субъект действия (*Рыш дидыс кирикара.* – Дочь на отца похожа), также не является нормой для других ареальных единиц: в мухадском диалекте эту функцию выполняют формы контэссива/контлатива (*Рыш дидик кирикара.* – Дочь на отца похожа).

Датив в составном именном сказуемом. В рутульском языке имеется небольшое количество составных именных сказуемых, в состав которых входят имена в дативе и глагол-связка *йиъи* «есть» (или его отрицательная форма *диш* «нет»).

ЧицкIыд хыв на чIирчIымды нек – вас йикихь. – Черствый хлеб и кислое молоко – тебе пусть будут.

Также мы выявили в рутульском языке несколько сложных глаголов, образованных соединением имен существительных в форме

датива и глагола: *хьидис хъыІхыІс* «споласкивать» (*хъед* «вода» + глагол *хъыІхыІс*); *кьулис ваъас* «угробить» (*кьул* «голова» + глагол III кл. *ваъас* «сделать»); *белидис йикис* «на беду случиться» (*беляя* «горе, обуза» + глагол *йикис* «бывать, случаться»).

В рутульском языке дательный падеж выступает в функции **обстоятельств цели, времени и места**.

Обстоятельственное значение времени выражают формы датива от имен существительных, обозначающих времена года, время суток, названия месяцев, дней недели, а также количественные числительные IV класса в сочетании с существительным *сагьаІт* «час, часы» или подразумевая его наличие:

*ГьІар йаІкваІс ун каъад виъи,
Дере вакъалкья ваъ, дадал. (И. Ш.)*
Каждое утро кукарекает,
Ущелье заставляя дрожать, петух.

СагьаІт рыхьдис почта гъигье хъаваъаси. – В шесть часов почту закروют.

Мюхр. д.: *Эрес минур рухьура: «Макъвалбыр йишир а КьалуцаЯая-сыва: гьелбид ширинды макъвалбыр».* – В марте (в день весеннего равноденствия) он говорит: «На горе Кулуцай выросла крапива: хорошая вкусная крапива».

В функции **обстоятельства места** имена существительные в форме датива выступают редко – только в предложениях с глаголом-сказуемым *йыхыІн*. Как правило, субъектом действия здесь выступают существительные III класса, обозначающие животных:

Сигьынире чІабалар хинес йыхыІр дии. – Из-за жары овцы к луку не пошли.

СагьаІт хьибдис ка виригъ сивтІийне, зебыр хьидис йыхыІри. – К трем часам, когда солнце палило, коровы к воде направились.

Ограниченное количество таких примеров позволяет заключить, что датив в рутульском языке утрачивает локативную функцию, всё чаще заменяя ее объектной.

Обстоятельственное значение цели, ради которой совершается действие над другим объектом, отчетливо выражается в следующих примерах:

Мухадский диалект
*Куьмгис йидкьыр йирекдыбыр,
Джыныхълаа на Сыназыраа,
Хъылдабыр на ЙичІебыр,
Лаггурдаады мийманар. (И. Г.)*

На помощь (чтобы помочь) пришли ихрекцы,
Из Джыныха и Шиназа,
Из Хлюта и Йича,
Из Лакии кунаки.

Гыдзыр хала хайирес руьуд дши. (Посл.). – Глашатай в дом к добру не приходит.

§ 2. Промежуточные падежи в диалектах рутульского языка

В диалектах рутульского языка выявляется группа промежуточных падежей (по терминологии Г. А. Климова [1986: 92]), включающая комитатив и компаратив, которые с точки зрения морфологических особенностей близки к общеграмматическим падежам и эссивам/лативам, но по выполняемым функциям они ближе к падежам, выражающим отвлеченные отношения. Как правило, пространственные отношения этими падежными единицами не выражаются.

С. М. Махмудова при описании падежей рутульского также определила комитатив и компаратив как «промежуточные», отметив, что «Единство смысловой стороны и материального выражения позволяет нам выделить в качестве отдельных, самостоятельных единиц падежи на *-хъаъ* и *-хъван*» [2001: 31].

Сравнительная характеристика комитатива

А. М. Дирр характеризовал комитатив как «сопровождающий», указывая на его употребление в значении творительного орудия (инструменталиса) [1911: 10]. Е. Ф. Джейранишвили в составе послеложных падежей выделял «совместно-сопроводительный» [1984: 54]. Г. Х. Ибрагимов относит совместный к местным падежам, отмечая, что «из местных падежей комитатив стоит вне серий» [2004: 57].

Термины «совместный падеж» и «комитатив» не равнозначны применительно к системе рутульского языка, так как совместный падеж в диалектах исследуемого языка выступает в двух значениях: в значении комитатива, если он образован от одушевленных имен, в значении инструменталиса, если он образован от неодушевленных имен.

Мы в работе применяем термин «комитатив», используя его широким смысле, подразумевающим совокупность всех типов употреблений, которые встречаются у комитативных маркеров, включая собственно комитативные употребления, в отличие от понимания это-

го термина в узком смысле, подразумевающего лишь выражение роли второстепенного агенса, сопровождающего действие главного или объекта, который имеет при себе главный участник ситуации.

Комитатив образуется в мухадском, шиназском и мюхрекском диалектах посредством аффиксов *-хъван/-вхъван*; в ихрекском и борчинско-хновском им соответствуют аффиксы *-фан/-вфан*:

-хъван / -фан: *шу-хъван* (мух. д.) – *шугу-фан* (ихр. д.) «с братом», *ва-хъван* (мух. д.) – *гъвафан* (ихр. д.) «с тобой» и т. д. Этот аффикс в диалектах рутульского языка характерен для имен с вокальным исходом, в мухадском диалекте – для возвратных и личных местоимений; в остальных диалектах, кроме ихрекского, – еще и для всех субстантивов I и II классов.

Аффиксы *-ухъван/-уфан*, *-ыхъван/-ыфан*, присоединяют существительные, в корнях которых уже содержатся гласные *-у-* и *-ы-*: *кулк-ухъван* (мух. д.) – *кулк-уфан* (борч.-хнов. д.) «с ветром, ветром», *шурк-ухъван* (мух. д.) – *шурк-уфан* (ихр. д.) «с птицей»; *кьырб-ыхъван* (мух. д.) – *кьырб-ыфан* «с костью, костью» и т. д.

Аффикс *-ахъван/-афан* присоединяется к существительным с гласными переднего ряда в корнях: *чIабл-ахъван* (мух. д.) – *чабал-афан* «с бараном» (ихр. д.) и т. д.

Аффикс *-ехъван/ -ефан*, как правило, присоединяется к существительным с гласными переднего ряда в корнях: *къумши-ехъван* (мух. д.) – *къунши-йфан* (ихр. д.) «с соседом» и т. д.

Аффикс *-ихъван/-ифан* оформляет комитатив некоторых существительных, субстантивов I и II классов в мухадском диалекте: *риг-ихъван* – *риг-ифан* «дверью», *къухъдыний-ихъван* (мух. д.; I, II кл.), но *къухъну-фан* (ихр. д.; I кл.) и *къухъни-фан* (ихр. д.; II, III, IV кл.) «с большим», *хьурний-ихъван* (мух. д.; I, II кл.), но *хьунну-фан* (ихр. д.; I кл.) и *хьунни-фан* (ихр. д.; II, III, IV кл.) «с пятью».

Процесс регулярного перехода лабиализованного заднеязычного глухого щелевого *хъв* мухадского диалекта в губно-губной глухой щелевой *ф* в ихрекском диалекте отражен в монографии Г. Х. Ибрагимова, этот процесс подкреплен примерами «мух. *хъвар* – ихр. *фар* «яма», *ухъун* – ихр. *уфун* «желудок», мух. *лирхъв* – ихр. *лирфай* «голубь». Здесь же отмечается, что нелабиальный *хъ* сохраняется без изменений [2004: 168]. Этот же процесс зафиксирован и в борчинско-хновском диалекте [2004: 195].

Хновский говор

*Са мизифан йувду чIилир валгады,
Ми мирийе гъу дишма бес, гъай Самур. (К. С.)
Одними устами на семи языках говорящий
Разве не ты в этом ущелье, эй, Самур.*

Шиназский и мюхрекский диалекты не обнаруживают фонетических отличий от мухадского в оформлении аффиксов комитатива:

Шиназский диалект

*Ублихъван на сикИриыхъван гъиван сыва ад къулий
Садад хъур либхъур, юлдаш виширы са вахтиндий (Ш. Э).*

С волком и лисой конь на вершине горы
Случайно встретившись, сдружились однажды.

Мюхрекский диалект

Йыхдынур гыргыр а джухъван юлдаш. Хороший привел с собой друга.

В родственном цахурском языке Г. Х. Ибрагимов отмечает для комитатива аффикс *-квa/-квa*, отмечая при этом наличие и параллельного аффикса без лабиализации – *-кa/-кa*, употребление которого лингвист мотивирует двойко – позиционно или ареально [1990: 72]. Характеризуя монографию Е. Ф. Джейранишвили, Г. Х. Ибрагимов пишет: «Неаргументировано разграничение аблатива на *-v-ва* и комитатива на *-v-квa* [1990: 47, 48]. Видимо, здесь отражены ареальные разновидности комитатива, в частности, гов. с. Муслах не различает лабиализацию согласных» [1990: 68]. Интерес представляет то обстоятельство, что комитатив в цахурском языке может принимать классное согласование в зависимости от речевой ситуации: *дакк-иква-р йед'* (II) *ударкИынна* «и с отцом мать не ушла»; *балкан-ыква-б окI* (III) *гъахъы* «и с лошастью сено возил» [1990: 72–73]. Подобное – не норма для ареальных единиц рутульского языка.

Комитатив оформляет имя, совместно с которым совершается действие, инструменталис, называет имя того, кем или чем клянутся, выполняет функцию обстоятельства образа действия.

Основным значением совместного падежа является обозначение объекта, совместно с которым производится действие. В большинстве случаев в этой функции выступают имена I и II классов, реже – имена III класса, еще реже – имена IV класса. Примеры:

Мухадский диалект

Йикъиднийихъван (I кл.) *сыра адгъуId дии.* (Посл.) – С умершим в могилу не забираются.

Сирыхъван (III кл.) *са мишуха амаIгъв.* (Посл.) – С медведем в один мешок не забирайся.

Шиназский диалект

*Йулдашехъван хал хъикъас зада магъв,
Инсанар ан са гаф ваъас зада магъв!* (Г. Н.)

С друзьями домой прийти я не могу,
При людях одно слово молвить не могу!

Оттенком выражения совместности комитатива является обозначение имени объекта, против которого направлено действие:

Мухадский диалект

Гъай гъаІшыкъ, саз йывыІх ва,

Захъван выды кар гъадиш –

Йыхъыр, са гъваз йывыІх ва. (И. Ш.)

Эй, ашуг, играй в свой саз,

Против меня ты не можешь состязаться,

Пойди, пристрели селезня (Перевод С. Махмудовой).

ЗаІгъифды етимешихъван лыдже ад,

Йикъире ки, хылаа дарман выгаардиш! (И. Ш.)

Тот, кто соревнуется со слабыми сиротами,

Даже если буду умирать, пусть не приносит мне лекарства! (Перевод С. Махмудовой).

Неодушевленные имена в форме комитатива выступают в значении **орудия действия**. Такое употребление комитатива встречается как в номинативной конструкции при непереходном глаголе, так и в эргативной конструкции при переходном глаголе: *ГъыІрчехъана джуды хваб кылихъван увца выгыри.* – Охотник свою торбу солью заполнил. *Гъийгъа зы сыва йивандыхъван руръуси.* – Сегодня я в горы на лошади поскачу. (Из примеров явствует, что в предложениях номинативной конструкции комитатив выражает инструментальное значение только при именах, обозначающих средство передвижения).

В рутульском языке название того, чем клянутся или заклинают, оформляется формой комитатива: *духарыхъван кьин гыгыын* «сыном клясться», *хывахъван кьин гыгыын* «хлебом клясться» и т. д.

Обстоятельство **образа действия** способны передавать формы комитатива некоторых существительных, постепенно переходящих в разряд наречий: *гуджехъван* «с силой», *гылихъван* «пешком», *маъхаъхъван* «горстями», *джетинвалихъван* «с трудом», *хылихъван* «рукой, вручную» и др.

В диалектах выявляются примеры употребления некоторых существительных в форме комитатива в роли обстоятельства образа действия:

Ихрекский диалект

Шейибырмыфан хатир лешун. – За деньги уважение брать (покупать).

В мухадском диалекте в подобном контексте возможна форма сравнительного падежа: **Шейибырмышъаъ хатир лешун.** – За деньги уважение брать (покупать).

Хновский говор

*Уъзу агъна йыхды кар акъ, йыхды лакъ,
Сагъвалифан, шадвалифан, мыхалд рыш.* (К. С.)

Как полагается, хорошее приданое сделай, хороший сундук,
С радостью, со здоровьем, девушка из Рутула.

В диалектах рутульского языка формы комитатива от существительных *гъуьмир* «жизнь» – *гъуьмирдыхъван* «чем жизнь, вместо жизни», *наIx* «вечер» – *нахалдыхъван* «чем вечер, вместо вечера», *сенбыр* «года» – *сыдырмышъван* «чем года, вместо лет», *вазбыр* «месяцы» – *вазырмышъван* «чем месяцы, вместо месяцев» оформляют в предложениях **обстоятельство времени**, приобретая семантику отрезка времени: *всю жизнь, годами, месяцами* и т. д.

Амсарский говор мухадского диалекта

НаIxалндыхъван клуба кино мабдиш,
*ЙыIx-йикъ, атыш, зе-зеле, боевикбыр –
ДжамахаIt мачхул вишир а, изды муIkъ.* (И. Ш.)

По вечерам в клубе фильмов нет,
Убийства, всякие-разные боевики –
Народ развлекается, мое село.

Таблица аффиксов комитатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-хъван/ -vxъван	-фан/ -vфан	-хъван/ -vxъван	-фан/ -фан	-хъван/ -vxъван

Таким образом, факты ареальных единиц рутульского языка подтверждают правильность квалификации комитатива как «промежуточного» между общеграмматическими и местными падежа, способного оформлять объект, совместно с которым совершается действие, инструменталис, обстоятельства времени и образа действия.

Сравнительная характеристика компаратива

А. М. Дирр выделял в рутульском языке компаратив в качестве отдельного падежа, называя его «сравнивающий на *-ka*» [1911: 15].

К группе двупослеложных падежей относил Е. Ф. Джейранишвили «сравнительно-сопоставительный на *-a-qa'*, *-a*-qa'*, *-e-qa'*» [1983: 568].

Г. Х. Ибрагимов считает сравнительный падеж характерным для ихрекского диалекта: «Из местных падежей вне серий стоит также сравнительный падеж на *-vxъa/-xъa*» [2004: 173], не выделяя отдельно этот падеж в мухадском диалекте в связи с тем, что «5-й исходный (удаляюще-сравнительный) падеж вытеснил падеж на *-xъaъ*» [2004: 60].

Мы полагаем, что это положение верно лишь отчасти, так как сравнительный падеж не может быть заменен «удаляюще-сравнительным» (в нашей классификации «суперэлатив») при выражении ряда обстоятельственных значений: обстоятельств образа действия, цели, меры и времени: *Балтыдыхъaъ къат лешуйне сыла йикиси*. – Если вместо топора камень взять, легче будет. *Тухтурахъaъ малтухтур йиркъыри*. – Вместо врача ветеринар пришел. Если заменить формы компаратива в приведенных выше примерах на формы суперэлатива, их семантика может измениться или стать абсурдной: *Балтыдыыла къат лешуйне сыла йикиси*. – Если с топора камень взять, легче будет. *Тухтураала малтухтур йиркъыри*. – букв. «С врача ветврач пришел».

Компаратив в диалектах рутульского языка выступает в значениях сравнения и замены, уточнение семантики возможно в контексте:

Тухтурахъaъ малтухтур мукІды йиъи. – Чем врач, ветеринар моложе // *Тухтурахъaъ малтухтур йиркъыри*. – Вместо врача ветеринар пришел.

Компаратив функционирует не во всех диалектах рутульского языка: изучение речи носителей мюхрекского и шиназского диалектов не позволяет нам выделить его как отдельный падеж.

Аффикс компаратива в мухадском диалекте – *-xъaъ/ -vxъaъ*, в ихрекском и борчинско-хновском диалектах ему соответствует аффикс *-xъa/ -vxъa/-йxъa*.

Аффикс *-xъaъ/-xъa* оформляет форму сравнительного падежа некоторых существительных ед. числа с вокальным исходом, личных

местоимений и возвратного местоимения единственного числа: мух. д.: *шу-хъаъ* – ихр. д.: *шугу-хъа* «чем брат, вместо брата», мух. д.: *гъыл-хъаъ* – ихр. д.: *гъыл-хъа* «чем мост, вместо моста», мух. д.: *за-хъаъ* – б.-хн. д.: *йи-хъа* «чем я, вместо меня», мух. д.: *джу-хъаъ* – ихр. д.: *джу-хъа* «чем сам, вместо себя» и т. д.

Аффиксы *-ахъаъ/-ахъа*, *-ехъаъ/-ехъа*, *-ухъаъ/-ухъа* присоединяются к существительным единственного числа: мух. д.: *гвалах-ахъаъ* «чем работа, вместо работы», *ешл-ехъаъ* «чем плач, вместо плача», ихр. д.: *шурк-ухъа* «чем птица, вместо птицы», *кулк-ухъа* «чем ветер, вместо ветра» и т. д.

В ихрекском диалекте выявляется аффикс компаратива *-йхъа* в словах с вокальным исходом: *къуниши-йхъа* «чем сосед, вместо соседа», *валгъиши-йхъа* «чем дикарь, вместо дикаря» и т. д.

Аффикс *-ихъаъ* образует формы компаратива некоторых существительных и всех субстантивов I и II классов в единственном числе: *хъыбл-ихъаъ* «чем ветер, вместо ветра», *дириднийихъаъ* «чем быстрый, вместо быстрого», *хъибний-ихъаъ* «чем трое, вместо троих», *миний-ихъаъ* «чем этот, вместо этого», *тиний-ихъаъ* «чем тот, вместо того», *йиъидний-ихъаъ* «чем идущий, вместо идущего» и т. д.

Аффикс *-ыхъаъ* образует формы компаратива некоторых существительных и всех субстантивов III и IV классов в единственном числе: *кърбыхъаъ* «чем кость, вместо кости», *диридд-ыхъаъ* «чем быстрый, вместо быстрого», *хъибд-ыхъаъ* «чем три, вместо трех», *йиъидд-ыхъаъ* (VI кл.) «чем идущий, вместо идущего» и т. д.

В ихрекском диалекте форма компаратива, как правило, сопровождается употреблением усилительной частицы *гва* «же, -ка»:

Шугухъа гва рыши рыха рыи. Чем брат, сестра лучше (есть).

Гъилабырмышъа гва йыкъ бала еддерей. Чем ноги, спина больше болит.

В родственном цахурском языке исследователями компаратив не выявляется. Аффикс *-хъа/-хъа*, формально совпадающий с формантом компаратива ихрекского и борчинско-хновского диалектов рутульского языка, в цахурском языке оформляет иллатив – по классификации Г. Х. Ибрагимова, «внутренне-местный падеж вхождения» [1990: 73]. Речь о компаративе заходит в монографии лишь при характеристике степеней сравнения имен прилагательных: «...прилагательные не имеют специальных формантов для образования степеней сравнения: описательно (компаративом на *-вле*, *-ле*) передается сравнительная степень, например: *йишида балкан вушиди бал-*

каныле эКна воб (букв.) ‘наша лошадь вашей лошади (чем) смелая есть (наша лошадь смелее вашей лошади)’» [1990: 93]. Ранее, при описании системы падежей, в монографии компаратив не обозначен.

Компаратив рутульского языка выполняет ряд функций: сравнение, дополнение, обстоятельство образа действия, обстоятельство времени.

Компаратив в рутульском языке служит для **выражения степеней сравнения имен прилагательных**:

Мух. д.: *КІаьды мукъуІд инсанахъаь къухъды мукъуІуд йимаьл’ йиха виъи*. (Посл.). – Чем человек из маленького села, лучше осел из большого села.

Ихр. д.: *Гъийгъады джыбыр пагаады чІаблахъа выха виъи*. (Посл.). – Сегодняшний курдюк лучше завтрашнего барана.

Борч.-хнов. д.: *Йахъа риший батІрад риъи*. – Сестра красивее меня.

Примеры демонстрируют частое употребление форм компаратива при сказуемом с кратким прилагательным в качестве именной части.

Формы компаратива выступают в функции **косвенного объекта**:

Мух. д.: *Вадаа тангыдыхъаь хатир-гъуІрмет лешус йикисиме?* – Ты за деньги почет-уважение купить сможешь?

Ихр. д.: *Визирешре зирыхъа къизилбыр лахъешури*. – Визири за корову ковер забрали.

Обстоятельство образа действия оформляют существительные в сравнительном падеже, перешедшие в рутульском языке в разряд наречий: *гъилабахъаь* «пешком» от *гъилабыр* «ноги», *чапрымыхъаь* «на четвереньках» от *чапарбыр* «лапы».

Эвелды вахтинди инсанар гъилабахъаь бала дирхъарай. – В давние времена люди пешком больше ходили.

Хынимешис чапрымыхъаь дирхъас рагъаІт йиъи. – Детям на четвереньках ползать легче.

Анализ речи носителей ихрекского диалекта выявил отсутствие в нём этой функции компаратива.

Существительные с семантикой времени суток в форме компаратива выполняют функцию **обстоятельства времени**: мух. д.: *йыгъахъаь, йыгъадыхъаь* «чем день, днем», *нахаІхъаь, нахаІдыхъаь* «чем вечер, по вечерам»; ихр. д.: *пагахдаьдихъа* «чем утро, по утрам», *йуъи-едыхъа* «чем ночь, по ночам» и т. д. Наличие у подобных существительных вариантов аффиксов компаратива (*-vxъаь* и *-ды-хъаь*) в

мухадском диалекте свидетельствует о процессе перехода их в разряд наречий:

Мухадский диалект

Вышедыхъаъ *накъ зас мадиш,*

Некъихъде ваъ гъабгура. (И. Ш.)

По ночам сна я лишился,

И во сне вы ко мне приходите. (Перевод С. Махмудовой)

Ихрекский диалект

Йушедыхъа багъди къаърул кекъын. – По ночам сад сторожить.

Следует отметить, что при анализе фактического материала мы обнаружили разницу в частотности употребления компаратива: в мухадском диалекте он употребляется чаще, чем во всех других ареальных единицах. В частности, в борчинско-хновском диалекте случаи употребления компаратива единичны, а в шиназском и мюхрекском диалектах этот падеж вообще не выявляется.

Таблица аффиксов компаратива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-хъаъ/ -vxъа	-хъа/-vxъа	форма отсутствует	-хъа/-vxъа	форма отсутствует

Проведенный анализ языкового материала показал, что факты ареальных единиц рутульского языка подтверждают правильность квалификации компаратива как падежа, «промежуточного» между общеграмматическими и местными падежами, способного оформлять сравнение, дополнение, обстоятельства меры, цели и образа действия.

§ 3. Местные падежи в диалектах рутульского языка

Многопадежность рутульского языка, как и других дагестанских языков, обусловлена разветвленной системой местных падежей.

Вопрос о количестве местных падежей в исследуемом языке является дискутируемым вследствие разных подходов к их дифференциации, определению их состава в сериях.

Так, в грамматическом очерке А. М. Дирра выделено 14 местных падежей, дифференцированных по аффиксам с пометкой, что «В некоторых из них встречается суффикс *-ла*, который обозначает дви-

жение от того места, на которое указывает другой суффикс» [1911: 15].

Е. Ф. Джейранишвили отмечает в рутульском языке 12 местных падежей, квалифицированных как послеложные, поскольку автор считает, что они образуются от косвенной основы путем присоединения послелогов. В свою очередь, послеложные падежи разделены на 7 «однопослеложных» и 5 «двупослеложных» в зависимости от количества послелогов, присоединяемых к косвенной основе [1983: 568].

Классификации местных падежей Г. Х. Ибрагимов и С. М. Махмудовой имеют более стройный и обозримый вид в связи с распределением множества местных падежей по сериям. Подобная классификация, разработанная для дагестанских языков Л. И. Жирковым, удобна, так как позволяет унифицировать системы падежей в языках с богатым морфологическим инвентарем.

Г. Х. Ибрагимов в своей монографии выделил 12 местных падежей, впервые распределив их по пяти сериям в составе локативного, направительного и исходного падежей [1978: 51]. Из пяти серий две признаны полными, остальные – дефектными; комитатив, отнесенный автором к местным падежам, в серии не включен и стоит обособленно.

Исследователем впервые отмечено, что «некоторые местные падежи ограничены в употреблении в зависимости от категории одушевленности/неодушевленности» [1978: 53].

Как мы отмечали выше, при изложении истории изучения вопроса, факты языка не дают основания для доказательства наличия в ареальных единицах рутульского языка и локативного, и направительного падежей.

Наиболее удачной является классификация местных падежей, произведенная С. М. Махмудовой, которая объясняет наличие в рутульском языке в каждой из шести серий лишь двух местных падежей совпадением морфологических структур эссивов и лативов [2001]. Эта классификация представляется нам соответствующей фактам языка, и потому мы будем придерживаться её в своей работе. Но мы не согласны с выделением в системе местных падежей рутульского языка субэлатива с семантикой «удаление из-под кого-либо, чего-либо», так как он формально совпал с контэлативом. Принимая за основу точку зрения А. С. Чикобавы, что «если же ни в какой категории имен не имеется отличного форманта, говорить о самостоятельном падеже нет оснований» [1978: 6], мы полагаем, что в мухадском диалекте отсутствует отдельно оформленный субэлатив.

Факты языка позволяют предположить, что этот субэлатив в языке функционировал и имел специальный маркер (подробнее об этом в третьей главе), но в результате эволюция языка он претерпел фонетические изменения и совпал в диалектах с контэлативом или постэлативом.

К. Э. Джамалов и С. А. Семедов во введении к «Рутульско-русскому словарю» выявили в ихрекском диалекте 16 местных падежей, включив в их состав комитатив и компаратив в качестве внесерийных [2006: 429]. Вслед за С. М. Махмудовой авторы подметили, что локативные и направительные падежи в сериях местных падежей не дифференцированы. Не выделена в работе и ущербная серия местных падежей с семантикой нахождения объекта под ориентиром и не оговорено, что субэссив/сублатив совпадает формально с постэссивом/постлативом (специально оформленный субэлатив отсутствует в связи с совпадением этой формы с постэлативом). Отсутствие в дагестановедении единого подхода к классификации местных падежей привело к ошибочному выделению этими авторами трех серий местных падежей, представляющих собой атрибутизированные формы уже описанных ранее падежей [2006: 429].

Изучив имеющийся в дагестановедении опыт исследования местных падежей, можем прийти к выводу, что образование местных падежей в рутульском языке, по аналогии с другими дагестанскими языками, представляет собой симметричную систему: местные падежи, ориентирующие предмет в одном и том же пространственном плане, имеют близкие в материальном выражении показатели; это позволяет исследовать их в составе серий.

Развернутая модель ориентирующих значений, разработанная А. Е. Кибриком, в дагестанских языках включает множество вариантов локализации объекта относительно ориентира, однако ни в одном языке (в том числе и в рутульском) она не реализуется в полном объёме [2003: 202].

С учетом вышесказанного и с опорой на анализ фактического материала ареальных единиц, систему местных падежей рутульского языка мы можем представить следующим образом: 12 падежей, объединенных в серии по два падежа (шестая серия, как правило, ущербная) – совмещенный эссив/латив и элатив.

Местные падежи в дагестанских языках выражают локализацию и ориентацию в пространстве.

В связи с разницей в употреблении лингвистической терминологии, обозначающей пространственные падежи, мы конкретизируем значения, вкладываемые в термины:

падежи покоя, выражающие отсутствие двигательных значений, в работе названы **эссивами** по традиции, принятой в даргинском, табасаранском и лакском языкознании (заметим, что в аварском, агульском и лезгинском языкознании эссивам соответствуют локативы);

направительные падежи, обозначающие движение к ориентиру, названы **лативами**;

направительные падежи, обозначающие движение от ориентира, названы **элативами**.

Совпадающие формально эссивы/лативы выражают значение нахождения предмета в пространстве и отвечают на вопрос **где?** и одновременно выражают значение приближения или вхождения в пространство и отвечают на вопрос **куда?**

Элативы выражают значение удаления или выхода из пространства и отвечают на вопрос **откуда?**

Пространственные падежи рутульского языка выражают сравнительно ограниченный набор локализаций на общедагестанском фоне. Из примерного инвентаря концептов локализации, реализуемого в дагестанских языках и представляющего собой «совокупность противопоставлений», выявленного А. Е. Кибриком [2003: 202], в исследуемом языке представлены следующие типы пространственных значений:

In – внутри ориентира;

Super – на ориентире, над ориентиром;

Ad – рядом с ориентиром;

Post – за ориентиром;

Cont – в контакте с ориентиром;

Sub – под ориентиром.

Во всех диалектах рутульского языка эссивы и лативы не имеют дифференцированного морфологического выражения, так как они совпали во всех сериях местных падежей, что не является нормой для дагестанских языков, но в качестве аналогий можем сослаться на работы Н. Д. Сулейманова о функционировании совмещенных форм локативных и направительных падежей в кошанском диалекте агульского языка; И. А. Исакова и М. Ш. Халилова о передаче в бежтинском и гунзибском языках пространственных и направительных значений при помощи показателей локативов; И. А. Дибирова о совпадении в некоторых сериях говорах закательского диалекта аварского

языка «аллативов и локативов» [Сулейманов 1993: 104; Исаков, Халилов 1980: 73; Дибиров 1993: 19].

Рассмотрение данного вопроса с вовлечением в орбиту сравнительно-типологического исследования материалов дагестанских языков дает основание предполагать поздний характер появления собственно направительных падежей. Об этом же свидетельствуют выводы лингвистов-кавказоведов. Так, Н. Д. Сулейманов отмечает, что «исторически пространственные и направительные значения выражались синкретически, при этом функции локализации и направления не были дифференцированы...» [93: 104]. По свидетельству М. Г. Исаева, в тлянадинском говоре енцухского диалекта в речи старшего поколения отражается архаическое состояние, при котором для -й и 5-й серий употребляется локатив вместо направительного падежа [Исаев 1975: 12].

Тот факт, что отсутствие формальной дифференциации не отражается на семантическом разграничении эссивов и лативов, позволяет заключить, что в рутульском языке в прошлом для оформления эссивов и лативов существовали различные аффиксы, которые в более поздний период совпали в результате развития языка, свидетельством этому могут служить послелогои исследуемого языка (в 3-й главе мы подробнее осветим эту проблему и представим соответствие наречий-послелогов и аффиксов падежей).

О сокращении количества местных падежей в дагестанских языках писал и Г. А. Климов: «Однако в большинстве нахско-дагестанских языков в силу происходящего процесса свертывания локативной системы эти серии представлены дефектно, так что обычно в составе каждой из них налицо только по три падежа, отвечающих на вопросы где?, куда?, откуда?» [2007: 108].

Для грамматической системы рутульского языка не характерен транслатив, выражающий значение движения через пространство. Для его передачи исследуемый язык использует инэссив/инлатив с послелогом *хьуь* «вперед» (*дамаа хьуь* «сквозь лес», *курмаьля хьуь* «сквозь дымоход»), для передачи семантики движения через данное пространство привлекается суперэлатив с послелогом *хьуь* (*ригизанала хьуь* «через порог», *мирияяла хьуь* «через реку»).

Для определения количества локативов в парадигме склонения имен существительных рутульского языка необходимо выявить их соотнесенность с лексико-грамматическим разрядом одушевленности/неодушевленности, для субстантивов существенной является классная дифференциация: одушевленные имена существительные,

личные местоимения и субстантивы I и II классов различают формы 5 эссивов/лативов и 4 элативов, неодушевленные существительные, ма-сдар и субстантивы III и IV классов различают формы 6 эссивов/лативов и 5 элативов.

Серии местных падежей в настоящей работе расположены в следующем порядке:

Падежи I серии – серии In «внутри ориентира»:

инэссив/ инлатив со значением нахождения **в чем-либо**, направления **во что-либо** (отвечает на вопрос *гыли?* в чем? во что?);

инэлатив со значением направления **из чего-либо** в значении удаления из данного положения (отвечает на вопрос *гыл'аа?* из чего?).

Падежи II серии – серии Super «на ориентире»:

суперэссив/суперлатив со значением нахождения **на чем-либо**, движения к данному положению (отвечает на вопросы *гылыы?* на ком? на кого?; *гыдыы?* на чем? на что?);

суперэлатив со значением направления **с чего-либо** в значении удаления из данного положения (отвечает на вопросы *гылыыла?* с кого?; *гыдыыла?* с чего?).

Падежи III серии – серии Ad «рядом с ориентиром»:

адэссив/адлатив серия со значением **у, около чего-либо**, движения к данному положению (отвечает на вопросы *гьалда?* у кого? к кому?; *гьидиде?* около чего? к чему?);

адэлатив со значением направления **от чего-либо** в значении удаления из данного положения (отвечает на вопросы *гьалдаа?* от кого?; *гьидидаа?* от чего?).

Падежи IV серии – серии Post «за ориентиром»:

постэссив/постлатив со значением нахождения **за чем-либо**, движения к данному положению (отвечает на вопросы *гьалыхда?* за кем? за кого?; *гьидыхда?* за чем? за что?);

постэлатив со значением направления **из-за чего-либо** в значении удаления из данного положения (отвечает на вопросы *гьалыхълаа* из-за кого?; *гьидыхълаа* из-за чего?).

Падежи V серии – серии Cont «в контакте с ориентиром»:

контэссив/контлатив со значением нахождения **внутри, в соприкосновении с чем-либо**, движения к данному положению (отве-

чает на вопросы *гьалык'?* в соприкосновении с кем?; *гьидик'?* в соприкосновении с чем?);

контэлатив со значением направления изнутри, **из положения соприкосновения** в значении удаления из данного положения (отвечает на вопросы *гьалык'лаа?* от положения соприкосновения с кем?; *гьидик'лаа?* от положения соприкосновения с чем?).

Падежи VI серии – серии Sub «под ориентиром»

субэссив/сублатив со значением нахождения **под** чем-либо и движения к данному положению (отвечает на вопросы *гьалыхьде?* под кем? под кого?; *гьидихьде?* под чем? под что?).

Субэлатив в рутульском языке формально совпал с контэлативом и на данном этапе развития языка материально не выражен, что не позволяет говорить о нем, как о самостоятельном падеже.

Падежи I серии

Инэссив/инлатив с семантикой «нахождение в чем-либо, направление во что-либо» отличается от падежей других серий тем, что его показатель присоединяется только к неодушевленным существительным и субстантивам III и IV классов.

Во всех диалектах рутульского языка инэссив/инлатив имеет моновокалические падежные аффиксы *-а*, *-аI*, *-е*, *-и*.

Аффиксы *-а*, *-аI*, *-е* оформляют инэссив/инлатив некоторых существительных единственного числа, аффикс *-а* также характерен для всех склоняемых частей речи множественного числа: *лакь-а* «в сундуке, в сундук», *рыкъ-аI* «в дороге, в дорогу», *риг-е* «в двери, в дверь», *дамырм-а* «в лесах, в леса», *джагвардым-а* «в белых, в белые», *миседм-а* «в таких, в такие», *лархыдм-а* «в мутных, в мутные» и т. д.

Аффикс *-и* характерен для некоторых существительных и всех субстантивов ед. числа: *бедрид-и* «в ведре, в ведро», *джагвардыд-и* «в белом, в белое», *йукьд-и* «в четырех, в четыре», *миседд-и* «в таком, в такой», *лархыдд-и* «в мутном, в мутный» и т. д.

Шиназский диалект проявляет своеобразие в оформлении инэссива/инлатива – в речи шиназцев аффикс этого падежа выпадает, и вследствие этого форма инэссива/инлатива совпадает с формой номинатива:

Къандзыгъай хал(а) хьиркьыр. – Кандзыгай (ведьма) домой вернулась.

Шубешис йигара йишир Къандзыгъай рикъе раъас: гъабыше гъад лакъ(а) оршур, гъарабый гулеймар лихъыр гъыЙйди бейде дыхъыр, лакъ левири нецѹру. – Братья решили убить Кандзыгай: посадили ее в сундук, снаружи закрыли сундук на замок и бросили в реку. (В скобках мы привели предполагаемые аффиксы инэссива/инлатива, характерные для других ареальных единиц и, возможно, выпавшие в ходе эволюции шиназского диалекта).

Анализ языкового материала других диалектов не выявил подобных особенностей.

Семантика инэссива/инлатива определяет его основную функцию – выражение им места нахождения предмета внутри чего-либо или (при глаголах передвижения) семантику движения внутрь чего-либо:

Мух. д. *Чулди джййран сувгури,
Йыгъ-выи джыбра ирхъури.* (И. Ш.)

В степи джейран пропал,
День и ночь иду по следу.

Ихр. д.: *Хан на джуд вазирар дуьруькьуІра дии мади курдыма гъидирхъес.* – Хан со своими визирями пошел прогуляться по селам.

Диъиды рыІкъаІ мибишда са эдеми кырыІхырый. – По дороге им встретился один человек.

Формы инэссива/инлатива от существительных, обозначающих названия временных периодов, охватывающих всё время, в течение которого происходит событие или совершается действие, оформляют **обстоятельство времени**:

Мюхр. д.: *Эред вахтинди минур рухъура: «Макъвалбыр йишир а Къалуцѹаяя-сыва: гъелбид ширинды макъвалбы».* – В весеннее время он говорит: «На горе Кулуцай выросла крапива: хорошая вкусная крапива».

Мух. д.: *Январь вазыра хизан мукъаІ хъывхъыр цѹинды сен нубараг гъаъас къаІасды нинис.* – В январе месяце семья поехала в село поздравить с новым годом бабушку.

Форма инэссива/инлатива может являться **именной частью сложных глаголов**: *гъавырды эдес* «объяснить», *къуле лечѹус* «обнаглеть», *хыІве лешус* «признаться», *къуле лешус* «понять, осмыслить», *хъесыма гъалгас* «перечить» и др. Отметим, что значение этих глаголов не всегда обусловлено значением входящих в их состав имени и масдара, поэтому такие глаголы можно назвать идиомами:

Мух. д.: *MaIгьaIлимед хьесыма гьалгад дух захда адиш.* – Сына, перечашего учителю, у меня нет.

Вада рухьуд уле-убра лешв! – То, что тебе говорят, прими во внимание!

Форма инэссива/инлатива от существительных с суффиксом *-валды*, означающих профессию, должность или вообще пребывание в качестве кого-либо, с глаголами *гвалах ваъас* «работать», *руъус* «пойти», *лешус* «взять», *кьабыл гьаъас* «принимать», *керъэс* «выбирать» и т. д. являются составными именными сказуемыми: *устарвале руъус* «в мастера пойти»; *тухтурвале гвалах ваъас* «доктором работать», *староставале керъэс* «выбрать старостой», *духвале лешус* «в качестве сына взять» и т. д.

Формы инэссива/инлатива от количественных числительных представляют интерес в плане сочетания их с существительными, так как числительные во всех косвенных падежах оформляются инэссивом/инлативом:

Ном.	<i>йивыр дух</i> «семь сыновей»	<i>хьуб зер</i> «пять коров»
Эрг.	<i>йывды духара</i>	<i>хьудды зирире</i>
Ген.	<i>йывды духарды</i>	<i>хьудды зирды</i>
Дат.	<i>йывды духарыс</i>	<i>хьудды зирис</i>
Комит.	<i>йывды духарыхъван</i>	<i>хьудды зирирыхъван</i>
Комп.	<i>йывды духарыхъаъ</i>	<i>хьудды зирирыхъаъ</i> и т. д.

Следовательно, в предложениях эргативной конструкции субъект оформляется количественным числительным в инэссиве/инлативе + имя существительное в эргативе:

Мух. д.: *КьуИнды гьтирире ныкIа ад наьк лабтIва выъыри.* – Две кошки в сосуде находящееся молоко закончили.

Таблица аффиксов инэссива/инлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-v	-v	- v/-Ø (нулевой)	-v	-v

Инэлатив с семантикой «удаление из чего-либо», как и инэссив/инлатив, отличается от падежей других серий тем, что его показатель присоединяется только к неодушевленным существительным и субстантивам III и IV классов.

Маркерами инэлатива во всех диалектах рутульского являются долгие моновокалические аффиксы *-aa/яя*, *-aaI*, подтверждающие факт смысловозначительного характера долготы гласных в рутульском языке.

Аффикс *-aa* присоединяет инэлатив некоторых существительных и всех субстантивов единственного и множественного числа: *лакь-aa* «из сундука», *рыIкъм-aa* «из дорог, с дорог», *ригим-aa* «из дверей», *джагвардым-aa* «из белых», *миседм-aa* «из таких», *лархыдм-aa* «из мутных», *хьуддым-aa* «из пяти» и т. д.

Аффикс *-яя* характерен для некоторых существительных с финальными *-к*, *-хь*, *-л*: *риг-яя* «из двери», *вихь-яя* «из коровника», *гьуIл-яя* «из окна» и т. д. В формах слов *тIули-яя* [*тIули-й-aa*] «из пальца», *мири-яя* [*мири-й-aa*] «из речи» имеет место аффикс *-aa*, следующий за вставочным элементом *-й-* [Таирова (Ибрагимова) 2002: 49].

Аффикс *-aaI*, как правило, оформляет инэлатив существительных, в прямой основе которых содержится фарингализованный гласный: *муIкь* «село» – *мукь-aaI* «из села», *раIхь* «дорога» – *рыкь-aaI* «с дороги», *рыIхь* «зола» – *рыхь-aaI* «из золы». Эти примеры демонстрируют случаи переноса фарингализации гласных с корня слова на аффикс, подтверждая тем самым точку зрения Г. Х. Ибрагимова о слоговом характере фарингализации в рутульском и цахурском языках [1990: 21].

Г. Х. Ибрагимов отмечает наличие в цахурском языке аналогичной серии: «Серия на *-v* (*-vv*) характерна только для неодушевленных субстантивов...» [1990: 75].

Инэлатив, как и все местные падежи, оформляет обстоятельство места, а также обстоятельство времени, обстоятельство образа действия.

При выражении **места** инэлатив сочетается с глаголами движения, обозначающими, как правило, отдаление от данного места:

Мух. д.: *ХаIрамды шигьыбыр гьуIляя аь руьура, ригья гьаь хьуIгьуIре.* (Посл.). – Неправедно доставшиеся деньги через окно внутрь приходят, из двери наружу уходят.

*Йиз гьад сываала яхда йиркьыд Шахда-баба,
Ачых гьыьыр вияь ес пайбыр выды хвабаа.* (И. Ш.)

Со снежной горы пришедший Дед Мороз,
Дай нам подарки из своей торбы.

Шин. д.: *ХарчIед хаIлаа авылгыр сес:
«Гьуй ихьыыр, ахмакь гада!»*

Из синего неба раздался голос:
«Ты опоздал, глупый парень!»

Форма инэлатива с показателем принадлежности *-ды* в сочетании с глагольной связкой *йиъи* «есть» во всех временах и наклонениях служит обозначением места рождения или исходной точки прибытия лица.

ГьаИшыкъ Сакит Хинаады йиъи. – Ашуг Сакит родом из Хнова.
Захда Дербендаады хьиди ьиркъыр а. – Ко мне из Дербента подруга приехала.

Слова с семантикой времени в форме инэлатива обозначают **временные рамки** или временной предел действия, совершаемого субъектом:

Са чИлихъван, даватбыр сентябырря игьидхъури. – Одним словом, свадьба будет только в сентябре.

Абстрактные существительные, оформленные суффиксом *-вал/-валды*, в инэлативе служат в предложении обстоятельствами **образа действия**:

Гьеми дагъамваля за шуунага диплом лешуси. – В этих трудностях я все-таки диплом получу.

Образ действия выражают и формы инэлатива, употребляемые с послелогом *аъ* «в, вовнутрь»: *убраа аъ* «на ухо»; *баъля аъ* «в лоб» и т. д.

Идиоматические выражения в рутульском языке часто содержат имена существительные в форме инэлатива:

КьырчIаа цIев ветед «шустрый» (букв. «из скорлупы чирикающей»),

кьуляя игьир(д)хъус (букв. «из головы выскочить») – с глаголами I и II кл. «избаловаться»; с глаголами IV класса – «забыть»;

уляя сирхъус «обесцениться, унизиться» (букв. «из глаза упасть»);

кьуляя сылды «недалекий, глупый» (букв. «из головы легкий») и др.

Таблица аффиксов инэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-vv	-vv	-vv	-vv	-vv

Падежи II серии

Суперэссив/суперлатив имеет семантику «нахождение на чем-либо и движение к данному направлению» и оформляется в мухадском, шиназском и мюхрекском диалектах маркерами *-aa/-яя*, *-уу*, *-ыы/-ыыI*. В ихрекском и борчинско-хновском диалектах им соответствует аффикс *-vй*, для шиназского диалекта характерно употребление и аффикса *-vй*, и аффикса *-vv*:

Ихр. д.: *Нецлурый гь 'aI гьанув*. – Над рекою мост имеется.

Борч.-хнов. д.: *Дуьнуьгьдий гьу айгьуьр саде...* (К. С.).

В мир мы приходим единожды...

Шин. д.: *Тпилия гьад мыгьыр гьмышед*,
Гьмышед мыгьыр лягьли аджишды. (К. А.)

На палец надетое кольцо серебряное,
Кольцо серебряное без рубина.

Шин. д.: *Банад кьулий бычI гьыгьид хук*,
БычI гьамадаана хуьлих вуруувма? (К. А.)

На вершине горы расцветшее дерево,
В цвету погибаешь ты?

Примечательно, что в поэтических произведениях на хновском говоре также встречаются случаи параллельного употребления аффиксов суперэссива/суперлатива *-vй* и *-vv*:

Хнов. г.: *Са и гьуду мизии гьад на йикIe ад*. – Одно и то же у тебя на языке и в сердце. (С. Курбанов).

Это, вероятно, связано с влиянием норм мухадского диалекта, легшего в основу литературного языка.

Форманты *-aa*, *-уу*, *-ыыI*, *-яя* образуют суперэссив/суперлатив некоторых существительных единственного числа: *дагьр-aa* «на скале, на скалу», *гардан-aa* «на шее, на шею», *шум-уу* «на щебне, на щебень», *хьыр-ыыI* «на тряпке, на тряпку», *рыхъ-ыыI* «на золе, на золу», *баьли-яя* «на вишне, на вишню», *гады-яя* «на мальчике, на мальчика» и т. д.

Более употребительным и полифункциональным является маркер *-ыы*, который оформляет суперэссив/суперлатив некоторых существительных и всех субстантивов единственного и множественного числа: *сыныр-ыы* «на барбарисе (дереве), на барбарис», *келемерм-ыы* «на капусте, на капусте», *сахьдний-ыы* (I, II кл.) «на спящем, на спящего», *сахьдм-ыы* (III, IV кл.) «на спящих, на спящих (спящие)», *сынд-ыы* (III, IV кл.) «на одном, на одного/один», *миний-ыы* (I, II кл.) «на этом, на этого» и т. д.

В мухадском, шиназском и мюхрекском диалектах отмечаются случаи омонимии форм инэлатива и суперэссива/суперлатива при склонении некоторых существительных, так как маркерами этих двух падежей в названных ареальных единицах являются долгие гласные: *дагър-аа* в значении «из скалы» иллюстрирует инэлатив, тогда как в значении «на скале, на скалу» – суперэссив/суперлатив. Мы обнаружили несколько таких омонимичных пар: *тИли-яя* «из пальца»/«на пальце, на палец», *гъаьйаьг-аа* «из кастрюли»/«на кастрюле, на кастрюлю», *сагьаIt-аа* «из часов»/«на часах, на часы» и т. д.

Суперэссив/суперлатив в ареальных единицах рутульского языка выполняет ряд функций: обстоятельств места и меры, косвенного объекта, субъекта действия.

Неодушевленные имена в форме суперэссиве/суперлативе (иногда в сочетании с послелогом *уу* «на») выражают обстоятельство места со значением нахождения предмета на поверхности чего-либо или направления на поверхность чего-либо:

Мух. д.: *Дере, деринды дере,*
Хьедбыр серинды дере,
РыкъИы *улабыр гъана,*
Ярахда йикI ешере. (И. Ш.)
Ущелье, глубокое ущелье,
Ущелье с прохладной водой,
На дороге взгляд держу,
О любимой сердце плачет.

Мух. д.: ***Кагъатаа*** *на йикIе сиенемыс ер викиси.* (Посл.). – На бумаге и в сердце всему место найдётся.

Шин. д.:
Гъариб ГаIли дустагъда а,
Дерйагъад къирагъдий гъа. (К. А.)
Бедняга Али под арестом (есть),
На берегу моря находится.

Мух. д.: *Джигад мийманас гъаьйаьг курмаьля ливирхъере.* (Посл.). – Для нежеланного гостя кастрюлю на дымоход ставят.

Омонимичные пары форм инэлатива и суперэссива/суперлатива, которые мы охарактеризовали выше, могут быть семантически разграничены только в определенном контексте:

Дагъраа (инэлатив) *гъаь былах гувургъаIре а.* – Из скалы родник просачивается.

Дагыраа (суперэссив/суперлатив) *уу шурукмар сукьур а.* – На скале птицы сидят.

Суперэссив/суперлатив от имен I, II классов, а в некоторых случаях – от имен III и IV классов выражает косвенный объект – обозначает лицо, предмет, которому дают имя, название, кличку и т. д.; лицо или предмет, на котором надето что-либо или которое нужно во что-либо одеть, завернуть; название лица, на которое субъект надеется, которому поручает что-либо на попечение или хранение:

Мух. д.: *Гытирыы маъ тапширмиш гыгыры.* (Погов.). – Кошке сало доверил.

МукъууI цинды дур лихъис йигара джамаIгъдис. – Селу новое названике хочет дать народ.

Духтураа джагварды халат гъа. – На враче надет белый халат.

Название того, чем клянутся или заклинают, как правило, в рутульском языке, оформляется комитативом, но в редких случаях эту функцию выполняет суперэссив/суперлатив: *Шыв гъаъас вы инаамии ришин бадаана? Къуръундыы кьин гъаъасиме?* – Что сделать, чтобы ты поверила? На Коране поклясться?

Кроме того, одушевленные имена в форме суперэссива/суперлатива оформляют объект действия при некоторых глаголах движения; а одушевленные или неодушевленные имена в суперэссиве/суперлативе выражают объект, с которым встречаются, сталкиваются:

Мух. д.: *Лувуркад хук ки текды ублии лувуркара.* (Посл.). – Даже падающее дерево на одинокого волка падает.

Кулкура гъаархыIд хыных гыIрчехъаIнаа хаIсил йишири. – Ветром унесенный ребенок охотнику встретился.

Формы суперэссива/суперлатива от одушевленных существительных выполняют **функцию субъекта действия** со значением наличия или приближения чего-либо неизбежного, употребляясь с недостаточным глаголом *гъа* «находится на чем-либо» и его отрицательной формой *гъадиш:*

Мух. д.: *Ми хынхыы Расул ХаIмзатовды дур гъа.* – Этот мальчик носит имя Расула Гамзатова.

Ваа хъесым гъадиш. – Ты выглядишь обеспокоенным (букв. «На тебе лица нет»).

Ниныы ми вазыра гудж гъа. – Мать в этом месяце в трудном положении.

Ихр. д.: *Дидый бырдж йидкыри*. – Отец задолжал (букв. «На отца долг пришел») [Джамалов, Семедов 2006: 430].

Количественные числительные в сочетании с существительными с семантикой времени в суперэссиве/суперлативе оформляют **обстоятельство времени** при глаголах *лийкьас* «дойти, досчитаться», *игьидхьус* «распространиться, затянуться»:

ХьаІсаб гьаъ китабыр: къадды лийкьыйне, зада йихь. – Считай книги, когда до двадцати дойдешь, мне сообщи.

Хьибды йыгьад еш вазыры и гьидхьури. – Трехдневный сенокос на месяц затянулся.

В рутульском языке много фразеологизмов и устойчивых сравнительных оборотов, содержащих в составе имена существительные в суперэссиве/суперлативе:

Мух. д.: *йикъы йыгас* «вспомнить» (букв. «на сердце привести»);

хылы сыхьІс «занемочь, нуждаться в уходе» (букв. «на руку упасть»);

джанды джахьва гьиджиес «не утруждать себя» (букв. «на тело труд не принимать»);

ларсынаа гьад хьинкІий калды «подвижный, шустрый» (букв. «на кипятке находящийся хинкал как»);

гьилы юкъды «беременная» (букв. «на ногу тяжелая»);

къырбы гьад тыла калды «злой, вспыльчивый» (букв. «над костью находящаяся собака словно»);

Хнов. г.: *мурыддий ладиркьас* «достичь желаемого» (букв. «на желаемое дойти») и др.

Таблица аффиксов суперэссива/суперлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-vv	-vй	- vv/-vй	-vй/-vv	-vv

Суперэлатив с семантикой «направление с чего-либо» в значении удаления из данного положения оформляется аффиксами *-аала*, *-уула*, *-ыыла*, *-ыыІла*, *-яяла*, образованными от маркеров суперэссива/суперлатива присоединением показателя *-ла*, свойственного в рутульской грамматике элативам. В ихрекском диалекте им соответствует аффикс *-vйа*, в борчинско-хновском диалекте – *-vйла*.

Аффикс *-ыыла* оформляет суперэлатив некоторых существительных и всех склоняемых частей речи единственного и множественного числа: *риг-ыыла* «с двери», *диридний-ыыла* (I, II кл.) «с быстрого, шустрого», *сынд-ыыла* (III, IV кл.) «с одного», *мибиш-ыыла* (I, II кл.) «с этих», *лархыдм-ыыла* (III, IV кл.) «с мутных» и т. д.

Посредством аффиксов *-аала*, *-иила*, *-уула*, *-ыыла* оформляется суперэлатив существительных единственного числа: мух. д. *къедн-аала* «с паласа», *айван-аала* «с балкона», *укъ-уула* «с травы», *гъ-ыыла* «с моста», *мири-яяла* «с реки», ихр. д.: *дид-ыйаа* «с отца», борч.-хнов. д.: *дуюньюгъд-ийла* «с мира, из мира» и т. д.

Таблица аффиксов суперэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-vʋла	-vйа	-vʋла	-vйла	-vʋла

Суперэлатив выполняет множество функций, как субъектно-объектных, так и обстоятельственных.

Неодушевленные имена существительные и субстантивы III и IV классов в форме суперэлатива, сочетаясь с глаголами движения, могут выражать **обстоятельства места**, с поверхности которого движется, отдаляясь, предмет или лицо:

Мух. д.: *Йиз гъад сываала яхда йиркъыд Шахда-баба,*
Ачых гыыыр вияъ ес пайбыр выды хвабаа. (И. Ш.)
 Со снегом покрытой горы пришедший Дед Мороз,
 Открыв свой мешок, дай нам подарки.

Борч.-хнов. д.: *Дуюньюгъдийла дыхъыр баллад*
джуърар-бабар, ай Ануга. (К. С.)
 Из мира ушли многие
 разные-всякие, эй Ануга.

Шин. д.: *Халды къавыыла халдей сенес*
Зы лечуры банад рава,
Харчлед халаа авылгыр сес:
«Гъуй ихъыыр, ахмакъ гада!» (К. И.)
 С крыши неба звезду снять
 Я взобрался на край горы,
 Из синего неба раздался голос:
 «Ты опоздал, глупый парень!»

Так как в рутульском языке отсутствует транслатив, его функцию выполняет суперэлатив, передавая семантику «движение через что-либо» (иногда в сочетании с послелогом *хьуь* «через»):

РуIхуIхъан банаала хьуь хьиркьыри. – Мельник через гору вернулся.

Мисде НацIуруула хьуь цIинды гьаI ливхьиси. – В этом году через Самур новый мост соорудят.

Существительные в форме суперэлатива, сочетаясь с субстантивированными числительными, оформляют **обстоятельство времени**, выражая время начала действия или промежутки времени, через который произошло или произойдет действие:

Мух. д.: *Къадды-хибцIырды йыгьаала наачагьад дават викиси.* – Через двадцать-тридцать дней у падишаха свадьба будет.

Йукьды сыдыыла изды кьыле выьын лаабтIуси. – Через четыре года моя учеба закончится.

Шин. д.: *Са арияла кала Къандзыгьай хьиркьыр.* – Через некоторое время Кандзыгай (ведьма) вернулась.

Все одушевленные имена и неодушевленные имена, обозначающие части тела человека или животного, в форме суперэлатива, сочетаясь с глаголами отдаления, отделения от чего-либо, выражают, кроме места, от которого происходит отдаление, отделение, еще и лицо, предмет, которые в предложении выполняют функцию **косвенного объекта**:

Тухтурара едеднийыыла сехьыд валыгмар хьаджири. – Доктор с больного мокрую одежду снял.

Валыг сидгьа гьаьади, за хылыыла тIыбыхъ хьаджири. – Когда белье старала, я с руки браслет сняла.

Слова в суперэлативе могут выражать объект того или иного чувства:

*ГьаIнаIхаIн зы рыкьасдиш -
ШубаIшыыла гичIере.* (И. Ш.)

Сегодня вечером я не приду –
Братьев боюсь.

Йидкьыддыыла гимийичI, йикьасдыдыыла гичI ваъ. (Посл.) –
Свершившегося не бойся, бойся предстоящего.

Объект действия в широком смысле слова суперэлативом оформляется и при других глаголах (*асыллы йикис* «зависеть», *каьчIус* «начинать», *лийкьас* «достигать, получать» и др.).

При характеристике падежа компаратива мы отмечали его употребление для выражения лица или предмета, с которым сравнивается другое лицо или предмет. Кроме компаратива в рутульском языке эту функцию параллельно выполняет во всех ареальных единицах и суперэлатив. Причем суперэлатив присутствует в падежных системах всех пяти диалектов, в отличие от компаратива, не характерного для двух из пяти диалектов. В таком значении суперэлатив употребляется при глаголах с разнообразной семантикой, а объектом сравнения могут выступать и существительные, и субстантивы:

Геджеркьаднийис кьалам бераала юкьаI виъи. (Посл.). – Для непонятливого карандаш тяжелее лопаты.

Хьылешис кьуIлуIхьдымыыла иддыбыр йигад йиъи. – Женщинам, чем соленое, сладкое больше нравится.

Функцию обстоятельства **образа действия** в рутульском языке выражают слова в форме суперэлатива, характеризующие внешние признаки человека, животного или неодушевленных предметов: *усул* «вид», *тIыл* «привычка», *тербие* «воспитание», *хатI* «почерк», *ихтилат* «разговор», *юруш* «походка», *лугьат* «акцент, диалект» и др.:

Мух. д.: *Йиван юрушаала вацIара, эдеми – ихтилатаала.* (Посл.). – Коня по походке распознать можно, человека – по разговору.

Субъект действия может оформляться одушевленными именами существительными в форме суперэлатива при его употреблении с глаголом *игьидъхьус* в значении «избавиться от чего-либо неизбежного, нежелательного»:

Мисде заала беляя игьибхьури. – В этом году я от беды избавилась.

Ихр. д.: *Дидыйаа бырдж лаьхьдийири.* – С отца долг сняли [Джамалов, Семедов 2006: 430].

Суперэлативом управляют послелогои *хьуъ* «по, через, вперед», *хьуъ* «с, после», *аь* «через, в, внутрь», *лаь* «вверх», *саь* «вниз», уточняющие место происхождения действия:

Ихьды райондаа банымыла хьуь дыхьыйне, Азербайджанди ледкьаси. – Из нашего района через горы вперед если пойти, можно достичь Азербайджана.

Масалыла сав дзыдзяИхь виъи. – По стене вниз муравей ползет.

Нередко в рутульском языке слова в форме суперэлатива являются составной частью **идиоматических выражений**. Приведем некоторые из них:

йикIыыла удхас «забыть» (букв. «с сердца закрыться»),

кьулуула игъийис «избавиться» (букв. «с головы выкинуть»),

хылыыла агъагъус «сбыть с рук»,

джандыыла хыл лувшус «отказаться от жизни» (букв. «с тела руку взять»),

рыкьыыла игъирхъус «заблудиться, совершить ошибку» (букв. «с пути сбиться») и др.

Падежи III серии

Адэссив/адлатив, имеющий семантику «нахождение у кого-либо, у, около чего-либо и движение к кому-либо, чему-либо», образуется посредством аффиксов *-да, -вда, -де, -вде*. Изучение фактического материала позволило нам сделать вывод о том, что диалекты рутульского языка не имеют существенных различий в оформлении адэссива/адлатива. В ихрекском диалекте К. Э. Джамалов и С. А. Семедов выявляют как вариант аффикса адэссива/адлатива *-ддаь/-ттаь*: «*нецIурддаь гьыхьыри* (к реке пошел)» [2006: 431]. Анализ диалектного материала позволил нам трактовать единицы с аффиксом *-ддаь/-ттаь* как формы адэлатива.

Дирр называет этот падеж местным «на *-да, -да, -та* (к, дательный п.)» [Дирр 1911], Е.Ф. Джейранишвили квалифицирует его как «адэссив: у кого? у чего?» с показателем *-да*. Одушевленные имена (особенно имена I и II классов, связанные с личностью) выражают главным образом отношения «у кого? кому?», а неодушевленные – «возле чего? к чему?» [Джейранишвили 1983: 568].

В хновском говоре адэссив/адлатив от одушевленных существительных, как и в мухадском диалекте, отвечает на вопрос *гьалда?* «у кого? кому?», адэссив/адлатив от неодушевленных существительных отвечает на вопрос *йидда?* «возле чего? к чему?», отличающийся от мухадского *гьидиде?* фонетическим оформлением.

Аффиксы *-ада, -еде, -уда, -ыда* присоединяются в мухадском диалекте к основам существительных единственного числа, аффикс *-да* – к существительным ед. числа и личным местоимениям: *хал-да* «у дома, к дому», *шу-да* «у брата, брату», *ва-да* «у тебя, тебе», *варлы-еде* «у богача, богачу», *шум-уда* «у щебня, к щебню» и т. д. В остальных диалектах аффикс *-да/-даь* оформляет адэссив/адлатив субстантивов I и II классов единственного числа, а в ихрекском диалекте – субстантивов всех классов:

Мюхр. д.: *гъану-да* (I, II кл.) «у него, ему»,
борч.-хнов. д.: *чина-де* (I, II кл.) «у того, тому»,
ихр. д.: *викъидни-даь* (III кл.) «у умершего/-ей, умершему/-ей».

Показатель *-де* оформляет адэссив/адлатив некоторых существительных единственного числа и всех субстантивов I и II классов единственного и множественного числа: *риши-де* «у сестры, сестре», *нин-де* «у матери, матери», *диридний-де* «у быстрого, быстрому», *диридбиши-де* «у быстрых, к быстрым», *хъибний-де* «у троих, троим», *сахъусдыбиши-де* «у первых, к первым», *тиний-де* «у того, тому», *лукудний-де* «у упавшего, упавшему» и т. д.

Показатель *-ыда* оформляет адэссив/адлатив некоторых существительных единственного числа и всех склоняемых имен III и IV классов во множественном числе: *къырб-ыда* «у кости, к кости», *ке-лемерм-ыда* «у капусты, к капусте», *сихъидм-ыда* «у положенных, к положенным», *сахъусдым-ыда* «у первых, к первым», *мим-ыда* «у этих, к этим» и т. д.

Во всех диалектах, кроме ихрекского, адэссив/адлатив некоторых существительных и всех субстантивов III и IV классов в единственном числе оформляется аффиксом *-иде*: *миз-иде* «у языка, к языку», *убл-иде* «у волка, волку», *диридд-иде* «у быстрого, к быстрому», *хъибд-иде* «у трех, к трем», *тинд-иде* «у того, к тому», *лукудд-иде* «у упавшего, к упавшему» и т. д.

Адэссив/адлатив в рутульском языке выполняет функции обстоятельства места, косвенного объекта, субъекта действия.

Имена с лексическим значением места в адэссиве/адлативе оформляют **обстоятельство места**, указывая на место, около которого происходит действие; место, к которому направлено действие, при глаголах движения, показывающих приближение:

РыкъыИде быстан, юргъа йиван, бытІрад къари – маддынийды йикий. (Посл.). – У дороги сад, быстрый конь, красивая жена – у другого пусть будут.

Все имена I и II классов в форме адэссива/адлатива выполняют в предложении функцию **косвенного объекта**, обозначающего лицо, которому отдают, передают, говорят что-либо, и отвечают на вопрос **кому?**:

Мух. д.: *Етимеде йыхды чЕлбыр рухьудбыр бала диъи, гугалый вылцАд адиш.* (Посл.). – Сироте хорошие слова говорящих много, лепешку дающего нет.

Ихр. д.: *Миды вазирешре минудаъ мад къизилбыр выри.* – Визирю ему опять золото дали.

Мюхр. д.: *Чирчухьва хынимар хьыдвыр къумшийишда.* – Чирчуф отдал детей соседям.

Формы адэссива/адлатива при глаголах *сахас* «спать, заснуть», *ешес* «плакать», *йикъас* «прийти», *лешус* «взять» также оформляют косвенный объект действия:

Мух. д.: *Хыных зада йиркъыри.* – Ребенок ко мне (на руки) пришел.

Адэссив/адлатив выступает **в роли субъекта** со значением обладания чем-либо в данное время, употребляясь с недостаточным глаголом *ха* «есть, имеется в наличии в данный момент» или с его отрицательной формой *хадши*:

Почтальонада ес хабарбыр ха. – Почтальон для нас новости несет.

Иессиеде ихтияр ха. – Хозяин имеет право.

КъаІснийде гыбылбыр ха. – Старик болеет.

В **идиоматических выражениях** формы адэссива/адлатива употребляются редко:

Галда лийин «наполнить» (букв. «до рта довести»),

йикІиде хивхьин «переживать» (букв. «к сердцу приложить»),

некъиде хирхьун «вздремнуть».

Таблица аффиксов адэссива/адлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-да/-vда, -де/-vде	-да/-vда, -даъ/-vдаъ	-да/-vда, -даъ/-vдаъ	-да/-vда, -де/-vде	-да/-vда, -даъ/-vдаъ

Адэлатив, имеющий семантику «удаление от чего-либо», во всех диалектах рутульского языка, кроме ихрекского, образуется посредством аффиксов *-даа*, *-вдаа*, в ихрекском диалекте выявляется аффикс *-дда/-вдда*.

Показатель *-даа* оформляет адэлатив некоторых существительных ед. числа, личных местоимений и всех субстантивов I и II классов единственного и множественного числа: *хал-даа* «от дома», *ва-даа* «у тебя», *сахьдхьдний-даа* «у спящего», *хьибний-даа* «у троих», *тимбиши-даа* «у тех», *диридбиши-даа* «у упавших» и т. д.

Аффиксы *-адаа*, *-едаа*, *-ыйдаа* присоединяются к основам некоторых существительных единственного числа: *кьуд-адаа* «у свата», *варлы-едаа* «у богача», *мири-едаа* «от реки», *шум-удаа* «от щебня», *ус-удаа* «от полена», *рыхь-ыйдаа* «от золы» и т. д.

Во всех диалектах, кроме ихрекского, формы адэлатива некоторых существительных и всех субстантивов III и IV классов в единственном числе оформляются аффиксом *-идаа*: *миз-идаа* «от языка», *убл-идаа* «у волка», *диридд-идаа* «от быстрого», *хьибд-идаа* «от трех», *тинд-идаа* «от того, от той», *лукудд-идаа* «от упавшего» и т. д.

Показатель *-ыдаа* оформляет адэлатив некоторых существительных единственного числа и всех склоняемых имен III и IV классов во множественном числе: *кьырб-ыдаа* «от кости», *келемерм-ыдаа* «от капусты», *схьидм-ыдаа* «от положенных», *сахьусдым-ыдаа* «от первых», *мим-ыдаа* «от этих» и т. д.

В ихрекском диалекте выявляется использование аффикса адэлатива *-дда/-вдда*, в котором интенсивность согласного заменяет долготу гласного, характерную для аффиксов адэлатива других ареальных единиц рутульского языка:

Везирер нашмалне хьалдхьыр, ханадда багьшивалды лехьешури. – Визири, опечаленные, ушли просить прощения у хана.

Наши наблюдения над фактами языка подтверждают слова Г. Х. Ибрагимова, отмечавшего, что «3-й исх. падеж употребляется не только в значении удаления (от кого, от чего), но и в значении просьбы (у кого, у чего) и лишения (кого, чего)» [1978: 56]:

Ва хукадаа мидиь хьед сигаь. – Ты от дерева воду сюда направь.

За кьухьнийдаа кьвалд йыгь ягьыри. – Я у начальника два дня попросил.

Гьа гьариб сиене малдидаа йишири. – Этот бедняга всего скота лишился.

Адэлатив в диалектах рутульского языка, как и адэссив/адлатив, выступает лишь в нескольких функциях: обстоятельства места, косвенного объекта и субъекта действия.

Обстоятельство места адэлатив в рутульском языке выражает при глаголах удаления, при недостаточных глаголах, означающих расположение чего-либо вдали, на расстоянии от лица или предмета:

Мух. д.: *Гъийгъа автобус клубадаа хъааІбхыІри.* – Сегодня автобус от клуба уехал.

Хъылеште былахадаа хъед ха. – Женщины с родника воду несут.

Мюхр. д.: *Сихъваяхъван хъед леҕІур балахадаа, ямаг хъыгъыр, гъад лиҕыр, хъели кан садирхар жи.* – Ситом боду набрав из реки, еду приготовив, её поев, потом спать ложимся мы.

Адэлатив в рутульском языке может оформлять реальный **субъект** действия, употребляясь с глаголами, имеющими семантику возможности/ невозможности совершения действия, и с глаголами, имеющими значение случайности или непреднамеренности действия:

Мух. д.: – *Вадаа эчбыр къуІҕес йикисиме?* – Ты яблоки очистить можешь (от кожуры)?

Мюхр. д.: *Мачхул вишир абгыри хъва Ширбанхъай – мидидаа хъед леҕІис гъиширдиш.* – Увлеклась и задержалась Ширбанхай (ведьма), но воду набрать она не смогла.

Мух. д.: *Задаа гъуІл гъигъе йишири.* – Я окно захлопнула (случайно).

Хынхыдаа зур хъишдхъури. – Ребенок описался (непроизвольно).

Хыдынйидаа цІарцІарбыр хъишдхъури. – Женщина вскрикнула (внезапно).

Адэлативом имен I и II классов (редко – III и IV классов) оформляется **косвенный объект**:

- при глаголах речи, выражающих просьбу или вопрос: *ягъаІс* «просить», *худкас* «спрашивать», *суал выс* «спросить»:

Шин. д.: *ЦІай кидхъуд гъикІ серинаас*

Кумаг вагъыІр хаІлдаа выше:

"Ваз, цІинды ваз, зы сабыраас,

Саъ сивыка югълад перде...» (К. И.)

Горящее сердце чтобы остудить,

Попросил помощи у неба ночью:

«Луна, новая луна, для моего покоя

Спусти вниз дождевой занавес...»

Ихр. д. *Ханаре гъвадда худкуруи*: «Гъу бехъде йимаI, хырыде?» – Хан у тебя спросил: «Ты близко идешь или далеко?».

Вазирешре мад минуде рухъурий: «Ханара гъвадда хуткуруи: гъууд къазындж халдис балыйме, – гвас?» – Визири опять говорят ему: «Хан у тебя спросил: заработок другим больше достается или тебе?»;

- при глаголах *лешус* «брать», *йихис* «уносить», *дагул гъаъас* «воровать», *хеетIес* «отбирать» адэлатив оформляет объект, у которого что-либо берут, отнимают, крадут:

Ихр. д.: *Вазирер паималне хъаIдхыIр, ханадда багъишвалды лехъепишури*. – Грустными визири ушли, у хана прощения попросили.

Мух. д.: *Цинды кетхудиеда бырдж лемаъбуш, хыдынийде сир малуцI*. (Посл.). – У нового (внезапно разбогатевшего) богача в долг не бери, женщине тайну не выдавай;

- при глаголах *аIхтиет гъаъас* «беречь, оберегать», *ухуIс* «беречь», *темиз гъаъас* «чистить», *маъде гъаъас* «очищать» адэлатив выражает лицо или предмет, от которого кого-либо или что-либо оберегают, очищают:

Гийхъид эдемиядаа Аллагъара хырыда дыъыхъ. – От молчаливого человека пусть Аллах отдалит.

Формы адэлатива в рутульском языке употребляются с **последлогами** *хъуъ* «по, вперед», *лаъ* «вверх», *саъ* «вниз», *аъ* «внутри», которые конкретизируют направление действия, выраженного глаголом:

Мух. д.: *Банадаа хъуъ мири виъи*. – От горы (вперед) река течет.

Масалдаа саъ хъед сукур а. – Вдоль стены (букв. «от стены вниз») вода течет.

Таблица аффиксов адэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-даа/-вдаа	-дда/-вдда	-даа/-вдаа	-даа/-вдаа	-даа/-вдаа

Падежи IV серии

Постэссив/постлатив с семантикой «нахождение у кого-либо, за чем-либо» и «движение по направлению к кому-либо, за что-либо» образуется посредством аффиксов *-хда*, *-vxда*. Исследователи рутульского языка характеризуют этот падеж как «местный на *-хда*, *-хта*»

[А. М. Дирр, 1911: 56] или «причинно-целевой (дистинатив)» [Е. Ф. Джейранишвили, 1983: 568].

В мухадском диалекте постэссив/постлатив от существительных с вокальным исходом и личных местоимений единственного числа образуется посредством аффикса *-хда*: *риши-хда* «у сестры, за сестрой, к сестре», *за-хда* «у меня, за мной, ко мне», *ва-хда* «у тебя, за тобой, к тебе» и т. д.

В остальных диалектах аффикс *-хда* оформляет постэссив/постлатив от некоторых существительных единственного числа, субстантивов I и II классов единственного числа, а в ихрекском диалекте – от субстантивов всех классов:

Мюхр. д.: *гьану-хда* (I, II кл.) «у него, к нему»,

Борч.-хнов. д.: *чина-хда* (I, II кл.) «у того, к тому»,

Ихр. д.: *викьидни-хда* (III кл.) «у умершего/-ей, к умершему/-ей».

Аффиксы *-ахда*, *-ехда*, *-ухда*, *-ыIхда* характерны только для существительных ед. числа: *дагьр-ахда* «за скалой, за скалу», *варлы-ехда* «у богача, к богачу», *шум-ухда* «за щебнем, за щебень», *рыхь-ыIхда* «за золой, за золу» и т. д.

В мухадском диалекте для склоняемых частей речи I и II классов характерен аффикс *-ихда* и в единственном, и во множественном числе: *хьибний-ихда* «у троих, к троим», *диридбиш-ихда* «у быстрых, к быстрым», *сахьусдыбиш-ихда* «у первых, к первым», *тиний-ихда* «у того, к тому», *лукудний-ихда* «у упавшего, к упавшему» и т. д.

Аффикс *-ыхда* оформляет постэссив/постлатив некоторых существительных единственного числа и всех субстантивов III и IV классов единственного и множественного числа: *кьырб-ыхда* «за костью, за кость», *келемерм-ыхда* «за капустой, за капусту», *сихьидд-ыхда* «за положенным, за положенный», *сахьусдым-ыхда* «за первыми, за первые», *мим-ыхда* «за этими, за этих» и т. д.

Постэссив/постлатив в рутульском языке может оформлять обстоятельства места, времени и образа действия; косвенный объект, субъект в предложениях локативной конструкции.

Во всех диалектах постэссив/постлатив выражает место, за которым и по направлению за которое или к которому происходит действие, при глаголах *яхас* «бежать», *йикьас* «приходить», *сукас* «поворачиваться, направляться», *гыхыIс* «прятаться», *гиркIа гьыгас* «прятать», *лийчес* «летать», *сирьэс* «совершать движения» и др.:

Устарар халыхда гьаадхыIри. – Строители за дом пошли.

Мийманар миряхда сьудкири. – Гости к реке направились.

Гъаьлихда йибкьыд чел хъувургъа ваъас викис дши. – На язык пришедшее слово остановить (букв. «повернуть вспять») невозможно.

При недостаточном глаголе хъу «находится за чем-либо» и его отрицательной форме хъудиш «не находится за чем-либо» имя в постэссиве/постлативе выражает место, за которым происходит действие:

Къухъды халыхда быстан хъу. – За большим домом сад находится.

ЦахыИребишды муКъ ми банахда хъудиш. – Цахурское селение не за этой горой находится.

Косвенный объект действия выражается постэссивом/постлативом при употреблении с глаголами *йикъас* «приходить», *гакъас* «смотреть», *хъацус* «слушать, слушаться», *цИиял йикис* «скупать, соскучиться», *маИхтадж йикис* «нуждаться», *хъирхъус* «гнаться» и др.:

Хъадихда цИийал йишир а, мыкъмыыла бизар дшиир а. – По весне соскучились, от холодов устали.

Эвелды инсанаше рухъуд йиъий: ми ул тимбъыды улихда маИхтадж мувугъуЙй. – Древние люди говорили: пусть этот глаз в том глазе не нуждается.

Особенностью борчинско-хновского диалекта является выражение постэссивом/постлативом объекта, которому исполняется или исполнилось определенное количество лет: *Йахда шибцИыр саьн а.* – Мне тридцать лет (есть).

Выше мы приводили примеры из других диалектов рутульского языка, свидетельствующие об оформлении этой функции формами генитива (мухадский диалект) и датива (ихрекский диалект).

Функцию **обстоятельства времени** (с оттенком приблизительности времени совершения действия) выполняют количественные числительные и существительные с семантикой времени в форме постэсива/постлатива:

Гъийгъа зы наИхаИдыхда хала хъирикъаси. – Сегодня я к вечеру домой вернусь.

Хыных йаквахда секин йишири, хъели нин некъик' кирхъури. – Ребенок к утру успокоился, потом мать заснула.

Обстоятельство образа действия имена существительные в форме постэсива/постлатива оформляют крайне редко: *бегихда ругъа гъаь* «поверни на бок», *сурухда лукаь* «набок уложи».

Субъектное значение обладания кем-либо, чем-либо постэссив/постлатив выражает, употребляясь с недостаточным глаголом *а* «имеется, есть» и его отрицательной формой *адиш* «нет, не имеется»:

КьаIсиехда йивыр дух ай хьва. – Старик имел семь сыновей.

Гьа касибехда хал ки адиш. – Этот бедняк и дома не имеет.

Постэссивом/постлативом оформляется и субъект, испытывающий физиологические желания или потребности, как правило, при таком субъекте используется недостаточный глагол *хьу* во всех временных формах и в отрицательной форме:

Хьыхьхда зур хьудиш. – Ребенок не хочет мочиться.

Вахда ешел' хьума? – Ты плакать хочешь?

Таблица аффиксов постэссива/постлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-хда/-vxда	-хда/-vxда	хда/-vxда	-хда/-vxда	-хда/-vxда

Постэлатив с семантикой «удаление из-за чего-либо» в мухадском и шиназском диалектах образуется посредством аффиксов *-хълаа*, *-vxълаа*.

Г. Х. Ибрагимов, характеризуя постэлатив, отмечал, что он «...встречается часто и выражает пространственные отношения: «за», «после», «из-за» [1978: 57].

Е. Ф. Джейранишвили не приводил этот падеж в системе падежей рутульского языка.

Аффикс *-хълаа* характерен для существительных единственного числа с вокальным исходом, возвратного местоимения единственного числа и личных местоимений ед. и мн. числа: *риши-хълаа* «о сестре, после сестры», *гьыI-хълаа* «из-за моста», *джухълаа* «о себе, после себя», *йэ-хълаа* «о нас, от нас, после нас» и т. д.

Аффиксы *-ахълаа*, *-ехълаа*, *-ухълаа*, *-ыIхълаа* оформляют постэлатив имен существительных единственного числа: *дагьр-ахълаа* «из-за скалы», *варлы-ехълаа* «о богаче», *шум-ухълаа* «из-за щебня», *рыхъ-ыIхълаа* «из-за золы» и т. д.

Аффикс *-ихълаа* оформляет постэлатив субстантивов I и II классов единственного и множественного числа: *хьибний-ихълаа* «о трёх», *диридбиш-ихълаа* «о быстрых», *сахьусдыбиш-ихълаа* «о первых», *тиний-ихълаа* «о том, о той», *лукудний-ихълаа* «об упавшем» и т. д.

Посредством аффикса *-ыхълаа* оформляется постэлатив некоторых существительных единственного числа и всех существительных множественного числа, а также субстантивов III и IV классов единственного и множественного числа: *кьырб-ыхълаа* «из-за кости», *ке-лемерм-ыхълаа* «из-за капусты», *сихъидд-ыхълаа* «из-за положенного», *сахъусдым-ыхълаа* «из-за первых», *мим-ыхълаа* «из-за этих» и т. д.

При оформлении постэлатива мухадский и шиназский диалекты противопоставляется другим ареальным единицам аффиксами: мухадско-шиназскому *-хълаа/-vxълаа* противопоставлены аффикс *-хдаа/-vxдаа* в ихрекском и мюхрекском диалектах и аффикс *-дыгыр* в борчинско-хновском диалекте.

Шин. д.: *Масалыхълаа саъ джул хъу*. – На стене (букв. «от стены вниз») ковер висит.

Аффикс постэлатива *-дыгыр*, выявляемый в борчинско-хновском диалекте, не обнаруживает аналогов в других ареальных единицах, семантика этого аффикса затемнена, и на современном этапе развития борчинско-хновского диалекта нет возможности проследить его этимологию.

Хнов. г.: *Хукадыгыр хий хъигъибгыри*. – Из-за дерева собака убежала.

В диалектах рутульского языка постэлатив выполняет функции обстоятельства места, косвенного объекта и субъекта действия.

Обстоятельство места постэлатив выражает при недостаточных глаголах *хъу* в значении «висит», *а* «есть», их отрицательных формах *хъудиш*, *адиш* и других глаголах. Формы постэлатива, употребляясь с недостаточным глаголом *хъу* «висит», могут конкретизировать место совершения действия при помощи послелога *саъ* «вниз»:

Мух. д.: *Къавыхълаа саъ люстра хъу*. – На потолке люстра висит (букв. «С потолка вниз люстра висит»).

Айванад масалыхълаа саъ шикил хъивир а. – На стене веранды картину повесили.

Шин. д.: *Банахълаа виригъ ливид кал, къваІрхъусды шу руъуй Къандзыгъайыхда*. – Как только из-за горы показалось солнце, второй брат пошел к Кандзыгай (ведьме).

Хнов. г.: *Сывадыгыр вирий гъуІвчІури*. – Из-за гор солнце взошло.

Имена в форме постэлатива, выражающие место, при их употреблении с глаголом *хъиркъын* «возвращаться» в формах разных времен образуют выражения, переводимые на русский язык описательно:

Мух. д.: *Нин хьидыхълаа хъиркьыри.* – Мать ходила за водой и в настоящее время возвращается. (букв. «Мать от воды идет»).

– *Гьили рыхьыр ай?*

– *Ядлахълаа хъиръи.*

– Куда ходила?

– Ходила проведать больного (больную) и в настоящее время возвращаюсь. (букв. «от болезни иду»).

Мюхр. д.: *Зы дидыхдаа хьуИргьуИра.* – Я к отцу ходила и в настоящее время возвращаюсь (букв. Я от отца иду).

Постэлатив от одушевленных имен, сочетаясь с ограниченным количеством глаголов, оформляет в предложении **косвенный объект**: лицо, о котором говорят (чаще – за спиной), оформляется постэлативом при глаголе *гьалгас* «говорить»; лицо, от которого отстают, желают или заставляют отстать, оформляется постэлативом при глаголах *хъааIчIус* «отстать» и *хъиирхъус* со значением «отстать»:

КъваIр къумиш хъибырхъусдынийихълаа далгара а. – Две соседки о третьей сплетничают.

Шегьерди ледкъыд ка Расул хьидиймашиихълаа хъиирхъури. – Как только до города доехали, Расул от друзей отстал.

Субъект действия формы постэлатива выражают лишь при глаголе *хъиидхъус*, служащем для передачи различных произвольных физических действий:

Хьнхыхълаа зур хъиидхъури. – Ребенок помочился (непроизвольно).

Хьдынийихълаа лалбыр хъиидхъури. – Женщина закричала (непроизвольно, неожиданно).

Таблица аффиксов постэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-хълаа/ -vхълаа	-хдаа/ -vхдаа	-хълаа/ -vхълаа	-дыгыр/ -vдыгыр	-хдаа/ -vхдаа

Падежи V серии

Контэссив/контлатив с семантикой «нахождение внутри, в составе, в соприкосновении с чем-либо» и «движение внутрь, в состав, в соприкосновение с чем-либо» в научной литературе называют местным «на -к (-в)» [Дирр 1911: 11], «местный III (субэссив: в-под)»

[Джейранишвили 1983: 568]. Г. Х. Ибрагимов считал, что «значение этого падежа гораздо шире («в», «в-под», «у», «на», а также значение пребывания, свойства, сравнения)» [1978: 55].

Аффиксами контэссива/контлатива в ареальных единицах рутульского языка являются *-к'*, *-ук'*.

В шиназском диалекте, наряду с обозначенными выше аффиксами, наблюдается параллельное употребление аффикса *-ки*:

Шин. д.: *Съриеки кид джан джагварды гел,*

Гъу банымыы вуруъур ама? (К. А.)

В отаре находящийся белый ягненок,

Ты в горы ходишь еще?

Так как формы контэссива/контлатива в зависимости от контекста способны передавать разные значения, мы будем приводить их подробные переводы на русский язык при характеристике функций этого падежа.

Е. А. Бокарев относит аффикс *-к'* к общелезгинскому **-кк* со значением «под»: «В рутульском языке падеж на *-к* имеет иное значение, он обозначает нахождение внутри чего-либо: *нецлур* «река», *нецлур-у-к* «в реке». Однако это значение является несомненно вторичным» [1960]. На современном этапе развития языка этот аффикс является серийным показателем *-к*, который наряду со значением «на наклонной вертикальной плоскости» имеет значение «в сплошной массе», «в соприкосновении с чем-либо».

Аффикс *-к'* оформляет контэссив/контлатив существительных с исходом на гласный, возвратного местоимения единственного числа, всех личных местоимений: мух. д.: *гъаI* «мост» – *гъыI-к'риши* «сестра» – *риши-к'*, *выдж* «сам» – *джу-к'*, *вы* «ты» – *ва-к'*, ихр. д.: *шугу* «брат» – *шугу-к'*, *гъу* «ты» – *гъвак'*, борч.-хнов. д.: *ви* «вы» – *ве-к'* и т. д.

Аффиксы *-ак'*, *-ек'*, *-ыIk'* оформляют контэссив/контлатив существительных единственного числа: *дагъар* «скала» – *дагъар-ак'*, *варлы* «богач» – *варлы-ек'*, *мири* «река» – *мири-ек'*, *шум* «щебень» – *шум-ук'*, *рыхъ* «зола» – *рыхъ-ыIk'* т. д.

Некоторые существительные единственного числа, все существительные множественного числа, а также все субстантивы единственного числа и субстантивы I и II классов множественного числа присоединяют аффикс контэссива/контлатива *-ик'*: *рак* «дверь» – *риг-ик'*; *дирид* «быстрый» – *диридний-ик'* (I, II кл.), *диридд-ик'* (III, IV кл.); *диридбыр* «быстрые» – *диридбиш-ик'* (I, II кл.), *хыбыр* «три,

трое» – *хьибний-ик'* (I, II кл.); *ти* «тот» – *тиний-ик'* (I, II кл.), *тинд-ик'* (III, IV кл.), *лукуд* «лежащий» – *лукудд-ик'* (IV кл.) и т. д.

Посредством аффикса *-ык'* оформляется контэссив/контлатив некоторых существительных единственного числа и всех существительных множественного числа, а также субстантивов III и IV классов множественного числа: *мас* «стена» – *масал-ык'*, *кьырыбыр* «кости» – *кьырбым-ык'*, *келембыр* «капуста» – *келемерм-ык'*, *сихьидбыр* «положенные» – *сихьидм-ык'*, *сахьусдыбыр* «первые» – *сахьусдым-ык'*, *мибыр* «эти» – *мим-ык'* и т. д.

Таблица аффиксов контэссива/контлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-к'/-vk'	-к'/-vk'	-к'/-ки	-к' /-vk'	-к'/-vk'

Контэссив/контлатив выступает в функциях обстоятельства места, косвенного объекта и субъекта действия.

В функции **обстоятельства места** контэссив/контлатив выражает место совершения действия при глаголе *кидхьус* в значении «упасть (случайно), проникнуть, войти в состав» во всех временных формах, в недостаточной форме *ки* и в отрицательной форме *кидиш*:

Мух. д.: *Мириек' кирхьуднийис гьугьлара шыв хьаьаси?* (Посл.). – В реку упавшему дождь что может сделать?

Мюхр. д.: *ГьаабхыІр хьва Ширбанхьай гьаь: сихьв нецІурук' ари кьыврхаІре, ведриди хьивикьади, саь гьаІгьуІре хьед.* – Вышла Ширбанхай наружу: сито погружает в реку, пока нальет в ведро, выливается вода.

Форма контэссива/контлатива выражает место, по направлению к которому совершается действие:

Балугь выганахьун, хьидик' качІв! – Если рыбу хочешь, в воду полезай!

Имена в форме контэссива/контлатива выражают **объект действия**, употребляясь с глаголами, содержащими в составе преверб *к-*, который У. А. Мейланова квалифицирует для лезгинского языка как исторически восходящий к показателю местного III [1960: 115].

К глаголам с компонентом *к-* относятся в рутульском языке следующие: *кидхьус* «попасть (случайно) во что-либо, быть в составе», *китІе гьаьас* «привязывать», *кыхьІс* в значении «макать во что-либо», *кидха гьаьас* «смешивать», *кийкьас* «трогать, касаться», *кихьис*

в значении «вложить, посадить (растение)», *киджирхъас* «прицепиться, приклеиться, драться» и другие глаголы, меняющие в контексте оттенки значений:

Мух. д.: *Гакъас кьIваIб ул выгарай -
Ярад ухнак' кид кьIчIбыр.* (Ибрагимов Ш.)

Два глаза хочу, чтобы смотреть
На пуговицы на платье любимой.

Хыных бикIерды чийданак' кийкъыри. – Ребенок к горячему чайнику прикоснулся.

В мухадском диалекте контэссив/контлатив выражает объект, с которым имеет сходство субъект действия: *Ихьды магъаIлим артисткак' кирикара.* – Наша учительница на артистку похожа.

Выше мы отмечали, что в хновском говоре эту функцию выполняют формы дательного падежа (*Рыш дидыс кирикара.* – Дочь на отца похожа).

Субъект действия имени в форме контэссива/контлатива выражают в редких случаях, употребляясь с недостаточным глаголом *ки* «находится в составе (в состоянии) чего-либо»:

Мух. д.: *Джигъилек' тахсир ки.* – Молодой виноват.
Выды гытирик' эзер ки. – Твоя кошка больна.

Контэссив/контлатив часто может оформлять именную часть в составе **сложных глаголов или сочетаний**: *фикирдик' кирхъус* «задуматься» (букв. «в мысль впасть»), *йикIик' кидхъус* «понравиться» (букв. «в сердце запасть»), *ихтилатак' кирхъус* «разговориться» (букв. «в разговор впасть»), *некъик' кирхъус* «заснуть» (букв. «в сон впасть»), *хатирек' кийкъас* «обидеть» (букв. «уважение затронуть») и т. д.:

Мюхр. д.: *Хынимар некъик кидхъур ай, Чирчухъва яваъшене хыл кейтир некъья кагъатыр, ахладишур мибыр кIучаа гъаъ: хъур хынимар, джубра Чирчухъв.* – Дети уже заснули, Чирчуф потихоньку растолкал их, выбрались они из сарая и побежали: впереди дети, следом – Чирчуф.

Контэлатив с семантикой «направление изнутри, из состава, из положения соприкосновения с чем-либо» образуется от контэссива/контлатива присоединением аффикса *-лаа*. Формантами контэлатива являются *-к'лаа* и *-вк'лаа*.

Своеобразие в оформлении контэлатива проявляет ихрекский диалект, имеющий аффиксы *-к'а/в-к'а*: *нецIур-ык'а* «из реки», что не является нормой для остальных ареальных единиц, содержащих в составе аффикса контэлатива согласный *-л-*.

Специфику в оформлении контэлатива обнаруживает и шиназский диалект, употребляющий аффикс *-кила*: *ва-кила* «из тебя, от тебя»; *ватанд-икилаа* «из родины, от родины» и т. д.

Ранее нами отмечалось, что контэлатив и субэлатив в мухадском диалекте формально совпали и на современном этапе развития языка функции субэлатива с семантикой «удаление из-под чего-либо» выполняет контэлатив; в других диалектах значение удаления из-под чего-либо передается формой постэлатива.

Контэлатив существительных с исходом на гласный, возвратного местоимения единственного числа, всех личных местоимений оформляется аффиксом *-к'лаа* (*-к'аа*, *-кила*): мух. д.: *риши* «сестра» – *риши-к'лаа*, *выдж* «сам» – *джу-к'лаа*, *вы* «ты» – *ва-к'лаа*, ихр. д.: *шугу* «брат» – *шугу-к'аа*, *гъу* «ты» – *гъвак'аа*, борч.-хнов. д.: *ви* «вы» – *ве-к'лаа* и т. д.

Аффиксами *-ак'лаа* (*-ак'аа*, *-акила*), *-ек'лаа* (*-ек'аа*, *-екила*), *-ук'лаа* (*-ук'аа*, *-укила*), *-ык'лаа* (*-ык'аа*, *-ыкила*) оформляется контэлатив от существительных единственного числа: *дагъар* «скала» – *дагъар-ак'лаа*, *варлы* «богач» – *варлы-ек'лаа*, *мири* «река» – *мири-ек'лаа*, *шум* «щебень» – *шум-ук'лаа*, *рыхъ* «зола» – *рыхъ-ык'лаа* и т. д.

Аффикс контэлатива *-ик'лаа* (*-ик'аа*, *-икила*) присоединяют некоторые существительные единственного числа, все существительные множественного числа, а также все субстантивы единственного числа и субстантивы I и II классов множественного числа: *рак* «дверь» – *риг-ик'лаа*; *дирид* «быстрый» – *диридный-ик'лаа* (I, II кл.), *диридд-ик'лаа* (III, IV кл.); *диридбыр* «быстрые» – *диридбиши-ик'лаа* (I, II кл.), *хьибыр* «три, трое» – *хьибний-ик'лаа* (I, II кл.); *ти* «тот» – *тиний-ик'лаа* (I, II кл.), *тинд-ик'лаа* (III, IV кл.), *лукуд* «лежащий» – *лукудд-ик'лаа* (IV кл.) и т. д.

Посредством аффикса *-ык'лаа* (*-ык'аа*, *-ыкила*) оформляется контэссив/контлатив некоторых существительных единственного числа и всех существительных множественного числа, а также субстантивов III и IV классов множественного числа: *мас* «стена» – *масал-ык'лаа*, *кьырыбыр* «кости» – *кьырбым-ык'лаа*, *келембыр* «капуста» – *келемерм-ык'лаа*, *сихьидбыр* «положенные» – *сихьидм-ык'лаа*, *сахьусдыбыр* «первые» – *сахьусдым-ык'лаа*, *мибыр* «эти» – *мимык'лаа* и т. д.

Таблица аффиксов контэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр.д.
-к'лаа/-вк'лаа	-к'аа/-вк'аа	-кила/ -вкила	-к'лаа/ -вк'лаа	-к'лаа/ -вк'лаа

Формы контэлатива в диалектах рутульского языка выполняют функции обстоятельства места, обстоятельства времени, косвенного объекта и субъекта действия.

В **местных значениях** контэлатив (как самостоятельно, так и с послелогом *саъ* «вниз») употребляется нечасто, несмотря на то, что его формы объединяют в себе значения и субэлатива:

Мух. д.: *Ми балугъмар диде гъийгъа **мирик'лаа** хакъыри.* – Эту рыбу отец сегодня в реке (из реки) поймал.

*Якыдид лаи **хукак'лаа** саъ хъияъ.* – Тушу мяса к дереву (букв. «от дерева вниз») подвесь.

Шин. д.: *ЛыІхды кІэшен вы **ватандикилаа** джура йишин.*

Хайлинды зулум вы ватансиз йишин. (К. А.)

Черный уголь – отдаление от родины,

Большие мучения без родины остаться.

Необходимо отметить, что формы контэлатива от имен существительных с семантикой времени в функции обстоятельства **времени** употребляются крайне редко и, как правило, в следующих выражениях: *йыгъырмык'лаа са йигъа* «из дней в один день», *сыдырмык'лаа са сыда* «из годов в один год», *гъуІмирдак'лаа сада* «один раз в жизни». Обычно подобные выражения употребляются в повествованиях и сказках.

Функцию **косвенного объекта** формы контэлатива выражают при глаголах чувственного восприятия, речи, отдаления, лишения, разделения, освобождения, защиты и некоторых других.

Контэлатив в функции объекта чувства конструируется со следующими глаголами чувственного восприятия: *гъацІас* «знать», *хайир гъагвас* «добро увидеть, испытать», *ун йикис* «услышать», *хабар викис* «(новость) узнать», *ил' йикис* «пахнуть».

Шуд къазынджмык'лаа вас хабар ама? – О заработках брата ты осведомлен?

Ми сабнык'лаа бычІимыд ил' а. – От этого мыла цветами пахнет.

При глаголах речи *гъалгас* «говорить», *хабар ваъас* «сообщать», *ихтилат гъаъас* «рассказывать», *худкас* «спрашивать», *няІгъни гъаъас* «петь», *къыле гъаъас* «читать» и т. д. контэлатив выражает лицо или предмет, о котором говорят:

*Сиене гаьнинмар **субсмешик'лаа** далгара.* – Все свекрови о невестках говорят.

Ва зас цинды хабармык'лаа мыс кихъиси? – Ты мне когда о новостях напишешь?

Подобно всем исходным падежам, контэлатив выражает также объект отделения, отдаления, лишения, разделения и употребляется с рядом глаголов, имеющих данные значения:

Нине ичирмык'лаа ирдыбыр кеетIир духарыс хъуь сихъири. – Мама от яблок красные отделив, сыну отложила.

Также контэлатив оформляет лицо или предмет, от которого избавляют, освобождают:

Миние джуды дух армидик'лаа азад гыъыри. – Он своего сына от армии (службы в армии) освободил.

Контэлатив оформляет также название предмета, из которого берется его часть. Причем частью могут являться группы людей, животных, предметов, из которых выделяется одно живое существо или предмет:

Мух. д.: *Мийманашик'лаа кьваIр нахаIн хъааIдхыIри.* – Из гостей двое вечером ушли.

Шин. д.: *Рышбишикилаа муIхъ ад,
ГикI гъад кIаъды риъи.* (Кабиллов А.)

Из девочек, в селе живущих,
Любимая младшая есть.

Мюхр. д.: *Гъамыъ Ширбанхъаес йигара ай хъур мид Чирчухъв сабхыр ми хънимешик'лаа сабайды илес.* – Теперь Ширбанхай захотела, чтобы Чирчухф заснул, потом одного из детей съесть.

В рутульском языке название материала, из которого изготовлен предмет, может оформляться контэлативом, часто конструируясь с причастиями *гыъыд* «сделанный» и *йишид* «получившийся»:

Мездикед масбыр гъигъды духлак'лаа гыъыр ад йиъи. – Стены мечети построены из прочного камня.

КIышды хуIрик'лаа гъаIдилды хъыв руъура. – Из темной муки мягкий хлеб получается.

В рутульском языке к формам контэлатива, характеризующим материал, могут присоединяться атрибутивизатор *-ды* (формант притяжательности) и, одновременно, конкретизирующий формант *-быйды*, в результате чего получаются сложные образования типа *хуIрик'лаады* «из муки который», *духлак'лаады* «который из камня», *усук'лаадыбыйды* «тот, который из дерева», *парчидик'лаадыбыйды* «тот, который из ткани», *рычIек'лаадыбыйды* «тот, который из глины» и т. д.

Контэлатив в диалектах рутульского языка может оформлять **субъект действия**, называя лицо или предмет, который превращается в кого-либо, во что-либо, и употребляясь с глаголом *йикис* «стать, превратиться» во всех временных формах. При этом названия лиц или предметов, в которые превращаются, оформлены номинативом.

Яя шураднийик'лаа вырды руьуд дии, яя вырдынийик'лаа шурад. (Посл.). – Ни родственник в чужого не превращается, ни чужой в родственника.

Тербие адишды инсанак'лаа паачаа руьуд дии. (Посл.). – Воспитания не имеющий человек падишахом не станет.

Падежи VI серии

Как мы отмечали ранее, VI серия в рутульском языке является ущербной и представлена по диалектам либо одним эсивом/лативом (в мухадском и мюхрекском), либо только элативом (в борчинско-хновском). Таким образом, серия с семантикой Sub «под ориентиром» в рутульском языке имеет ряд особенностей: она представлена семантически, но падежи этой серии или не получили формального выражения, или получили его частично.

Субэссив/сублатив, имеющий значение «нахождение под чем-либо» и «движение под что-либо», в литературе характеризуется как местный предельный (у А. М. Дирра – на *-хьдаь*, *-хь'даь* «под», у Е. Ф. Джейранишвили – на *-ыгь-даь*, *игь-даь* «под»).

Аффиксами субэссива/сублатива в мухадском диалекте являются *-хьде*, *-вхьде*.

В мухадском и мюхрекском диалектах субэссив/сублатив от существительных с вокальным исходом и личных местоимений образуется посредством аффикса *-хьде*: *риши-хьде* «под сестрой, под сестру», *за-хьде* «подо мной, под меня», *ве-хьде* «под вами, под вас» и т. д.

Аффиксы *-ахьде*, *-ехьде*, *-ухьде*, *-ыIхьде* характерны только для существительных единственного числа: *дагьр-ахьде* «под скалой, под скалу», *варлы-ехьде* «под богачом, под богача», *шум-ухьде* «под щебнем, под щебень», *рыхь-ыIхьде* «под золой, под золу» и т. д.

Аффикс *-ихьде* характерен для склоняемых частей речи I и II классов единственного и множественного числа: *хьибний-ихьде* «под тремя, под трех», *диридбиш-ихьде* «под быстрыми, под быстрых», *сахьусдыбиш-ихьде* «под первыми, под первых», *тиний-ихьде* «под

тем, под того», *мибиш-ихьде* «под этими, под этих», *лукудний-ихьде* «под упавшим, под упавшего» и т. д.

Аффикс *-ыхьде* оформляет субэссив/сублатив некоторых существительных единственного числа и всех субстантивов III и IV классов единственного и множественного числа: *кьырб-ыхьде* «под костью, под кость», *келемерм-ыхьде* «под капустой, под капусту», *сихьидд-ыхьде* «под положенным, под положенный», *сахьусдым-ыхьде* «под первыми, под первых», *мим-ыхьде* «под этими, под этих» и т. д.

В ихрекском, борчинско-хновском и шиназском диалектах на современном этапе развития субэссив/сублатив формально совпал с постлативом/постэссивом и имеет единый аффикс *-хда/-vxда*:

Борч.-хнов. д.: *чина-хда* (I, II кл.) «под тем, под того; у того, к тому»,

Ихр. д.: *викьидни-хда* (III кл.) «под умершим/-ей, под умершего (-ую); у умершего/-ей, к умершему/-ей».

Таким образом, при оформлении субэссива/сублатива мухадский и мюхрекский диалекты противопоставляются другим диалектам аффиксами: форманту *-хьде/-vxьде* противопоставлен единый для других диалектов аффикс *-хда/-vxда*, формально совпадающий с аффиксом постэссива/постлатива.

Субэссив/сублатив в мухадском диалекте выступает в функциях обстоятельства места и косвенного объекта.

Формы субэссива/сублатива в их пространственных значениях **обозначают местонахождение** при глаголах покоя и при глаголах движения по направлению под предмет. С субэссивом/сублативом употребляются глаголы *лукас* «лежать», *яхас* «бежать», *йирхьас* «идти, шагать», *сукьус* «сидеть», *лузас* «стоять» и др., а также недостаточные глаголы *ги* «есть, находится под чем-либо», *а* «есть»:

Мух. д.: *Хумухдид ыхьаId даватбыр,*

Выш лаатIур, йыхI накьрабыр,

ГаIнинды гуьлгуьхьде ги

Сусда ес хад савкьатбыр. (И. Ш.)

Осенние поздние свадьбы,

Всю ночь играй, барабан,

У свекрови под замком находятся

Гостинцы для нас от невесты.

В примерах на других диалектах в роли обстоятельства места будет выступать совмещенная форма постэссива/постлатива и субэссива/сублатива:

Шин. д.: *Баныхда клады мулкъ ги*. – У подножия гор (букв. «под горами») маленькое село находится.

Формы субэссива/сублатива, употребляясь с глаголом *гихьис* «подложить» во всех временных формах и в недостаточной форме *ги*, оформляют **косвенный объект**:

Китабахъде гылабыр гидиш, йидж вахъда йикъасдиш. – У книги ног нет, сама к тебе не придет.

Анализ речи носителей шиназского диалекта позволил сделать вывод, что на современном этапе развития этой ареальной единицы формы субэссива/сублатива (совпадающие с формами постэссива/постлатива) употребляются редко, функцию этого падежа зачастую выполняют формы генитива с наречиями или послелогоми: *хукад къанихда* «под деревом», *мукъуId аа* «под селом».

Таблица аффиксов субэссива/сублатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-хъде/ -vхъде				-хъде/ -vхъде

Функцию субэлатива в мухадском диалекте выполняет контэлатив, в других диалектах – постэлатив. В борчинско-хновском диалекте маркером **субэлатива** является *-хдаа/-vхдаа*. Но в данном случае речь не идет о совпадении форм постэлатива и субэлатива, так как в этом диалекте для оформления постэлатива употребляется специальный аффикс с затемненной этимологией *-дыгыр*, вследствие чего элативы серии Post и падежи серии Sub дифференцированы.

Таблица аффиксов субэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
			-хдаа/-vхдаа	

§ 4. Роль долгих гласных в оформлении падежных аффиксов рутульского языка

В системе вокализма рутульского языка представлены обычные и долгие звуки. В алфавит рутульского языка долгие гласные не включены, они передаются двойными графемами на письме, в транскрипции их оформляют диакритическим знаком.

Долгота-краткость гласных для исследуемого языка – признак смыслоразличительный: *дама* «в лесу, в лес» – *дамаа* «из леса».

Как правило, долгими бывают гласные *aa*, *uu*, *yy*. Но наблюдаются случаи использования долгих фарингализованных гласных: *рыкъааI* «с дороги», *мукъууI* «на селе, на село», *гъыыI* «на мосту» и т. д.

Исследуя случаи использования в рутульском языке долгих гласных, мы пришли к заключению, что чаще всего они связаны с тремя грамматическими фактами:

- различением падежных форм в сериях местных падежей;
- оформлением наречий с пространственной семантикой локализации где-либо или удаления откуда-либо: *aa* «внизу» – *аала* «снизу», *uu* «наверху» – *уула* «сверху», *мидаа* «отсюда», *тинаа* «оттуда» и т. д.;

- оформлением глагольных превербов с пространственной семантикой удаления откуда-либо, ср.: *гихири* «положить (под что-либо)» – *геетIури* «извлечь (из-под чего-либо)», *лихъири* «положить (на что-либо)» – *леетIури* «снять, убрать (с чего-либо)» и т. д.

Таким образом, можно сделать вывод об активном участии долгих гласных в передаче пространственной семантики.

В системе падежей рутульского языка 6 серий падежей, в составе которых по 2 падежа – совпадающий формально эссив/латив и аблатив. Оппозицию по долготе/краткости мы обнаруживаем во всех шести сериях местных падежей, причем эта оппозиция отражена и в падежных вопросах (мы приводим падежные вопросы на мухадском диалекте):

Падежи I серии – инэссив/инлатив, инэлатив отвечают на вопросы:

гъили? (в чем? во что?) – *гъил'aa?* (из чего?)

Падежи II серии – суперэссив/суперлатив и суперэлатив отвечают на вопросы:

гъалыы? (на ком? на кого?)

гъалыыла? (с кого?)

гъидыы? (на чем? на что?)

гъидыыла? (с чего?)

Падежи III серии – адэссив/адлатив, адэлатив отвечают на вопросы:

гьалда? (у кого? к кому?) *гьалдаа?* (от кого?)
гьидиде? (около чего? к чему?) *гьидидаа?* (от чего?)

Падежи IV серии – постэссив/постлатив, постэлатив отвечают на вопросы:

гьалыхда? (за кем? за кого?) *гьалыхълаа?* (из-за кого?)
гьидыхда? (за чем? за что?) *гьидыхълаа?* (из-за чего?)

Падежи V серии – контэссив/контлатив, контэлатив отвечают на вопросы:

гьалык'? (в соприкосновении с кем?) *гьалык'лаа?* (от положения соприкосновения с кем?)
гьидик'? (в соприкосновении с чем?) *гьидик'лаа?* (от положения соприкосновения с чем?)

Падежи VI серии – субэссив/сублатив и субэлатив отвечают на вопросы:

гьалыхъде? (под кем? под кого?) *гьалыхдаа?* (из-под кого?)
гьидихъде? (под чем? под что?) *гьидыхдаа?* (из-под чего?)

Субэлатив в рутульском языке, как мы указывали выше, формально совпал с постэлативом и контэлативом (в мухадском диалекте). Соответственно в этих объединенных формах контэлатива/субэлатива и постэлатива/субэлатива также выявляются долгие гласные: мух. д.: *дагърахъде* «под скалой» – *дагърак'лаа* «из-под скалы».

Падежные вопросы мухадского диалекта имеют фонетические варианты в других ареальных единицах при сохранении общих принципов оформления (за редким исключением): финальному гласному локативно-направительного падежа соответствует долгий финальный гласный исходного падежа. Эта последовательность не сохранена во II серии, где суперэссив/суперлатив уже содержит в составе долгий гласный, повторяющийся затем и в исходном падеже.

Формы контэссива/контлатива содержат в финальной позиции не гласный, а палатализованный согласный звук, но в форме исходного падежа выявляется долгий гласный: *масалык* «в соприкосновении со стеной, по направлению в состояние соприкосновения со стеной» – *масалыклаа* «от положения соприкосновения со стеной».

Мы полагаем, что для лативов в рутульском языке реконструируемой формой является форма на -ь. Подобное мнение высказывали лингвисты-кавказоведы: «Формант -а/-аь I серии соответствует се-

рийному показателю -ь» [Бокарев 1960]. Факты рутульского языка подтверждают эту точку зрения.

Об этом свидетельствует и структура наречий, выражающих семантику, аналогичную значениям местных падежей (а именно – лативов), что позволяет говорить о наличии в финале аффиксов лативов компонента -ь: *аь* «внутри», *лаь* «наверх», *саь* «вниз», *лаь* «наверх», *хьуь* «назад», *хьуь* «вперед» и т. д. Подробнее этот вопрос мы осветим в третьей главе.

Долгие гласные в рутульском языке являются звуками вторичного образования. Факты языка позволяют резюмировать, что они возникли в результате определенных фонетических изменений:

1) как возмездительная долгота в результате утери смежного согласного: *даялви* (*даIгьви*) «война», *аагьу* (*авгьу*) «яд»;

2) как результат выпадения интервокального согласного и слияния двух гласных: *шеер* (*шегьер*) «город».

В свете вышеизложенного возникает предположение, что и в случае с падежными аффиксами имеет место случай возмездительной долготы в результате утери смежного согласного, в роли которого реконструируется звук -ь.

§ 5. Аффиксы падежей рутульского языка во множественном числе

Количество аффиксов, присоединяемых к склоняемым именам множественного числа, невелико: как правило, для имен и субстантивов во множественном числе характерны по два показателя для каждого падежа. Эти показатели дифференцированы по классам.

Исключением из общего правила являются местные падежи первых двух серий: формы инэссива/инлатива и инэлатива образуются только от неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов и поэтому имеют по одному аффиксу; суперэссив/суперлатив и суперэлатив имеют по одному аффиксу независимо от семантики склоняемого слова.

Во множественном числе форманты эргатива дифференцированы по классам: существительные I, II и III классов и субстантивы I и II классов присоединяют аффикс *-е*: *рышбе* «девочки» – *рышбиш-е*, *дидабар* «отцы» – *дидабаш-е*, *кьышдыбыр* «темные, смуглые» – *кьышдыбиш-е*, *тимбыр* «те» – *тимби-ш-е*, *дахыдбыр* «убежавшие» – *дахыдбиш-е* и т. д.; существительные IV класса и субстантивы III и IV классов присоединяют аффикс *-ыра*: *масбыр* «стены» – *масалм-ыра*, *кьышдыбыр* «темные, смуглые» – *кьышдым-ыра*, *тимбыр* «те» – *тим-*

ыра, хьудхьусдыбыр «пятые» – *хьудхьусдым-ыра, дахыдбыр* «убежавшие» – *дахыдм-ыра* и т. д.

В мухадском диалекте формы номинатива и эргатива личных местоимений во множественном числе идентичны:

Ном.	<i>йэ</i> «мы»	<i>ве</i> «вы»
Эрг.	<i>йэ</i>	<i>ве.</i>

Этим признаком мухадский диалект противопоставляется другим ареальным единицам, для которых совпадение форм номинатива и эргатива не является нормой:

Мюхрекский диалект				
Ном.	зы «я»	вы «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	за-д	ва-д	жаь-д	жваь-д
Шиназский диалект				
Ном.	зы «я»	гьу «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	зы-й	гьу-й	жи-йэ	жу-йэ
Ихрекский диалект				
Ном.	зы «я»	гьу «ты»	йи/жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	зы-й	гьу-й	йе-тти/же-тти	жу-йэ

Подробнее об этом – во второй главе, в параграфе, посвященном склонению местоимений.

Форманты генитива во множественном числе распределяются следующим образом: к одушевленным существительным и субстантивам I и II классов после показателя множественности и вставки *-ш* присоединяется аффикс *-ды*: *инсанаш-ды* «людей», *йыхдыбиш-ды* «хороших», *мибиш-ды* «этих», *хьудхьусдыбиш-ды* «пятых», *дахадбиш-ды* «бегущих» и т.д.; к неодушевленным существительным и субстантивам III и IV классов присоединяется после вставки *-м* аффикс *-ыд*: *масалм-ыд* «стен», *писдым-ыд* «плохих», *тимм-ыд* «тех», *хьыбыдхьусдым-ыд* «третьих», *яхыдм-ыд* «бегущих» и т. д.

Дательный падеж существительных и субстантивов множественного числа образуется присоединением аффиксов *-ис* и *-ыс*:

- формант *-ис* присоединяют одушевленные существительные и субстантивы I и III классов: *дидабаш-ис* «отцам», *писдыбиш-ис* «плохим», *тимбиш-ис* «тем», *мибиш-ис* «этим», *хьудхьусдыбиш-ис* «пятым», *дирхьадбиш-ис* «идушим» и т. д.;

- формант *-ыс* присоединяют неодушевленные существительные и субстантивы III и IV классов: *масалм-ыс* «стенам», *писдым-ыс* «плохим», *гьам-ыс* «им», *рыхьыдхьусдым-ыс* «шестым», *сахыдм-ыс* «спящим» и т. д.

Исключение из общего правила составляют личные местоимения множественного числа, образующие форму дательного падежа посредством аффикса -с:

Мухадский диалект		
Ном.	йэ «мы»	ве «вы»
Дат.	йэ-с	ве-с
Мюхрекский диалект		
Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Дат.	жаь-с	жваь-с
Шиназский диалект		
Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Дат.	же-с	жве-с
Ихрекский диалект		
Ном.	йи/жи «мы»	жу «вы»
Дат.	йе-с/же-с	жве-с

Формы комитатива от одушевленных существительных и субстантивов множественного числа I и II классов образуются присоединением аффикса -ихъван: *нинабаш-ихъван* «с матерями», *писдыбиши-ихъван* «с плохими», *хьудхьусдыбиши-ихъван* «с пятыми», *тимбиши-ихъван* «с теми» и т. д.

Формы комитатива от неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов во множественном числе образуются при помощи аффикса -ыхъван: *масалм-ыхъван* «стенами», *йилагадм-ыхъван* «железными», *хьудхьусдым-ыхъван* «пятыми», *миседм-ыхъван* «такими», *яхьдм-ыхъван* «бегущими» и т. д.

Комитатив личных местоимений оформляется аффиксом -хъван/-фан:

Мухадский диалект		
Ном. –	йэ «мы»	ве «вы»
Комит. –	йэ-хъван	ве-хъван
Мюхрекский диалект		
Ном. –	жи «мы»	жу «вы»
Комит. –	жаь-хъван	жваь- хъван
Шиназский диалект		
Ном. –	жи «мы»	жу «вы»
Комит. –	же-хъван	жве-хъван
Ихрекский диалект		
Ном. –	йи/жи «мы»	жу «вы»
Комит. –	йе-фан /же-фан	жве-фан

Форманты компаратива во множественном числе распределяются следующим образом:

- аффикс *-ихъаъ* присоединяется к одушевленным существительным и субстантивам I и II классов: *духреиш-ихъаъ* «чем сыновья, вместо сыновей», *писдыбиш-ихъаъ* «чем плохие, вместо плохих», *хьудхьусдыбиш-ихъаъ* «чем пятые, вместо пятых», *тимбиш-ихъаъ* «чем те, вместо тех» и т. д.;

- аффикс *-ыхъаъ* присоединяется к неодушевленным существительным и субстантивам III и IV классов: *масалм-ыхъаъ* «чем стены, вместо стен», *сехьыдм-ыхъаъ* «чем мокрые, вместо мокрых», *миседм-ыхъаъ* «чем такие, вместо таких», *сукьудм-ыхъаъ* «чем сидящие, вместо сидящих» и т. д.;

- аффикс *-хъаъ* (в ихрекском и борчинско-хновском диалектах – аффикс *-хъа*) присоединяют личные местоимения:

Мухадский диалект		
Ном.	йэ «мы»	ве «вы»
Комит.	йэ-хъаъ	ве-хъаъ
Ихрекский диалект		
Ном.	йи/жи «мы»	жу «вы»
Комит.	йе-хъа/же-хъаъ	жве-хъа

Формантом инэссива/инлатива из первой серии местных падежей, характерной только для неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов, является *-а*: *масалм-а* «в стенах, в стены», *кьурудм-а* «в сухих, в сухие», *хьудхьусдым-а* «в пятых, в пятые», *тимм-а* «в тех, в те», *лукудм-а* «в упавших, в упавшие» и т. д.

Аффиксом *-аа* оформляется инэлатив во множественном числе: *масалм-аа* «из стен», *кьурудм-аа* «из сухих», *хьудхьусдым-аа* «из пятых», *миседм-аа* «из этих, из таких», *лукудм-аа* «из упавших» и т. д.

Суперэссив/суперлатив во множественном числе оформляется единым для существительных и субстантивов всех классов аффиксом *-ыы*: *инсанаш-ыы* «на людях, на людей», *масалм-ыы* «на стенах, на стены», *кьухьдыбиш-ыы* (I, II кл.) «на больших, на большие», *кьухьдым-ыы* (III, IV кл.) «на хороших, на хорошие», *хьыбыдхьусдыбиш-ыы* (I, II кл.) «на третьих, на третьи», *тимбиш-ыы* (I, II кл.) «на тех, на те», *тим-ыы* (III, IV кл.) «на тех, на те», *сыдхьыдбиш-ыы* (I, II кл.) «на промокших» и т. д.

Суперэлатив оформляется также единым для существительных и субстантивов всех классов аффиксом *-ыыла*: *инсанаш-ыыла* «с людей», *масалм-ыыла* «со стен», *кьухьдыбиш-ыыла* (I, II кл.) «с боль-

ших», *кьухьдым-ыыла* (III, IV кл.) «с больших», *хьибьдхьусдыбиш-ыыла* (I, II кл.) «с третьих», *тимбиш-ыыла* (I, II кл.) «с тех», *тимм-ыыла* (III, IV кл.) «с тех», *сыдхьыдбиш-ыыла* (I, II кл.) «с промокших» и т. д.

Формантами адэссива/адлатива во множественном числе являются *-де*, *-ыда*:

- аффикс *-де* присоединяют одушевленные существительные, субстантивы I и II классов и личные местоимения: *рышбиш-де* «у сестер, сестрам», *бытIрадбиш-де* «у красивых, красивым», *хьудхьусдыбиш-де* «у пятых, пятым», *тимбиш-де* «у тех, тем», *дахьыдбиш-де* «у бегущих, бегущим», *йэ-де* «у нас, нам» и т. д.;

- аффикс *-ыда* присоединяется к неодушевленным существительным и субстантивам III и IV классов: *масалм-ыда* «у стен, к стенам», *ирдым-ыда* «у красных, к красным», *хьудхьусдым-ыда* «у пятых, к пятым», *тимм-ыда* «у тех, к тем», *лукудм-ыда* «у упавших, к упавшим» и т. д.

Адэлатив оформляется во множественном числе аффиксами *-даа*, *-ыдаа*:

- формант *-даа* характерен для одушевленных существительных, субстантивов I и II классов и личных местоимений: *духреш-даа* «у сыновей», *гадхьаIдбиш-даа* «у смотрящих», *хьудхьусдыбиш-даа* «у пятых», *тимбиш-даа* «у тех», *бышдыбиш-даа* «у глухих», *ве-даа* «у вас» и т. д.;

- формант *-ыдаа* присоединяется к основам неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов: *халм-ыдаа* «от домов», *писдым-ыдаа* «от глухих», *гадхьаIдм-ыдаа* «от смотрящих», *хьудхьусдым-ыдаа* «от пятых», *тимм-ыдаа* «от тех», *гьамм-ыдаа* «от них» и т. д.

Аффиксы постэссива/постлатива во множественном числе – *-хда*, *-ихда*, *-ыхда*:

- аффикс *-ихда* присоединяют одушевленные существительные и субстантивы I и II классов: *рышбиш-ихда* «у сестер, к сестрам», *бытIрадбиш-ихда* «у красивых, к красивым», *хьудхьусдыбиш-хда* «у пятых, к пятым», *тимбиш-ихда* «у тех, к тем», *дахьыдбиш-ихда* «у бегущих, к бегущим» и т. д.;

- аффикс *-ыхда* присоединяют неодушевленные существительные и субстантивы III и IV классов: *масалм-ыхда* «за стенами, за стены», *ирдым-ыхда* «за красными, за красные», *хьудхьусдым-ыхда* «за пятыми, за пятые», *тимм-ыхда* «за теми, за те», *лукудм-ыхда* «за упавшими, за упавшие» и т. д.

- аффикс *-хда* присоединяют личные местоимения:

Мухадский диалект		
Ном.	йэ «мы»	ве «вы»
Постэс./постл.	йа-хда	ваь-хда
Мюхрекский диалект		
Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Постэс./постл.	жаь-хда	жваь-хда
Шиназский диалект		
Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Постэс./постл.	же-хда	жве-хда
Ихрекский диалект		
Ном.	йи/жи «мы»	жу «вы»
Постэс./постл.	йе-хда /же-хда	жве-хда

Аффиксами *-ихълаа*, *-ыхълаа* и *-хълаа* оформляется постэлатив во множественном числе:

- аффиксы *-ихълаа* (в мухадском и шиназском диалектах), *-ихдаа* (в ихрекском и мюхрекском диалектах), *-идыгыр* (в борчинско-хновском диалекте) присоединяют одушевленные существительные и субстантивы I и II классов: мух. д.: *рышбиш-ихълаа* «о сестрах», *хьудхъусдыбиш-ихълаа* «о пятых», *тимбиш-ихълаа* «о тех»; шин. д.: *батІрадбиш-ихълаа* «о красивых»; мюхр.д.: *дахыдбиш-ихдаа* «о бегущих» и т. д.;

- аффиксы *-ыхълаа* (в мухадском и шиназском диалектах), *-ыхдаа* (в ихрекском и мюхрекском диалектах), *-ыдыгыр* (в борчинско-хновском диалекте) характерны для неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов: *хукум-ыхълаа* «из-за деревьев», *хьудхъусдым-ыхълаа* «из-за пятых», *тимм-ыхълаа* «из-за тех»; шин. д.: *батІрадм-ыхълаа* «из-за красивых»; мюхр. д.: *дахыдм-ыхдаа* «из-за бегущих»; борч.-хнов. д.: *сывбым-дыгыр* «из-за гор» и т. д.;

- аффиксы *-хълаа* (в мухадском и шиназском диалектах), *-хдаа* (в ихрекском и мюхрекском диалектах), *-дыгыр* (в борчинско-хновском диалекте) присоединяются к личным местоимениям:

Мухадский диалект		
Ном.	йэ «мы»	ве «вы»
Постэл.	йэ-хълаа	ве-хълаа
Мюхрекский диалект		
Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Постэл.	жаь-хдаа	жваь-хдаа

Шиназский диалект

Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Постэл.	же-хълаа	жве-хълаа

Ихрекский диалект

Ном.	йи/жи «мы»	жу «вы»
Постэл.	йе-хда /же-хдаа	жве-хдаа

Хновский говор

Ном.	йуІхъуІмбы «мы»	вуІхънар «вы»
Постэл.	йаснев-дыгыр	выІхъ-дыгыр

Контэссив/контлатив во множественном числе образуется во всех диалектах посредством аффиксов *-к'*, *-ик'*, *-ык'*:

- аффиксом *-ик'* оформляется контэссив/контлатив одушевленных существительных и субстантивов I и II классов: *зебыр* «коровы» – *зебиш-ик'*, *диридбыр* «быстрые» – *диридриш-ик'*, *хьудхьусдыбыр* «пятые» – *хьудхьусдыбиш-ик'*, *тимбыр* «те» – *тимбиш-ик'* и т. д.;

- аффиксом *-ык'* оформляется контэссив/контлатив неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов: *хылабыр* «руки» – *хылабырм-ык'*, *чІурдыбыр* «рыжие» – *чІурдым-ык'*, *хьудхьусдыбыр* «пятые» – *хьудхьусдым-ык'*, *мибыр* «эти» – *мимм-ык'*, *агыдбыр* «найденные» – *агыдм-ык'* и т. д.;

- посредством аффикса *-к'* оформляется контэссив/контлатив личных местоимений:

Мухадский диалект

Ном.	е «мы»	ве «вы»
Контэс./контл.	е-к'	ве-к'

Мюхрекский диалект

Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Контэс./контл.	жаь-к'	жваь-к'

Шиназский диалект

Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Контэс./контл.	же-к'	жве-к'

Ихрекский диалект

Ном.	йи/жи «мы»	жу «вы»
Контэс./контл.	йе-к'/же-к'	жве-к'

Аффиксами *-ик'лаа*, *-ык'лаа* и *-к'лаа* (в мухадском, мюхрекском борчинско-хновском диалектах), *-ик'аа*, *-ык'аа* и *-к'аа* (в ихрекском диалекте), *-икила*, *-ыкила* и *-кила* (в шиназском диалекте) оформляется контэлатив во множественном числе:

- аффиксы контэлатива *-ик'лаа*, *-ик'аа* и *-икила* во множественном числе присоединяются к одушевленным существительным и суб-

стантивам I и II классов: ихр. д.: *шугуйш-ик'аа* «о братьях», мух. д.: *кьухдыбиш-ик'лаа* «о старших, о взрослых», *хьудхьусдыбиш-ик'лаа* «о первых», *тимбиш-ик'лаа* «о тех» и т. д.;

- неодушевленные существительные и субстантивы III и IV классов присоединяют аффиксы *-ык'лаа*, *-ык'аа* и *-ыкила* : шин. д.: *ватанмыкила* «из родины (родных краев), от родины», ихр. д.: *нецIурм-ык'аа* «из рек», мух. д.: *темиздым-ык'лаа* «из-под чистых», *хьудхьусдым-ык'лаа* «из пятых, из-под пятых», *тимм-ык'лаа* «из тех, из-под тех» и т. д.;

- аффиксы *-к'лаа*, *-к'аа* и *-кила* присоединяются к основам личных местоимений:

Мухадский диалект

Ном.	е «мы»	ве «вы»
Контэл.	е-к'лаа	ве-к'лаа

Мюхрекский диалект

Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Контэл.	жаь-к'лаа	жваь-к'лаа

Шиназский диалект

Ном.	жи «мы»	жу «вы»
Контэл.	же-кила	жве-кила

Ихрекский диалект

Ном.	йи/жи «мы»	жу «вы»
Контэл.	е-к'аа/же-к'аа	жве-к'аа

Субэссив/сублатив, выделяющийся как отдельный падеж только в мухадском и мюхрекском диалектах, во множественном числе имеет аффиксы *-хьде*, *-ихьде*, *-ыхьде*:

- аффикс *-ихьде* присоединяют одушевленные существительные и субстантивы I и II классов: *зебиши-ихьде* «под коровами, под коров», *кIышдыбиш-ихьде* «под темными (смуглыми), под темных (смуглых)», *хьудхьусдыбиш-ихьде* «под пятыми, под пятых», *мибиш-ихьде* «под этими, под этих», *гьабиш-ихьде* «под ними, под них», *дахьдыбиш-ихьде* «под бегущими, под бегущих» и т. д.;

- аффикс *-ыхьде* присоединяют неодушевленные существительные и субстантивы III и IV классов: *дагьрым-ыхьде* «под скалами, под скалы», *усм-ыхьде* «под дровами, под дрова», *джагвардым-ыхьде* «под белыми, под белые», *хьудхьусдым-ыхьде* «под пятыми, под пяты», *гьам-ыхьде* «под ними, под них», *тимм-ыхьде* «под теми, под те», *лихьидм-ыхьде* «под положенными, под положенные» и т. д.;

- аффикс *-хьде* присоединяют личные местоимения: *йэ-хьде* «под нами, под нас», *ве-хьде* «под вами, под вас».

При анализе склоняемых форм множественного числа следует обратить внимание на ряд существительных, обозначающих парные предметы и образующихся путем прибавления сложного аффикса *-аб-ра/-аб-ыр*: *дид-аб-ар* «отцы», *нин-аб-ар* «матери», *убр-аб-ыр* «уши», *хыл-аб-ыр* «руки», *гьил-аб-ыр* «ноги», *тIул-аб-ыр* «пальцы», *ул-аб-ыр* «глаза», *кыл-аб-ыр* «передние конечности животных».

Г. Х. Ибрагимов связывал наличие этого сложного форманта в структуре парных существительных с имевшим место в языке этимологически ограниченным множественным числом [1974: 85]. По словам исследователя, «структурный анализ указанных лексем позволяет полагать, что *-аб-* в форме мн. числа этих лексем является не фонетическим наращением, а самостоятельным формантом, когда-то имевшим определенную морфологическую функцию... В плане статистики *-ал-* в структуре форманта множественности (*-аб-ыр < аб-быр*) является избыточным... Удовлетворительное объяснение природы *-аб* в структуре форманта множественности *-аб-ыр* содержится в семантике лексем. Все эти имена (*ул* «глаз», *хыл* «рука», *гьил* «нога», *убур* «ухо», *тIулI* «сосок/грудь») являются названиями парных частей тела, что позволяет этимологически квалифицировать этот *-аб-* как формант двойственного (или ограниченного мн.) числа» [2004: 52–53].

Примечательно, что в мухадском диалекте сохранились застывшие формы ограниченного множественного числа в устойчивых сочетаниях, в благопожеланиях и проклятиях: *хылаб лешун* «сделать омоложение», *гьилаб-хылаб ари хихъихъин* «собираться» (букв. «ноги-руки внутрь вложить»), *убраб хуIляхды йимаьл* «упрямый» (букв. «осел с длинными ушами»), *гьилаб-хылаб сагъ йишихъ* благопожелание (букв. «ноги-руки здоровы будут пусть»), *улабаа быркьаI йишихъ!* проклятие (букв.: «из глаз ослепнет пусть») и т. д.

В шиназском диалекте также имеет место параллельное употребление форм множественного и ограниченного множественного числа:

*Гьиширы зы бырджбыр ахтармиш гьаъара,
Чыкара улабаа саъ нагъв савъад, зар. (Ш. Э.)*

Осталось мне долги считать,

Поневоле из глаз слезы проливая, деньги.

С. М. Махмудова считает формы *хылаб* «руки», *гьилаб* «ноги», *убраб* «уши», *нинаб* «матери», *дидаб* «отцы», *тIулаб* «пальцы», *улаб* «глаза» архаичными формами множественного числа, которые затем присоединили агглютинирующие суффиксы [2001: 26].

Наличие подобных форм зафиксировано и в других диалектах рутульского языка. Так, К. Э. Джамалов и С. А. Семедов отмечают, что в ихрекском диалекте «названия некоторых парных предметов образуют множественное число посредством сложного форманта *-аб-ыр*, например: (глаз) *ул – ул-аб-ыр*, (рука) *хыл – хыл-аб-ыр*, (нога) *гьыл – гьыл-аб-ыр*, (ухо) *убур – убр-аб-ыр*» [2006: 428].

Специфичен этот сложный аффикс множественности в хновском говоре – в нем отсутствует финальный *-р*: *хыл-аб-ы* «руки», *гьыл-аб-ы* «ноги», *тЫл-аб-ы* «пальцы», *ул-аб-ы* «глаза», *кыл-аб-ы* «передние конечности животных».

Различия наблюдаются и при склонении описанных выше существительных:

Мухадский диалект

Ном.	нин-аб-ар «матери»	ул-аб-ыр «глаза»
Эрг.	нин-аб-а-ш-е	ул-аб-ыр-м-ыра
Ген.	нин-аб-а-ш-ды	ул-аб-ыр-м-ыд
Дат.	нин-аб-а-ш-ис	ул-аб-ыр-м-ыс и т. д.

Парадигма склонения этих слов в хновском говоре демонстрирует структуру падежных форм, в которой в косвенных падежах отсутствует наращение *-аб*, что вместе с отсутствием финального *-р* в номинативе и во всех остальных падежах существенно упрощает склонение существительных ограниченного (двойственного) числа.

Хновский говор

Ном.	хыл-аб-ы «руки»	ул-аб-ы «глаза»
Эрг.	хыл-а-м-ыра	ул-а-м-ыра
Ген.	хыл-а-м-ыд	ул-а-м-ыд
Дат.	хыл-а-м-ыс	ул-а-м-ыс и т. д.

Улаб быркъ гаъакъыр тЫлаб фадиклии

Бахт угълуукур, кликлецI лошур дугъургъа. (К. С.)

Глаза ослепив, пальцы прищемив,

Счастье отвергнув, трость взяв, ходят.

Мы полагаем, что склонение этих слов в хновском говоре отражает перспективы, ожидающие склонение слов в ограниченном множественном числе и в других ареальных единицах. Доказательством этому может послужить появление параллельных форм склонения (осложненной и упрощенной) существительного *убрабыр* «уши» в мухадском диалекте:

Мухадский диалект

Ном.	убр-аб-ыр «уши»	
Эрг.	убр-аб-ыр-м-ыра	убр-ы-м-ыра
Ген.	убр-аб-ыр-м-ыд	убр-ы-м-ыд
Дат.	убр-аб-ыр-м-ыс	убр-ы-м-ыс и т. д.

С. М. Махмудова считает, что в подобных словах «приспособление аффикса *-р-* для передачи семантики множественности стало заключительной попыткой отразить семантику множественности» [2001: 26]. Возможно, исторически рутульский язык развивался по пути осложнения структур имен, но на современном этапе говорящие стремятся к упрощению словоформ.

§ 6. Атрибутивизация падежных форм рутульского языка

Характерной особенностью падежных форм существительных и других именных частей речи рутульского языка является их способность атрибутивизироваться, присоединяя показатель *-ды* в единственном и множественном числах. Подобный аффикс в цахурском языке «*-na/ -n/ -ni*» А. Е. Кибрик называет «атрибутивизатором», посредством которого образуются атрибутивы [Кибрик, 1999: 193].

Формант *-ды/-д* в исследуемом языке, присоединяясь к различным частям речи, придает им семантику принадлежности/притяжательности.

С. М. Махмудова отмечает относительно рассматриваемого аффикса: «Рутуловеды традиционно выделяют в рутульском языке родительный падеж. Однако некоторые формальные и семантические особенности той категории, которую описывают как родительный падеж, заставляют сомневаться в наличии сформировавшегося родительного падежа в рутульском языке. Это, во-первых, то, что аффиксы *-д* и *-ды*, отмечаемые традиционно за генитивом, выражают лишь семантику притяжательности ... во-вторых, аффиксы *-д* и *-ды* могут присоединяться к различным частям речи...» [2001: 83].

Не отрицая факта наличия в рутульском языке родительного падежа, мы согласны с исследователем по вопросу о наличии в рутульском языке категории притяжательности, способной оформлять в предложении определение.

Атрибутивизаторы *-ды/-д* в рутульском языке могут присоединяться к основе косвенных падежей имени существительного:

нин «мать» – *нинис* «матери» (дат. падеж) – *нинисды* «предназначенное матери»,

ниныхъван «с матерью» (комитатив) – *ниныхъванды* «которое с матерью»,

ниныхъаъ «чем отец, вместо матери» (компаратив) – *ниныхъаъды* «которое вместо матери»,

ниныыла «с матери» (суперэлатив) – *ниныылады* «которое с матери»,

ниндаа «у матери, от матери» (адэлатив) – *ниндаады* «которое от матери»,

ниныхълаа «из-за матери, от матери» (постэлатив) – *ниныхълаады* «которое из-за матери, которое от матери»,

ниник'лаа «из положения соприкосновения с матерью, из-под матери» (контэлатив) – *ниник'лаады* «которое от соприкосновения с матерью, которое из-под матери».

Нинисды плов за хъели ваъаси, бикIерене лювъун бадана. – Для матери (предназначенный) плов я потом приготовлю, чтобы (она) горячим поела.

Ришире зас дидиклаады на ниниклаады ихтилатбыр гъыгыри. – Сестра мне об отце и матери рассказала (букв. «Сестра мне которые об отце и которые о матери рассказы сделала»).

Примеры присоединения атрибутивизатора свидетельствуют о том, что категорию притяжательности образуют дательный падеж, комитатив, компаратив и исходные падежи, реже – формы локативно-направительных падежей.

Не способны присоединять показатель *-ды/-д* формы номинатива, эргатива и генитива имен существительных.

Атрибутивизация существительных в локативно-направительных падежах в мухадском диалекте зачастую ограничена топонимами:

- названиями патронимических поселений, образовавших села Рутульского района: *МукъуIхъдед* (атрибутизированная форма субэссива/сублатива), *Цудихъдед* (атрибутизированная форма субэссива/сублатива), *Джыбрыхъдед* (атрибутизированная форма субэссива/сублатива), *Мыград* (атрибутизированная форма инэссива/ инлатива), *СиргIад* (атрибутизированная форма инэссива/ инлатива) и т. д.;

- названиями гор: *Зигьидешыыды* (атрибутизированная форма суперэссива/суперлатива) «Гора поклонения», *Хинахдад бан* (атрибутизированная форма постэссива/постлатива) «Гора северного склона» и т. д.

В ихрекском языке формы локативно-направительных падежей могут атрибутизироваться и в обыденной речи, что демонстрируют примеры, приведенные Джамаловым К. Э. и Семедовым С. А.:

«*хал-ык-ид гьакь выри* (заплатил за квартиру)» [2006: 431] – атрибутизированная форма контэссива/контлатива;

«*хал-ых-д-ад подвал мычIахъый* (подвал под домом темный)» [2006: 431] – атрибутизированная форма постэссива/постлатива;

«*нецIур-ыттаь-ди багъде выхды мейваь ливиркъаьрув* (у реки находящемся саду хорошие фрукты растут)» [2006: 431] – атрибутизированная форма адэссива/адлатива.

Наблюдаются случаи присоединения атрибутивизатора к некоторым разрядам наречий:

к наречиям времени: *гъийгъа* «сегодня» – *гъийгъад* «сегодняшний», *ниъгъа* «вчера» – *ниъгъад* «вчерашний», *мисде* «в этом году» – *мисдед* «произведенное в этот год» (буквальный перевод невозможен), *гъамыь* «сейчас, теперь» – *гъамыьды* «теперешний», *эвели* «давно» – *эвелды* «давнишний», *субхъде* «раньше, сначала» – *субхъдед* «ранний»;

к наречиям образа действия: *бала* «много» – *балад* «многое», *сагъаIл* «мало» – *сагъаIлды* «малое» и т. д.:

Ниъгъад улесды уле, быгаады гвалах ваь. – Вчерашнюю еду ешь, завтрашнюю работу делай.

Гъамыьды инсанашис ешемши дикис рагъаIт йиьи. – Теперешним людям жить легко.

Ми хуIр мисдед вийи. – Эта мука в этом году произведена. (Буквальный перевод невозможен).

Количественные числительные, употребляющиеся в качестве определения при именах, могут образовывать особую форму с атрибутивизатором *-ды*, отличную от формы родительного падежа: *хьуд* «пять» – *хьуддид* «пяти» (форма родительного падежа) – *хьудды* *йыгъа* «в течение пяти дней», *хьудды хала* «в пяти домах», *хьудды эдемире* «пять человек»:

Октябыред хьудды йыгъа гьугъара ай. – В октябре пять дней дождь шел.

Гъийгъа зы хьудды даватмык сес выгъыр а. – Сегодня я приглашен на пять свадеб.

Хьибды рышере рангад халыче субда вагъара ай. – Три девушки цветной ковер трусилы.

Ранее мы приводили примеры присоединения атрибутивизатора *-ды/-д* к числительному *духъун* «столько» и частице *кал* «как» и преобразования их в *духъунды* «столько, сколько», *калды* «такой, как».

Подобные атрибутизированные падежные формы отмечаются и у местоимений, которые свободно сочетаются с существительными, образуя своеобразные субстантивные словосочетания. В таких субстантивных словосочетаниях отмечаются несколько иные синтаксические связи и отношения, чем в словосочетаниях с зависимым компонентом, выраженным атрибутизированной падежной формой существительных. Атрибутизируются падежные формы местоимений любого разряда, ср.: *васды* (ср. *вас* «тебе») *хъыв* «хлеб, что для тебя» или «хлеб, предназначенный тебе», *захъванды* (*захъван* «со мной») *хыди* «друг, который со мной», *гьалдыидид* (ср. *гьалдыиди* «кого-то, чьи-то») *фикирбыр* «мысли, которые у кого-то»; *гьилаанады* (ср. *гьилаана* «ниоткуда») *бырдж* «долг, который ниоткуда», *шумнийдаады* (ср. *шумнийды* «скольких») *къабыр* «посуда, которая у скольких-нибудь (взята)» и т. д.

Как показывают приведенные примеры, атрибутизированные падежные формы местоимений согласуются с главным компонентом словосочетания только в классе: *гьалдыидид* (I, II кл.) *фикирбыр* «мысли, которые у кого-то»; *гьидидъидид* (III, IV кл.) *масбыр* «стены, которые от чего-то».

Атрибутизированные падежные формы местоимений характеризуют: предмет или лицо, указывая на их пространственные отношения с другим предметом или лицом, конкретно не называя их и заменяя местоимением (ср.: *гьилаанады* (ср. *гьилаана* «ниоткуда») *бырдж* «долг, который ниоткуда»; отношения совместимости (ср. *захъванды хыди* «друг, который со мной»); отношения предназначенности (ср.: *васды хъыв* «хлеб, что для тебя» или «хлеб, предназначенный тебе»).

Как показало наше исследование, атрибутизируются в основном формы дательного, промежуточных и некоторых местных падежей местоимений, но не формы именительного и эргативного падежей, ср.: *джусды лаш* (ср.: *джус* «себе» – датив) «туша, которая себе» (букв. «себе + шная туша»), *хыдиехъванды сир* (ср. *хыдиехъван* «с другом» – комитатив) «секрет, который с другом», *вахъаъды учур* (ср.: *вахъаъ* «вместо тебя, за тебя» – компаратив) «очередь, которая за тебя», *ваалады йиз* (ср. *ваала* «с тебя» – суперэлатив) «снег, который с тебя», *вахъдед устлул* (ср. *вахъде* «под тобой» – субэссив/сублатив) «стул, который под тобой» и т. д.

Формы именительного падежа личных местоимений, присоединяя атрибутивный показатель *-ды*, совпадающий с аффиксом родительного падежа, переходят в разряд притяжательных: *зы* «я» – *изды* «меня, мой»; *вы* «ты» – *выды* «твой», *гьабыр* «они» – *гьабишды* «их». Эти притяжательные местоимения, совпадающие по форме с генитивом, могут атрибутизироваться еще раз:

изды «мой» – *издынийды* (I, II кл.) *хал* «тот, который моего, дом»;

издыдид (III, IV кл.) *хал* «тот, который моего, дом»;

гьабишды «их» – *гьабишдынийды* (I, II кл.) *ул* «тот, который их, глаз»;

гьабишдыдид (III, IV кл.) *усул* «тот, который их, вид» и т. д.

При возникновении сложностей в разграничении вне контекста, с какой из форм столкнулся исследователь – формой генитива или атрибутизированной формой местоимения (так как некоторые формы стали абсолютными синонимами), – используется специальный уточняющий аффикс *-бий-*: *ми* «этот» – *ми-бий-ды* «именно этот; тот, который этот». Примечательно, что этот формант не употребляется без атрибутивизатора *-ды*.

Активное функционирование атрибутивизатора *-ды* в грамматической системе рутульского языка привело к недоразумениям с определением количества падежей в ареальных единицах рутульского языка, так как исследователи зачастую относили атрибутизированные формы к отдельным падежам.

Так, К. Э. Джамаловым и С. А. Семедовым во введении к «Рутульско-русскому словарю» ошибочно выделены падежи шестой серии со сложными аффиксами *-ык-ид/-к-ид*, *ык-ды/-к-ыд*, падежи седьмой серии на *-х-да-д/-ых-да-д*, *-х-да-ди/-ых-да-ди* и падежи восьмой серии *-ыт-та-д/-ттаь-д*, *-ыт-та-ди/-ттаь-ди* [2006: 429], которые представляют собой атрибутизированные формы падежей трех серий: контэссива/контлатива, контаблатива постэссива/постлатива, постаблатива и адэссива/адлатива, адаблатива, о чем мы говорили и в разделе «История изучения вопроса».

Таким образом, атрибутивизатор *-ды* существенно осложняет морфологию рутульского языка, способствуя возникновению синонимичных между собой грамматических форм генитива и атрибутизированных форм, а также сложных по структуре падежных форм.

§ 7. Структурно-семантический анализ падежного инвентаря

В результате синхронного анализа систем склонения в диалектах рутульского языка выявлены падежные форманты следующих структур:

- V – *дид-е* (эрг.) «отец»; *хал-а* (инэс./инлат.) «в доме»;
- C – *риши-д* «сестры» (родит.), ихр. д.: *шугу-с* (дат.) «брату»;
- VC – *рыш-ед* (ген.) «девочки», *дам-ыс* (дат.) «лесу», *хал-ык* (контэс./контлат.) «в соприкосновении с домом»; в хновском говоре структуру -VC может иметь и аффикс эргатива – *хал-ыр* «дом», что не является нормой для других ареальных единиц рутульского языка;
- CV – *нин-ды* (ген.) «матери», *хал-да* (адэс./адлат.) «у дома»;
- VCV – *хыл-ире* (эрг.) «рукой», *мас-алыы* (суперэс./суперлат.) «на стене»; в ихрекском и борчинско-хновском диалектах, в отличие от мухадского диалекта, эта структура характерна и для аффикса генитива: ихр. д. – *хынх-ыды* (ген.) «ребенка», *гьайванд-иды* (ген.) «лошади»; борч.-хнов. д. – *сывым-ыды* (ген.) «гор», *муIхъм-ыды* (ген.) «сёл» и т. д.; в ихрекском диалекте форма контэлтива имеет аффикс -к'а //v-к'а: *нецIур-ык'а* «из реки», что не является нормой для остальных ареальных единиц, использующих в составе аффикса контэлтива и согласный -л-;
- CVC – *риши-хъван* (комит.) «с сестрой», *ва-хъаъ* (сравн. п.) «чем ты»;
- CCV – *гьыI-хда* (постэс./постлат.) «за мостом, за мост», в ихрек. диалекте – *шугу-хда* (постэс./постлат.) «за братом»;
- VCVC – *дид-ыхъван* (комит.) «с отцом», *хал-ыхъаъ* (компарат.) «чем дом». (Аффикс компаратива в ихрекском и борчинско-хновском диалектах имеет структуру VCV: *хал-ыхъа* «чем дом», *шугухъа* «чем брат» и т. д.);
- VCCV – *хал-ыхда* (постэс./постлат.) «за домом, за дом», *риг-ихъде* (субэс./сублат.) «под дверью, под дверь», *мукъ-уIхъде* (субэс./сублат.) «под селом, под село».

Некоторые из приведенных выше падежных аффиксов имеют варианты с долгими финальными гласными (V – VV, CV – CVV, VCCV – VCCVV), наличие которых обусловлено смысловозначительным характером долготы/краткости гласных фонем рутульского языка. Как правило, форманты исходных падежей содержат долгий гласный звук (за исключением падежей II серии, в которой долгие гласные присутствуют в аффиксах и локативно-направительного, и исходного падежей: *хал-ыы* «на доме, на дом» – *хал-ыыла* «с дома»):

дам-а (инэс./инлат.) «в лесу, в лес» – *дам-аа* (инабл.) «из лесу»;
хал-да (адэс./адлат.) «у дома, к дому» – *хал-даа* (адабл.) «от до-
ма»;

дам-ыхда (постэс./постлат.) «за лесом, за лес» – *дам-ыхълаа* (постэл.) «из-за леса» и т. д.

Падежный инвентарь в диалектах рутульского языка значительно обогащается за счет вставочных элементов (или показателей падеозэргатива), выявляемых во всех падежных формах, кроме формы номинатива.

Простую структуру имеют имена, присоединяющие к основе номинатива аффикс падежа, имеющий структуры: -С-, -V-, -VC-, -CV-, -CVC-, -CCV-, -CVCV: мух. д.: *риши-с* «сестре»; ихр. д.: *шугу-д* «брата»; мух. д.: *сус-а* (эрг) «невеста»; ихр. д.: *нецлур-ык'* (контэссив/контлатив) «в реке», шин. д.: *сабн-ис* «мылу» и т. д.; шин. д.: *караван-дик* (контэссив/контлатив) «в караване»; мух. д.: *рыш-ере* (эрг.) «девочка»; *за-кила* (контэлатив) «из меня, от меня» и т. д.

Вставочные элементы в языке могут иметь простую и сложную структуру. С учетом наличия в составе аффикса и вставочного элемента выявляются форманты сложных структур, содержащих от четырех до семи звуков:

-CVCV – *ул-д-ире* (эрг.) «глаз», *лешуд-ний-э* (эрг.) «купивший»;

-CVCVC – *хал-м-ыхъаъ* (комп. мн. ч.) «чем дома», *кьуруд-д-ыхъван* (комит.) «с сухим»;

-CVCCV – *гьудхьуд-д-ыхда* (постэс./постлат.) «сгоревшему», *лешуд-ний-ды* (ген.) «взявшего»;

-CVCVCVC – *лешуд-ний-ихъаъ* (комп.) «чем купивший» и т. д.

При склонении имен существительных во множественном числе выявляются структуры, содержащие в составе аффикс падежа, один из двух вставочных элементов, характерных для всех форм мн. ч., и вставочный элемент, сохранившийся в косвенной основе ед. числа:

Ном. джанбыр «тела»

Эрг. джан-ды-м-ыра

Ген. джан-ды-м-ыд

Дат. джан-ды-м-ыс и т. д.

В ареальных единицах выявляются структуры, содержащие в составе аффикс падежа, вставочный элемент и показатель (или фрагмент показателя) мн. числа.

Мухадский диалект

Ном. кьулабыр «головы»

Эрг. кьула-быр-м-ыра

Ген. кьула-быр-м-ыд
Дат кьула-быр-м-ыс и т. д.

Еще более сложными по структуре являются падежные формы, в составе которых выявляются вставочные элементы и показатель принадлежности (атрибутивизатор) *-д/-ды*, наличие которого является характерной особенностью падежных форм именных частей речи рутульского языка в единственном и множественном числе. Атрибутивируются, как правило, формы дательного, промежуточных и некоторых местных падежей существительных и местоимений, но не формы именительного и эргативного падежей.

Показатели падежных форм, содержащих в структуре вставочный элемент, падежный аффикс и атрибутивизатор *-ды*, насчитывают семь – девять звуков:

-CVCVCCV – *бышды-ний-ис* (дат. п.) «слепому» – *бышды-ний-ис-ды* «то, что предназначено для слепого»;

-CVCVCVCCV – *лукуд-ний-ихъаь* (сравн. п.) «вместо упавшего» – *лукуд-ний-ихъаь-ды* «тот, который вместо упавшего» и т. д.

С. М. Махмудова в монографии рассматривает сложные образования, в составе которых атрибутивизатор *-ды* встречается неоднократно: «комитатив – *дид-ды-ды-хъван* «с тем, который принадлежит отцу» (3, 4 гр. кл.), компаратив – *дид-ды-ды-хъаь-ды-ды-хъаь* «тот, который за того, кто (или что) принадлежит отцу» [2001: 85]. В этих примерах к корню присоединяются различные показатели количеством до 6, число звуков достигает 14, а звуковое оформление выглядит следующим образом: -CVCVCVCCVCVCVC.

Разнообразие структурных формообразующих элементов падежной системы рутульского языка свидетельствует и о различии в их функциональной нагрузке: указанные элементы можно рассматривать как полифункциональные единицы, способные выражать семантику нескольких падежей – эргатива, генитива датива, локативов, элативов и т. д.

Приведенный выше анализ падежного инвентаря рутульского языка свидетельствует о многообразии структурных вариаций падежных форм, обусловленных спецификой его грамматической системы.

Выводы по первой главе

В рутульском языке пять диалектов – мухадский, борчинско-хновский, ихрекский, мюхрекский, шиназский, которые обладают развитой системой падежей.

Разница в критериях, которыми руководствуются исследователи рутульского языка при выявлении форм падежей, породила разногласия в решении вопроса о количестве падежей.

В ареальных единицах рутульского языка выявляется 4 грамматических, 2 промежуточных (по диалектам – 1, что обусловлено отсутствием компаратива) и от 10 до 11 местных падежей (субэссив/сублатив выделяется только в мухадском и мюхрекском диалектах, субэлатив отмечен из всех диалектов только в борчинско-хновском).

В диалектах рутульского языка выявлено несколько формантов эргатива: *-a*, *-e*, *-pv*, *-vrv* (для местоимений борчинско-хновского, ихрекского и мюхрекского диалектов – формант *-d/-дж*), что не является нормой для других языков лезгинской группы, имеющих большое количество аффиксов эргатива.

Рутульский язык отличается показателем генитива *-d/-vd/-dv* (по диалектам и аффикс *-vdv*) от других лезгинских языков, имеющих в родительном падеже аффикс *-n*.

Эссивы и лативы в сериях местных падежей во всех ареальных единицах последовательно совпадают в едином локативно-направительном падеже.

В мухадском, мюхрекском и борчинско-хновском диалектах выявляются шесть серий местных падежей, из которых пять серий включают в себя по два падежа – совмещенный эссив/латив и элатив, шестая – ущербная – представлена либо субэссивом/сублативом, либо субэлативом. В ихрекском и шиназском диалектах падежи серии Sub формально совпали с падежами серии Post.

Для морфологии рутульского языка значима долгота гласных падежных аффиксов, так как формы элативов в диалектах последовательно образуются от форм эссивов/лативов путем удлинения конечного гласного или присоединением форманта удаления *-лаа*.

Падежи I серии – инэссив/инлатив и инэлатив актуальны только для неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов.

Омонимия падежных форм инэлатива и суперэссива/суперлатива наблюдается при склонении некоторых лексем: *тИулияя* «из пальца» – *тИулияя* «на пальце/ на палец», *гаьрияя* «из ветки» – *гаьрияя* «на ветке/ на ветку» и т. д.

При относительной общности материального выражения функции падежей в диалектах иногда сильно дифференцированы. Так, в одной и той же фразе «Мне тридцать лет» личное местоимение в разных ареальных единицах передается с помощью разных падежных форм – родительного, дательного и постэссива/постлатива:

Мух. д.: *Изды* (ген.) *хьибцӀыр сен йиьи*. – Мне тридцать лет (есть).
Борч.-хнов. д.: *Йахда* (постэс./постлат.) *шибцӀыр сен а*. – Мне тридцать лет (есть).

Ихр. д.: *Зас* (дат.) *хьибцӀыр сен йиьи*. – Мне тридцать лет (есть).

Фактический материал шиназского и мюхрекского диалектов не позволяет обнаружить отличий от мухадского диалекта в оформлении падежа местоимения во фразе «Мне тридцать лет».

Семантика сходства кого-то с кем-то также передается разными грамматическими средствами: во фразе «Дочь на отца похожа» объект, на который походят, в мухадском диалекте оформляется контэс-сивом/ контлативом, тогда как в хновском говоре и ихрекском диалекте объект *дидис* «на отца» оформляется дательным падежом:

Хнов. г.: *Рыш дидис* (дат.) *кирикара*. – Дочь на отца похожа.

Ихр. д.: *Рыш дидыс* (дат.) *киркарий*.

Мух. д.: *Рыш дидик* (контэс./контлат.) *кирикара*.

Мюхр. д.: *Рыш дидик* (контэс./контлат.) *кирикар*.

Примечательно, что в мухадском диалекте также встречается оформление объекта, которому что-либо подходит, дативом, но происходит это только в тех случаях, когда объект сходства выражен неодушевленным именем:

Ухун рышес (дат.) *кивикара*. – Платье девочке подходит.

Ми халыс ирды пердебыр кикаси. – Этой комнате красные занавески подойдут.

В ихрекском диалекте временной промежуток, через который произойдет действие, оформляется контэлативом, для мухадского диалекта является нормой оформление подобного обстоятельства времени суперэлативом. Ср.:

Ихр. д.: *Эгер зы шегьерде гьыхьыфни, са вазырыкя* (контэлатив) *хьикьасдый*. – Если я в город поеду, через один месяц вернусь.

Мух. д.: *Эгер зы шегьерди йыхьыхьвна, са вазырыыла* (суперэлатив) *хьикьси*. – Если я в город поеду, через один месяц вернусь.

Наблюдаются случаи различий в управлении глаголами падежных форм: так, в мухадском диалекте глагол *раази дии* «не доволен, не согласен» управляет суперэлативом, в ихрекском диалекте – комитативом:

Ихр. д.: *Зы вахьван* (комит.) *рагъзи дии*. – Я с тобой не согласен.

Мух. д.: *Зы вала* (суперэлат.) *рагъзи дии*. – Я тобой не доволен.

Таким образом, в диалектах рутульского языка выявляются различия в количестве падежей, в их оформлении и выполняемых ими функциях.

Глава 2. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН И СУБСТАНТИВОВ В ДИАЛЕКТАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

§ 1. История изучения вопроса о склонении в рутульском языке

В дагестанских языках, отличающихся богатым падежным составом, сформировались системы склонения, разнящиеся в грамматическом и семантическом аспектах.

Так как общие принципы, ориентированные на все дагестанские языки, не были сформулированы, исследователями были применены различные основания, регулирующие дифференциацию в них типов склонения. Более того, даже для одного языка каждый его исследователь использовал свой метод разграничения типов склонения.

Изучив подходы к определению типов склонения в рутульском языке и сравнив факты рутульского и родственного ему цахурского языка, мы попытались предложить свой подход, подкрепив его аргументацией.

Вопросы склонения в рутульском языке рассматривались в работах Г. Х. Ибрагимова, Е. Ф. Джейранишвили, С. М. Махмудовой и М. О. Таировой (Ибрагимовой).

Г. Х. Ибрагимов, отмечая, что «склонение имен существительных в ед. и мн. числе имеет отличительные особенности», выделяет для существительных единственного числа четыре типа склонения, для существительных множественного числа – два типа. Выделение четырех типов склонения исследователь аргументирует различиями в оформлении исходной основы косвенных падежей. «Первый тип склонения характеризуется именительной (прямой) основой, второй тип – основой эргатива, третий тип – основой генитива и, наконец, четвертый тип – именительной основой, осложненной детерминативной основой» [1978: 59].

Наличие первого и четвертого типов склонения не вызывает у нас сомнения, но факты языка не позволяют нам подтвердить функционирование второго и третьего типов склонения. В ареальных единицах рутульского языка формы косвенных падежей не образуются от основы эргативного падежа подобно тому, как это происходит в языках лезгинской группы (в частности, в лезгинском и табасаранском).

К третьему типу склонения Г. Х. Ибрагимов относит следующие примеры:

«Им. зизаь «косяника»	балта «топор»
Эрг. зизаь-д-ираь	балтыд-ираь

Род. зизаь-д-ид (<зизаь-д) балтыд-ид (<балты-д)
Дат. зизаь-д-ис балтыд-ис...» [1978: 60].

Редупликацию падежного аффикса в родительном падеже исследователь считает вторичным явлением – «результатом выравнивания косвенной основы». Мы полагаем, что приведенные выше примеры демонстрируют тип склонения со вставочными элементами и, следовательно, формант *-д-* является в них не показателем генитива, а вставкой. Наличие вставки *-д-* в дагестанских языках лингвистами подтверждалось не единожды. Так, Е. А. Бокарев отмечал, что «Чаще всего в детерминативе выступает *д*, но также и *л, р, н, т, й* и некоторые другие» [1960: 52].

Подобное утверждение содержится в статье Б. Б. Талибова: «...вставки встречаются в системах лезгинского, табасаранского, агульского склонения, но функцию их пока не удается уяснить. В качестве вставок выступают там согласные *д, н, р*» [1979: 6.]

При описании четвертого типа склонения Г.Х. Ибрагимов выделяет в рутульском языке один «детерминатив» – *-ал-*.

Во мн. числе склонение существительных дифференцируется категорией одушевленности/неодушевленности. Г. Х. Ибрагимов отмечает, что «во мн. числе одушевленные имена (разумные и неразумные) в косвенных падежах между исходной (прямой) основой и аффиксом падежа принимают местоименный формант множественности *-ш-*, в неодушевленных именах вместо *-ш-* представлен классный формант множественности *-м*» [1978: 52]. На наш взгляд, на современном этапе развития рутульского языка *-ш-* и *-м-* являются вставочными элементами, возможно, при глубоком диахроническом исследовании этих показателей можно обнаружить основания для причисления их к местоименным или классным формантам множественности.

При описании особенностей склонения субстантивов Г. Х. Ибрагимов выявляет факт разграничения их склоняемых форм по группам личности и вещей. По свидетельству исследователя, в группе личности к субстантивам «прибавляется местоимение 3-го лица *-ний-*, а в группе вещей – местоимение *-дий/-ди*». Мы причисляем форманты косвенной основы *-ний-* и *-д-* к вставочным элементам, так как не считаем их «местоимениями 3-го лица» и не можем доподлинно объяснить их этимологию.

Е. Ф. Джейранишвили выделил в рутульском языке один тип склонения, отметив, что «не выявляются особенные разграничения в системе склонения имен класса человека и вещей, односложных и многосложных основ с гласным или согласным исходом (существен-

ное различие выявляется лишь вследствие фонетических изменений)» [1983: 566]. Мы согласны с его утверждением, но далее, характеризуя склонение рутульского языка, будем разграничивать типы склонения, учитывая способы оформления косвенной основы.

С. М. Махмудова в монографии «Морфология рутульского языка» выделяет 7 типов склонения с учетом оформления падежной основы косвенных падежей [2001: 61–63].

§ 2. Типы склонения в диалектах рутульского языка

Согласно данным научной литературы, в дагестанских языках склонение характеризуется наличием двух падежных основ – прямой и косвенной. Факты рутульского языка подтверждают эту гипотезу. Относительно формативов, выявляемых в косвенных основах субстантивов, существуют разные точки зрения: некоторые лингвисты считают их составной частью косвенной основы, другие относят их к инвентарю эргатива. Сторонники гипотезы о принадлежности этих формативов к аффиксам эргатива придерживаются мнения, согласно которому номинатив лежит в основе образования эргатива, который, в свою очередь, служит основой для других общеграмматических падежей и локативов.

С. А. Старостин и М. Е. Алексеев считают формативы, выявляющиеся в косвенных падежах, принадлежностью косвенной основы, куда входит и эргатив. Так, согласно мнению М. Е. Алексеева, «распространенное в дагестановедении утверждение о многоформантности эргатива в действительности является переформулировкой тезиса о многоформантности косвенной основы, от которой в свою очередь образуется эргатив с помощью нулевого аффикса» [1985: 27]. По С. А. Старостину в лезгинских языках представлены две основы – прямая (номинатив) и косвенная. Прямая основа во многих лезгинских языках имеет согласный исход. При присоединении падежных окончаний к корням имени между ними появляются вставочные гласные. В тех случаях, когда косвенная основа не имеет окончаний, в некоторых лезгинских языках она совпадает с эргативом, что дает основание иногда говорить о множестве показателей эргатива [Старостин 1981: 75–76].

Мы в своей работе придерживаемся точки зрения исследователей, предполагающих, что формативы, выявляющиеся при склонении существительных и субстантивов, являются принадлежностью косвенной основы. В то же время мы не можем согласиться с идентифи-

кацией косвенной основы и основы эргатива (то есть с утверждением, что от косвенной основы с помощью нулевого аффикса образуется эргатив). Подобное – не норма для исследуемого языка. В нем формы косвенных падежей не образуются по классической схеме, характерной для многих дагестанских языков: прямая основа + формант эргатива + формант генитива, датива и т. д. Для рутульского языка выявляются две модели образования форм косвенных падежей:

а) прямая основа + формант эргатива, генитива, датива и т. д.;

б) прямая основа + вставочный элемент + формант эргатива, генитива, датива и т. д.

Согласно вышесказанному в ареальных единицах рутульского языка с учетом оформления косвенной основы при склонении имен, местоимений, причастной и масдарной форм глагола выделяются два типа склонения: первый тип склонения характеризуется именительной (прямой) основой оформления косвенных падежей, второй тип склонения – склонение со вставочными элементами.

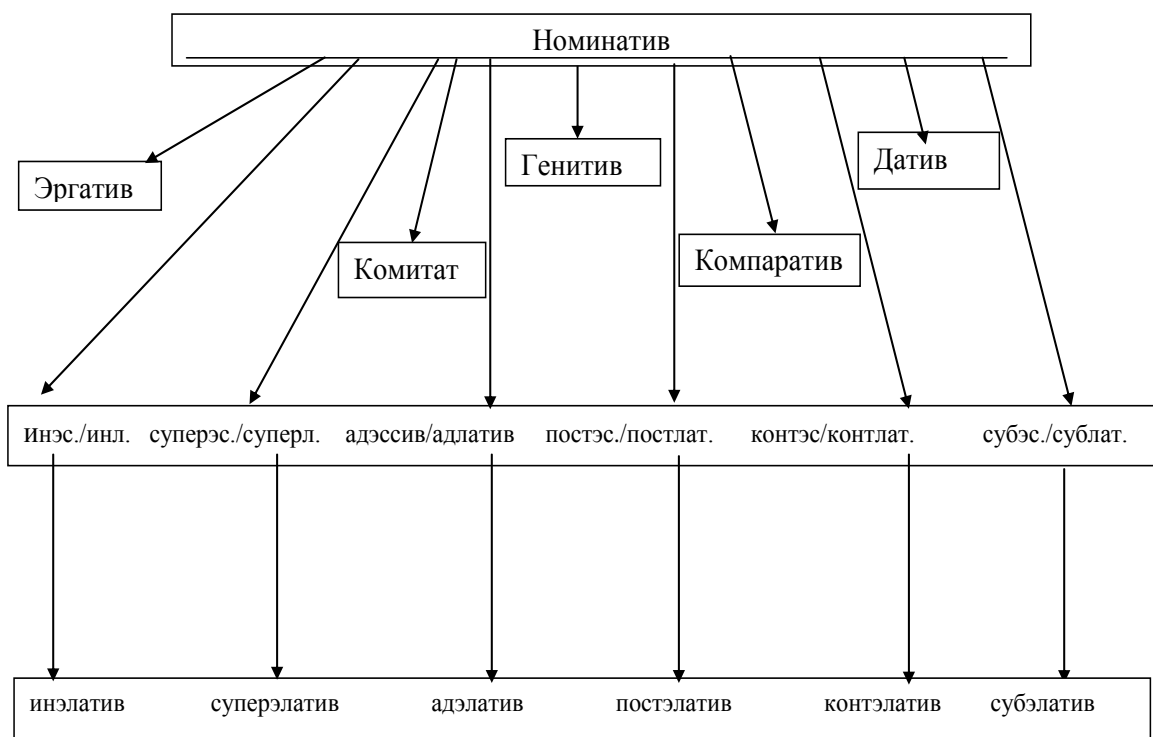
Подобное не является нормой для дагестанских языков, в которых, как правило, склонение также двухосновное, но в качестве второй основы выступает форма эргатива, совпадающая с косвенной основой [Алексеев 1985: 27]. Но мы обнаружили аналогичное явление в каратинском языке, где имена существительные склоняются по принципу двух основ: 1) к форме именительного падежа (к «чистой основе») прибавляется падежный формант; 2) к форме именительного падежа присоединяются разные основообразующие элементы и затем прибавляются падежные форманты. К основообразующим элементам в собственно каратинском и тукитинском диалектах относятся: гласные *a, u, o, y*, целые слоги – *-шу-* и *-льльи-*. Слоговые элементы несут различия грамматических классов: *-шу-* появляется в словах I класса, *-льльи-* – в словах II класса [Магомедбекова 1971: 60].

Первый тип склонения

Основой для образования косвенных падежей в первом типе склонения является форма номинатива. Схема, представляющая этот тип склонения, демонстрирует еще одну особенность склонения в рутульском языке – образование форм элативов от совмещенных эссивов/лативов, которые, в свою очередь, образованы от прямой основы. Следовательно, в I типе склонения мы имеем две основы:

- основу номинатива, используемую для оформления всех общеграмматических, промежуточных падежей и эссивов/лативов;

- основы эссивов/лативов, используемые для оформления элативов.

I тип склонения характерен для некоторых существительных и всех масдарных форм ед. числа. По первому типу склоняются нижеприведенные лексемы: *нин* «мать», *дид* «отец», *хук* «дерево», *риши* «сестра», *гаг* «свекр, тесть», *укь* «трава», *хыл* «рука», *кьул* «голова», *лах* «очаг», *зер* «корова» и т. д.; *сихьин* «положить», *лузун* «стоять», *джирджин* «печься», *лукун* «лежать» и т. д.

Ном.	нин «мать»	хыл «рука»
Эрг.	нин-е	хыл-ире
Ген.	нин-ды	хыл-ид
Дат.	нин-ис	хыл-ис
Комп.	нин-ыхъаь	хыл-ихъаь
Комит.	нин-ыхъван	хыл-ихъван
Инэс./инл.	-----	хыл-е
Инэлат.	-----	хыл-а-а
Суперэс./суперл.	нин-ыы	хыл-ыы
Суперэл.	нин-ыы-ла	хыл-ыы-ла
Адэс./адл.	нин-де	хыл-иде
Адэлат.	нин-да-а	хыл-ида-а
Постэс./постл.	нин-ыхда	хыл-ихда
Постэлат.	нин-ыхъ-лаа	хыл-ихъ-лаа
Контэс./контл.	нин-ик'	хыл-ик'
Контэлат.	нин-ик'-лаа	хыл-ик'-лаа
Субэс./субл.	нин-ихъде	хыл-ихъде

Ном. яхын «бежать»	лешун «взять, брать»
Эрг. яхын-ире	лешун-ире
Ген. яхын-ид	лешун-ид
Дат. яхын-ис	лешун-ис и т. д.

Парадигмы склонения показывают, что не всегда соблюдается принцип образования элативов от основы эссивов/лативов: это касается постэлатива, который в идеале должен был бы иметь аффикс *-ыхда-а* (что и наблюдается в ихрекском и мюхрекском диалектах), но в мухадском и шиназском диалектах в результате фонетических изменений этот падеж приобрел аффикс *-ыхъ-лаа*.

В случае с инэссивом/инлативом мы имеем дело с переходом *-е* в *-а*: в одних случаях в инэссиве/инлативе выявляется аффикс *-а*, в других – *-е*, но аффиксом инэлатива во всех случаях выступает *-аа*.

Второй тип склонения

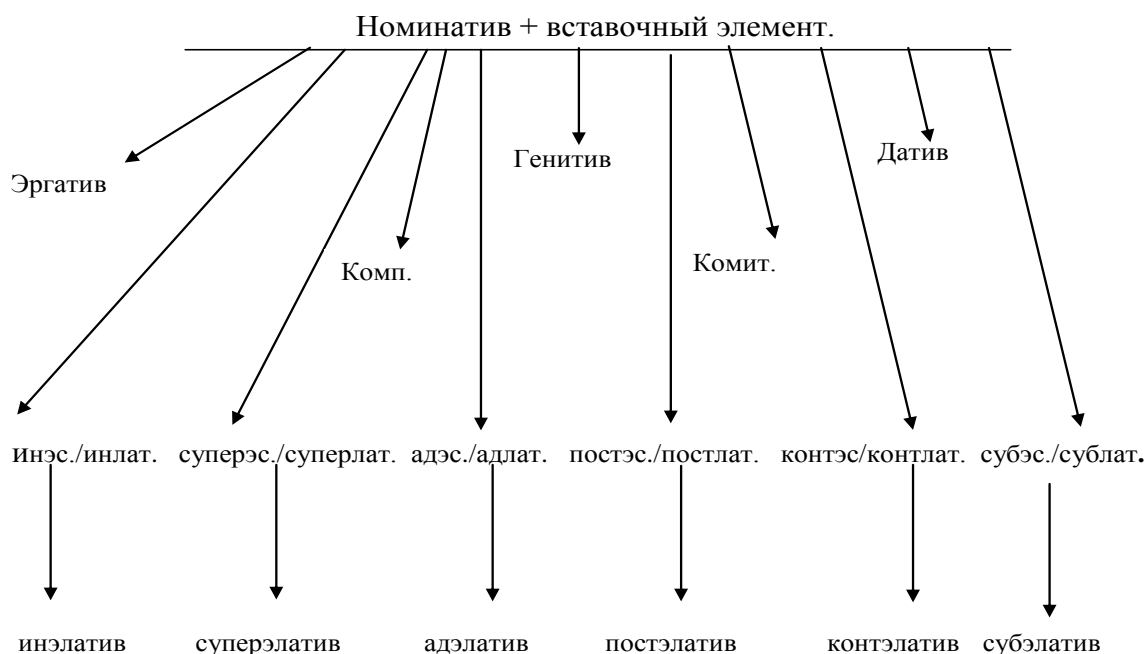
Тип склонения со вставочными элементами имеет в рутульском языке широкое поле функционирования. Этот тип склонения неоднократно являлся объектом исследования в специальной научной литературе. Термин «вставка» введен Л. И. Жирковым. «Мы принимаем, – пишет автор, – такой термин «вставки» потому, что грамматическая природа их пока не может считаться вполне определенной. Несомненна связь между вставками в падежных формах единственного и множественного числа; больше того – несомненна связь этих вставок со сложными окончаниями множественного числа; наконец – несомненна связь их с классными показателями – и все-таки эти вставки нельзя с уверенностью признать ни частью падежных окончаний, ни отдельными инфиксами в составе падежной формы...» [1955: 29–30].

Е. А. Бокарев называет подобные элементы «детерминативами косвенной основы» [1960: 46]. Однако в кавказоведении термин «детерминатив» имеет и иное значение. Г. Х. Ибрагимов в своей монографии пишет о склонении «с именительной основой, осложненной детерминативным суффиксом» [1978: 51]. Г. Т. Бурчуладзе, анализируя падежную систему лакского языка, называет вставочные элементы «распространителями основы» [1986].

Г. В. Топуриа, характеризуя подробно этот тип склонения в дагестанских языках, отмечает, что «после усечения чисто падежных формантов остается такая морфологическая единица, которая также противопоставляется чистой основе, но и с морфологической, и с функциональной точек зрения ни к какой падежной форме она не приравнивается» [1995: 22].

Тип склонения со вставочными элементами – широко распространенная система склонения, характеризующаяся тем, что здесь мы имеем дело с двумя основами, но выяснить, что из себя представляет вторая основа, из чего она произошла и какая форма лежит в ее основе, невозможно. Эргатив и генитив в данном случае являются самостоятельными падежами и не служат для образования форм других падежей, в отличие от систем склонения, где косвенной основой служит основа эргативного или родительного падежа. После вычленения прямой основы и чисто падежных аффиксов остается морфологическая единица, которая не совпадает ни с одной из существующих на современном этапе развития языка падежных форм. Эта вставка и обусловила название данного типа склонения – склонение со вставочными элементами.

Схематически II тип склонения представлен на рисунке.

Во этом типе склонения, в отличие от первого, выявляются три основы:

- основа номинатива, служащая для образования косвенной основы;
- основа номинатива + вставочный элемент, служащие для образования эргатива, генитива, датива, комитатива, компаратива, шести совмещенных эссивов/лативов;
- основы эссивов/лативов, служащие для образования исходных падежей – элативов.

Подтверждением доминирования этого типа склонения в ареальных единицах рутульского языка служит то обстоятельство, что для некоторых существительных, всех субстантивированных прилагательных, числительных, определительных, указательных и притяжательных местоимений, причастий ед. числа и для всех субстантивов мн. числа склонение со вставочными элементами является единственным типом склонения.

Некоторые исследователи (Л. И. Жирков, Г. В. Топуриа) в своих трудах выделяют в качестве вставки гласный элемент, согласный и различные сочетания гласных и согласных.

И. Х. Абдуллаев высказал мнение о том, что к «вставочным элементам примыкают и соединительные гласные – инкременты, но их функция не столько морфологическая, сколько фонетическая – с их помощью преодолеваются нехарактерные для языка скопления согласных» [1987: 120].

Признает гласные элементы вставками и М. Е. Алексеев: «...конкретная реконструкция того или иного вокалического показателя косвенной основы при соответствующих общедагестанских архетипах – дело будущего...» [2003: 34].

Мы полагаем, что на современном этапе развития рутульского языка гласные трудно квалифицировать в качестве отдельной вставки. Мы считаем такие гласные принадлежностью падежного аффикса, так как они в синхронном плане зачастую объясняются сингармонизмом и недопущением стечения согласных. Полагая, что в рутульском языке основу вставочного элемента составляют согласные, при дальнейшем изложении материала будем руководствоваться этим.

Косвенную основу склоняемых форм рутульского языка образуют следующие вставочные элементы: *-d/-vd-*, *-й-*, *-вл-*, *-вр-*, *-ний-* (*-ну*, *-ни*, *-на*), *-ш-*, *-м-*. Из них вставки *-d/-vd-*, *-й-*, *-вл-* и *-вр-* характерны для существительных ед. числа. В ед. числе косвенную основу субстантивированных прилагательных, числительных, местоимений и причастий I и II кл. оформляет вставка *-ний-* (в диалектах – *-ну*, *-ни*, *-на*), субстантивов III и IV классов – вставка *-d-* (в хновском говоре – *-vй*). Во мн. числе косвенная основа одушевленных существительных и других склоняемых частей речи I и II классов едина во всех диалектах: она образуется посредством вставки *-ш-*, основа неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов – путем вставки *-м-*.

Материальная база вставочных элементов всех ареальных единиц рутульского языка в целом совпадает, отличия обнаруживаются в фонетическом оформлении некоторых вставочных элементов и в

наличии или отсутствии их в одних и тех же именах существительных разных диалектов.

§ 3. Склонение частей речи в диалектах рутульского языка

Для практического подтверждения вышеизложенных фактов и подробного исследования характера и структуры вставок, мы считаем необходимым охарактеризовать типы склонения в каждой склоняемой части речи.

Склонение имен существительных

Имя существительное в рутульском языке характеризуется категориями класса, числа, падежа, разумности/неразумности.

Категория класса имен существительных является лексической. В рутульском языке четыре класса. Первый класс объединяет все обозначения разумных существ мужского пола, а также названия божеств и святых: *эдеми* «человек», *дид* «отец», *дух* «сын», *шу* «брат», *пайгъампар* «пророк» и т. д. Ко второму классу относятся все обозначения разумных существ женского пола: *нин* «мать», *риши* «сестра», *рыш* «дочь, девочка», *хьыдылды* «женщина», *сус* «невеста» и т. д. В третий класс входят названия неразумных существ (за исключением нескольких названий птиц и насекомых), некоторые мифологические существа и значительное число названий вещей: *тыла* «собака», *сикл* «лиса», *тлили* «палец», *хулр* «мука», *духул* «камень», *аждаа* «дракон» и т. д. В четвертый класс входят названия вещей и некоторые названия насекомых и птиц: *шурук* «птица», *бичил* «ласточка», *дебдебил* «бабочка», *цъыцл* «кузнечик», *йикл* «сердце», *хал* «дом» и т. д.

Большое количество существительных в диалектах рутульского склоняется по II типу, присоединяя в косвенных падежах один из четырех вставочных элементов – *-д/-vd-*, *-й-*, *-вл-*, *-вр*.

Вставка *-д/-vd-* преимущественно характерна для большого количества заимствований-арабизмов и для некоторых заимствований-иранизмов: *мырад* «желание», *лампа* «лампа», *гьайне* «стекло», *хизан* «семья», *тербие* «воспитание», *нур* «луч, свет», *дагъви* «война», *гьулкимет* «государство», *сухъра* «скатерть», *хаджалат* «переживание», *йиван* «лошадь», *гьулмир* «жизнь», *тукан* «магазин», *замана* «время, эпоха», *вахт* «время», *нубат* «очередь», *махле* «улица», *дуьнья* «вселенная, мир», *бына* «основа», *хазна* «богатство», *рагъым* «милосердие», *накъв* «земля, почва», *тлехъикъе* «минута», *къадар* «мера», *велед* «дитя,

потомки», *гьаIраба* «арба, телега», *миллет* «народность, нация», *джамагьаIт* «народ», *мум* «воск», *дугьаI* «молитва», *келле* «голова», *пеше* «профессия», *гьаIйва* «айва», *савда* «торг, торговля», *шегьре* «улица» и т. д.:

Ном.	мал «имущество, скот»	мум «воск»
Эрг.	мал-д-ире	мум-ад-ире
Ген.	мал-д-ид	мум-ад-ид
Дат.	мал-д-ис	мум-ад-ис и т. д.

Вставка *-д-* оформляет косвенную основу слов с вокальным исходом, с исходом на сонорные согласные и *б, т*, в остальных случаях имеет место вставочный элемент *-vd-*:

Ном.	бына «основа»	як «мясо»
Эрг.	быны-д-ире	як-ыд-ире
Ген.	быны-д-ид	як-ыд-ид
Дат.	быны-д-ис	як-ыд-ис и т. д.

Перед вставкой *-д-* конечный гласный прямой основы иногда претерпевает изменения *а - ы, е - и*: *келле* «голова» – *келли-дид* (генитив), *ришва* «взятка» – *ришвы-д-ид* (генитив), *нисе* «сыр» – *нисид-ид* (генитив).

Вставочный элемент *-й-* в косвенных падежах присоединяют одушевленные существительные с вокальным исходом. Большая часть этих слов – заимствования из тюркских языков: *варлы* «богач», *тыла* «собака», *дана* «бычок», *къари* «жена», *язна* «зять, жених», *къанлы* «кровник», *деве* «верблюд», *бала* «ребенок, дитя», *хыди* «друг, кузен», *къаргъа* «ворона» и т. д.:

Ном.	тыла «собака»	къаргъа «ворона»
Эрг.	тылы-й-эре	къаргъы-й-эре
Ген.	тылы-й-эд	къаргъы-й-эд
Дат.	тылы-й-эс	къаргъы-й-эс и т. д.

Наблюдения над фактами языка позволяют сделать вывод, что перед *-й-* конечные гласные прямой основы *-а* и *-е* переходят соответственно в *-ы* и *-и*, конечные гласные *-и* и *-ы* изменениям не подвергаются: *къари* «жена» – *къари-й-эс* «жене», *язна* «зять, жених» – *язны-й-эс* «зятю, жениху», *варлы* «богач» – *варлы-й-эс* «богачу», *тыла* «собака» – *тылы-й-эс* «собаке», *дана* «бычок» – *даны-й-эс* «бычку», *бала* «ребенок, дитя» – *балы-й-эс* «ребенку», *къаргъа* «ворона» – *къаргъы-й-эс* «вороне», *хыди* «друг, кузен» – *хыди-й-эс* «другу, кузену» и т. д.

Характерной особенностью вышеприведенных примеров является то, что формы их мн. числа в мухадском диалекте образуются не от прямой основы (что является нормой для рутульского и других дагестанских языков), а от косвенной, уже содержащей вставку *-й-*:

бала «ребенок, дитя» – *балы-й-эре* (эрг.) – *балы-й-мар* «дети»;
хыди «друг, кузен» – *хыди-й-эре* (эрг.) – *хыди-й-мар* «друзья, кузены»;

къаргъа «ворона» – *къаргъы-й-эре* (эрг.) – *къаргъы-й-мар* «вороны»;

деве «верблюд» – *деви-й-эре* (эрг.) – *деви-й-мар* «верблюды» и т. д.

В хновском говоре борчинско-хновского диалекта существительное *хыдий* «друг» уже в форме абсолютива содержит элемент *-й*, при склонении же в единственном числе формы этого слова не выявляют вставочного элемента *-й-*, выделяемого в других диалектах:

Хнов. г.	Мухад. д.
Ном. хыдий «друг»	хыди «друг»
Эрг. хыди-ре	хыди-й-эре
Ген. хыди-д	хыди-й-эд
Дат. хыди-с	хыди-й-эс и т. д.

При склонении же во множественном числе вставочный элемент *-й-* выявляется и в основе абсолютива, и в падежных формах, отражая общую картину рутульских диалектов:

Хнов. г.	Мухад. д.
Ном. хыдий-ма «друзья»	хыди-й-мар «друзья»
Эрг. хыдий-ма-ш-а	хыди-й-ма-ш-е
Ген. хыдий-ма-ш-ды	хыди-й-ма-ш-ды
Дат. хыдий-ма-ш-ис	хыди-й-ма-ш-ис и т. д.

Подобные примеры характерны и для лезгинского языка:

«буба «отец» – бубайар

стха «брат» – стхайар

пІини «черешня» – пІинийар...» [Мейланова 1962: 269].

У. А. Мейланова отмечает, что «появление же *й* здесь в настоящее время уже нельзя связать с семантикой имен, а объясняется чисто фонетически: *-й* появляется лишь в словах, оканчивающихся открытым слогом, и несет на себе как бы фонетическую функцию разделительного звука... Однако подобное объяснение односторонне. Мы лишь в настоящее время воспринимаем это как чисто фонетическое

явление. Можно предположить, что когда-то в далеком прошлом этот *й* в аффиксе множественности был не единственным элементом и являлся классным показателем, а в настоящее время сохранился только в словах, оканчивающихся на гласный звук, ибо здесь он, если так можно выразиться, был необходим и для благозвучия, и для легкости произношения» [Мейланова 1962: 269].

Вслед за У. А. Мейлановой мы полагаем, что вставка *-й-*, характерная в диалектах рутульского языка для основ как единственного, так и множественного числа, выполняет не только фонетическую функцию разделения, но и является морфологическим показателем, исторически утратившим свое конкретное предназначение, как и другие вставочные элементы. По этой причине мы выделяем элемент *-й-* в качестве отдельной вставки.

М. Е. Алексеев полагал, что «суффикс *-йи/-й* может быть получен не только не только из *-ди (>-ри)*, но и как средство устранения зияния при суффиксации *-и* к основе на гласный» [1985: 37].

Небольшое количество существительных в диалектах рутульского языка присоединяют в косвенной основе вставочный элемент *-вл-*: *маIхв* «дуб», *кьат* «камень», *чеч* «гриб», *кьатI* «половина», *хьэб* «ноготь», *кьаь* «репа», *хьаб* «мешочек», *мас* «стена», *нагьв* «слеза», *хьач* «черника», *махв* «сказка», *маь* «жир», *кIеь* «кончик», *кьаиш* «бровь», *кIаз* «глиняный кувшин», *еш* «жниво», *бекI'* «жвачка», *зас* «колючка», *гьваб* «корень», *сецI* «песок», *нахв* «саман», *мек'* «стог», *кIаиш* «палочка» и др. [Алексеев М. Е. 2003; Махмудова С. М. 2001; Таирова (Ибрагимова) М. О. 1998].

Склонение существительных, принимающих в косвенных падежах вставку *-ал-*:

Ном.	макь (растение)	гьваб «корень»
Эрг.	макь-ал-ыра	гьваб-ал-ыра
Ген.	макь-ал-ды	гьваб-ал-ды
Дат.	макь-ал-ыс	гьхваб-ал-ыс и т. д.

Существительные, имеющие в корне номинатива гласный *-е*, присоединяют вставочный элемент *-ел-*:

Ном.	кIеь «кончик»	хьэб «ноготь»
Эрг.	кIеь-ел-ире	хьэб-ел-ире
Ген.	кIеь-ел'-ды	хьэб-ел'-ды
Дат.	кIеь-ел-ис	хьэб-ел-ис и т. д.

Вставки *-ыл-, -ил* присоединяют следующие неодушевленные существительные:

Ном.	кьатI «половина»	еш «жниво»
Эрг.	кьатI-ыл-ыра	еш-ил-ире
Ген.	кьатI-ыл-ды	еш-ил-ды
Дат.	кьатI-ыл-ыс	еш-ил-ис и т. д.

Наличие гласного во вставке *-вл-* обусловлено тем обстоятельством, что присоединяется этот вставочный элемент только к прямой основе слов, оканчивающихся закрытым слогом.

Г. Х. Ибрагимов о природе происхождения этого вставочного элемента пишет: «Детерминант *-ал (-aIл)*, засвидетельствованный в косвенной основе, этимологически представляет собой финальный элемент склоняемой основы. Утрата морфологических функций обусловила усечение его в им. падеже, а в косвенной основе он окаменел. Обращает на себя внимание и тот факт, что детерминант *-ал (aIл-)* представлен лишь в односложных лексемах» [1978: 61].

В качестве аргументации автор пишет, что в рутульском языке «имеются имена с финальным *-ал-*, который может быть приравнен к интересующему нас детерминанту. Эти лексемы в косвенной основе имеют чистые падежные аффиксы: Ср.: «крапива» – им. *макъвал*, эрг. *макъвал-ара*, род. *макъвал-ад*, дат. *макъвал-ас*» [1978: 61]. Полагаем, эта гипотеза может являться объяснением происхождения элемента *-вл-*, но доказать её сложно в связи с неимением диахронического описания лексики рутульского языка.

М. Е. Алексеев, проанализировав формант *-л-* в структуре падежных форм лезгинских языков, пришел к выводу о том, что «сфера функционирования пралезгинского **-ли* остается неясной, хотя, очевидно, существовало определенное противопоставление показателей *-ни* и *-ли* при соотнесенности обоих, можно полагать, с названиями исчисляемых предметов» [1985: 36].

В диалектах рутульского языка к основе односложных существительных с исходом на согласный может присоединяться вставочный элемент *-вр*. Такими существительными являются: *эч* «яблоко», *дух* «сын» *кIатI* «курица», *йиз* «снег», *гаьт* «кошка», *сикI* «лиса», *кул* «куст», *хик* «орех», *кьб* «кизяк», *хьд* «липа», *гьыIб* «лягушка», *ваз* «месяц», *йис* «моль», *мык* «лед», *лыIкь* «орел» и т. д.:

Ном.	ваз «месяц»	сикI «лиса»,
Эрг.	ваз-ыр-ыра	сикI-ир-ире
Ген.	ваз-ыр-ды	сикI-ир-ды
Дат.	вазд-ыр-ыс	сикI-ир-ис и т. д.

Во всех диалектах рутульского языка при склонении имен существительных множественного числа одушевленные имена перед падежным аффиксом присоединяют вставку *-ш-*, неодушевленные имена – вставку *-м-*:

Ном.	йиванар «лошади»	усбыр «дрова»
Эрг.	йивана-ш-е	ус-м-ыра
Ген.	йивана-ш-ды	ус-м-ыд
Дат.	йивана-ш-ис	ус-м-ыс и т. д.

Кроме вставочных элементов *-ш-* и *-м-*, в диалектах рутульского языка при склонении в косвенных падежах обнаруживаются и вставки, характерные для структуры форм косвенных падежей имен существительных единственного числа: *-й-* (встречающийся и в форме номинатива во мн. числе), *-вл-* и *вр-*, *-д-*. Причем, если существительные ед. числа со вставками *-й* и *-вл-* не утрачивают их при склонении во множественном числе, то вставку *-вр-* сохраняют во множественном числе только неодушевленные существительные, вставочный элемент *-д-*, как правило, выпадает, за исключением существительных *карбыр* «вещи, дела» и *джанбыр* «тела»:

Ном.	вазбыр «месяцы»	джанбыр «тела»
Эрг.	ваз-ыр-м-ыра	джан-ды-м-ыра
Ген.	ваз-ыр-м-ыд	джан-ды-м-ыд
Дат.	ваз-ыр-м-ыс	джан-ды-м-ыс и т. д.

Ном.	язныймар «зятя, женихи»	къатIбыр «половинки»
Эрг.	язны-й-ма-ш-е	къатI-ыл-м-ыра
Ген.	язны-й-ма-ш-ды	къатI-ыл-м-ыд
Дат.	язны-й-ма-ш-ис	къатI-ыл-м-ыс и т. д.

В рутульском языке при склонении имен существительных множественного числа формант множественности в косвенных падежах:

а) остается неизменным:

Ном.	ул-абыр «руки»	шу-бе «братья»
Эрг.	ул-абыр-м-ыра	шу-бе-ш-е
Ген.	ул-абыр-м-ыд	шу-бе-ш-ды
Дат.	ул-абыр-м-ыс	шу-бе-ш-ис и т. д.

б) выпадает:

Ном.	укь-быр «травы»	кIабал-быр «группы»
Эрг.	укь-м-ыра	кIабал-м-ыра

Ген.	укь-м-ыд	кҭабал -м-ыд
Дат.	укь-м-ыс	кҭабал-м-ыс и т. д.

в) сохраняется в усеченном виде
(усекается согласный форманта *-p-*):

Ном.	дид-абар «отцы»	чҭабал-ар «бараны»
Эрг.	дид-аба-ш-е	чҭабал-а-ш-е
Ген.	дид-аба-ш-ды	чҭабал-а-ш-ды
Дат.	дид-аба-ш-ис	чҭабал-а-ш-ис и т. д.

Между основой и вставочным элементом в косвенных основах могут появляться соединительные гласные:

Ном.	хьыв-быр «хлеба»	хьҭр-быр «груши»
Эрг.	хьыв-ы-м-ыра	хьҭр-и-м-ыра
Ген.	хьыв-ы-м-ыд	хьҭр-и-м-ыд
Дат.	хьыв-ы-м-ыс	хьҭр-им-ыс и т. д.

При общности материальной базы вставочных элементов диалектов рутульского языка, мы обнаружили многочисленные случаи несовпадения вставочных элементов в одних и тех же именах существительных разных диалектов и случаи их отсутствия в некоторых диалектных словах.

Так, при наблюдении над склонением имен существительных в мюхрекском диалекте выявляются вставочные элементы, отсутствующие в структуре аналогичных форм в литературном языке:

Мюхр. д.		Мух. д.
Ном.	руд «кишка»	руд
Эрг.	руд-ий-ир (/и-ира)	руд-ара
Ген.	руд-ий-ид	руд-ад
Дат.	руд-ий-ис	руд-ас и т. д.

В то же время выявляются случаи присутствия в косвенной основе имен существительных мухадского диалекта вставочных элементов при отсутствии их в других ареальных единицах:

Мух. д.	Шин. д.
ары-д-и (инессив) «в промежутке»	арие
сикҭ-ир-ис (датов) «лисе»	сикҭис
илсын-д-ис (датов) «человеку»	илсанас
уьлики-д-и (инессив) «на улице»	уьлкие

Подобные случаи выявлены и в борчинско-хновском диалекте:

Мух. д.	Хнов. г.
Ном.	хыди «друг, кузен»
	хыдий

Эрг.	хыди-й-ере	хыди-ра
Ген.	хыди-е-ед	хыди-д
Дат.	хыди-й-ес	хыди-с и т. д.

Примечательно, что при склонении во мн. числе вставочный элемент *-й-* выявляется и в мухадском диалекте, и в хновском говоре:

	Мух. д.	Хнов. г.
Ном.	хыдиймар «друзья, кузены»	хыдийма
Эрг.	хыди-й-ма-ш-е	хыди-й-ма-ш-а
Ген.	хыди-й-ма-ш-ды	хыди-й-ма-ш-ид
Дат.	хыди-й-ма-ши-с	хыдий-ма-ш-ис и т. д.

Мы обнаружили несколько случаев наличия в шиназском диалекте вставочных элементов, не характерных для аналогичных форм слов мухадского диалекта. Эти случаи были связаны со склонением заимствований во множественном числе:

Шин. д.	Мух. д.
фитн-ый-м-ыс «сплетням»	фитне-м-ыс
мичІр-ий-м-ыс «усам»	мичІри-м-ыс
уджу-д-ий-м-ыс «святыням»	уджуу-м-ыс

Последний пример уникален тем, что в его структуре содержатся, кроме традиционного вставочного элемента неодушевленных существительных мн. ч. *-м-*, еще и элемент *-д-*, перешедший в структуру формы мн. ч. из структуры ед. ч. (что не является нормой для других диалектов рутульского языка), и элемент *-ий-*, не выявляющийся при склонении этого слова в других ареальных единицах.

Интересны случаи употребления разных вставочных элементов в аналогичных словах мухадского и мюхрекского диалектов (мухадскому *-ал-* противопоставляется мюхрекский элемент *-ур-*):

	Мух. д.	Мюхр. д.
Ном.	нагъв «слеза»	нагъ
Эрг.	нагъв-ал-ыра	нагъ-ур-ур (/ура)
Ген.	нагъв-ал-ды	нагъ-ур-ды
Дат.	нагъхв-ал-ыс	нагъ-ур-ус и т. д.

Подобные случаи противопоставления двух разных вставочных элементов *-ел-* и *-ир-* выявляются и в паре мухадский/борчинско-хновский диалекты:

	Мух. д.	Хнов. г.
Ном.	нетІ «гнида»	нетІ
Эрг.	нетІ-ел-ире	нетІ-ир-ир

Ген.	нетI-ел-ды	нетI-ир-ды
Дат.	нетI-ел-ис	нетI-ир-ис и т. д.

В паре мухадский//шиназский диалекты нами выявлены примеры противопоставления вставочных элементов *-д-* и *-й-*:

Мух. д.		Шин. д.
Ном.	нисе «сыр»	нисе
Эрг.	ниси-д-ире	ниси-й-ре
Ген.	ниси-д-д	ниси-й-ды
Дат.	ниси-д-ис	ниси-й-с и т. д.

в той же паре в ареальных единицах обнаружено противопоставление вставочных элементов *-ыл-* и *-д-*:

Мух. д.		Шин.д.
Ном.	къат «камень»	къат
Эрг.	къат-ыл-ыра	къат-д-ире
Ген.	къат-ыл-ды	къат-д-иды
Дат.	къат-ыл-ыс	къат-д-ис и т. д.

Склонение субстантивированных имен прилагательных

Имя прилагательное в рутульском языке, по мнению исследователей, находится в процессе становления. Оно формируется «из имен существительных и некоторых глаголов при помощи суффиксов категории притяжательности, форманты которой участвуют также в образовании причастий [Махмудова 2001: 180].

Мнения исследователей по вопросу о наличии в рутульском языке краткой формы прилагательных расходятся: Г. Х. Ибрагимов пишет, что в рутульском языке «некоторые полные прилагательные с суффиксом *-д* (*//-vd*, *-dv*, *-vdv*) имеют краткую форму. В качестве суффиксов у кратких прилагательных, как правило, выступают гласные *-а*, *-аь*, *-у* и др.» [Ибрагимов 1978: 70–71]; С. М. Махмудова считает, что прилагательные рутульского языка употребляются только в полной форме [2001: 180].

Мы придерживаемся точки зрения Г. Х. Ибрагимова, подкрепленной пояснением о том, что «дифференциация полных и кратких прилагательных основана не только на употреблении различных суффиксов, но и на семантическом различии их: полные прилагательные передают постоянные качества, а также приобретенные свойства, имеющие постоянный характер; краткие прилагательные передают временное состояние, а также преходящее качество» [1978: 71]. Мы

полагаем, что эта точка зрения отражает современное состояние рутульской морфологии.

Выступая в качестве определения к существительным, имена прилагательные рутульского языка не различают категорий числа и падежа:

Ном.	ирды бычI «красный цветок»	ирды бычIбыр
Эрг.	ирды бычI-ире	ирды бычIи-м-ыра
Ген.	ирды бычI-ид	ирды бычIи-м-ыд
Дат.	ирды бычI-ис	ирды бычIи-м-ыс и т. д.

Субстантивированные прилагательные различают категорию числа и падежа. Склонение как в ед., так и во мн. числе дифференцируется по признаку разумности/неразумности. У субстантивированных прилагательных ед. числа I и II классов в косвенных падежах к основе номинатива присоединяется вставочный элемент *-ний-* (*-ну*, *-ни*, *-на*), у субстантивированных прилагательных ед. числа III и IV классов – вставочный элемент *-д-* (*-ви*).

Г. Х. Ибрагимов полагал, что «Более архаичным является противопоставление в прилагательных с классной дифференциацией I, II и III классов (*-ний-*) IV классу (*-дий-//-ди-*). Оппозиция по группам личности (*-ний-*) и неличности (*-дий-//-ди-*) в неклассных прилагательных вторична, хотя она присуща и языку-основе» [2004: 260].

На современном этапе развития в диалектах рутульского языка классные и неклассные прилагательные склоняются одинаково, противопоставляясь вставочными элементами косвенной основы, характерными для классов личности (I и II) и классов неличности (III и IV).

Вставочные элементы субстантивов прилагательных и числительных отличаются фонетической вариативностью:

Мухадский диалект

I, II классы		III, IV классы	
Ном.	кукды «толстый»	кукды	
Эрг.	кукды-ний-э	кукды-д-ире	
Ген.	кукды-ний-ды	кукды-д-ид	
Дат.	кукды-ний-ис	кукды-д-ис и т. д.	

Особенностью шиназского диалекта является присоединение при оформлении косвенной основы субстантивов в единственном числе вставочного элемента *-на-* к основе номинатива I и II классов; к основе III и IV классов традиционно присоединяется вставочный элемент *-д-*:

Шиназский диалект

I класс	IV класс
Ном. йыхды «хороший»	йыхды
Эрг. йыхды-на-(ра)	йыхды-д-ире
Ген. йыхды-на-ды	йыхды-д-ид
Дат. йыхды-на-с	йыхды-д-ис и т. д.

Мюхрекский проявляет своеобразие в оформлении косвенной основы субстантивов в единственном числе, присоединяя вставочный элемент *-ну-* к основе номинатива I и II классов и вставочный элемент *-й-* или *-д-* к основе III и IV классов. Отметим, что вставка *-й-* в структуре субстантивов других диалектов рутульского языка не встречается.

При склонении субстантивированного прилагательного мюхрекского диалекта *ъыхыд* «хороший», которое сохраняет формант прилагательного *-д-* в косвенной основе, наблюдается замена традиционного элемента *-ди-* косвенной основы субстантивов III и IV классов элементом *-й-/йи-*:

	I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном.	ъыхды	рыхды	выхды	ъыхды
Эрг.	ъыхды-ну-ра	рыхды-ну-ра	выхди-й-ра	ъыхди-й-ра
Ген.	ъыхды-ну-д	рыхды-ну-д	выхди-й-ид	ъыхди-йи-д
Дат.	ъыхды-ну-с	рыхды-ну-с	выхди-й-ис	ъыхди-йи-с

Примеры демонстрируют, что в мюхрекском диалекте прилагательные сохранили классную дифференциацию.

Элемент *-й-* выявляется и при склонении субстантива *джегварды* «белый»:

I класс	III класс
Ном. джегварды	джегварды
Эрг. джегварды-ну-р	джегварды-й-ир
Ген. джегварды-ну-ды	джегварды-й-ид
Дат. джегварды-ну-с	джегварды-й-ис

В мюхрекском диалекте параллельно функционирует и вставочный элемент *-д-*. При этом формант прилагательного *-д/-vd* в косвенной основе усекается, а маркеры класса (если они имелись в номинативе) сохраняются. Ср. прилагательное *члукуд* «согнутый, кривой»:

	I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном.	- члукуд	члурукуд	члувукуд	члукуд
Эрг.-	члуку-ну-ра	члуруку-ну-ра	члувуку-ди-раъ	члуку-ди-раъ
Ген.-	члуку-ну-д	члуруку-ну-д	члувуку-ди-д	члуку-ди-д
Дат.-	члуку-ну-с	члуруку-ну-с	члувуку-ди-с	члуку-ди-с

В остальных случаях мюхрекский диалект проявляет близость к мухадскому диалекту в склонении субстантивов, так как в нем дифференциация склоняемых форм наблюдается по признаку разумности/неразумности: в единственном числе субстантивы I и II классов присоединяют элемент *-ну-*, а субстантивы III и IV классов – элемент *-д-*, *-й-*.

Выше мы отмечали, что прилагательные в рутульском языке, за редким исключением, не имеют формально классной дифференциации. Это положение верно для мухадского диалекта, в котором показатели класса, сохранившиеся в некоторых примерах (*гьархыд* «высокий», *тлалхьыд* «грязный», *члудкыд* «крепкий», *члукуд* «кривой» и т. д.), представлены и в формах косвенных падежей. Для прилагательных ед. числа характерны следующие классные показатели: I кл. — \emptyset -, *-р-*; II кл. — *-р-*, *-л-*; III кл. — *-б*, *-в*, IV кл. — \emptyset -, *-д-*. Ниже мы приводим парадигмы склонения прилагательного *гьархыд* «высокий»:

Мухадский диалект

	I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном.	гьархыд	гьархыд	гьабхыд	гьадхыд
Эрг.	гьархыд-ний-э	гьархыд-ний-э	гьабхыд-д-ире	гьадхыд-д-ире
Ген.	гьархыд-ний-ды	гьархыд-ний-ды	гьабхыд-д-ид	гьаддхыд-д-ид
Дат.	гьархыд-ний-ис	гьархыд-ний-ис	гьабхыд-д-ис	гьадхыд-д-ис

В ихрекском диалекте вставочному элементу *-ний-*, характерному для косвенной основы субстантивов I и II кл. мухадского диалекта, соответствуют *-ну-* (для основ субстантивов I класса) и *-ни-* (для основ субстантивов II, III и IV классов). Это единственный диалект, не обнаруживающий при склонении субстантивов вставочного элемента *-д-*. Кроме того, в ихрекском диалекте при склонении субстантивов падежные формы I класса противопоставлены формам остальных классов, что нарушает стройную систему противопоставления склоняемых форм субстантивов по принципу разумности-неразумности.

Рассмотрим на примере склонения субстантива *гьыхды* «хороший»:

Ихрекский диалект

	I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном.	гьыхды	рьыхды	вьыхды	гьыхды
Эрг.	гьых-ну-ра	рьых-ни-ра	вьых-ни-ра	гьых-ни-ра
Ген.	гьых-ну-ды/-д	рьых-ни-ды/-д	вьых-ни-ды/-д	гьых-ни-ды/-д
Дат.	гьых-ну-с	рьых-ни-с	вьых-ни-с	гьых-ни-с

В ихрекском диалекте прилагательное *зь(р-, в-)ыхды* сохранило классные показатели. Маркер *зь-* является совпадающим для I и IV классов. Показатель атрибутивности *-ды* выявляется лишь в форме номинатива. Фонетически близкие вставочные элементы противопоставлены не в зависимости от принадлежности субстантивов к разумным или неразумным именам (как в случае с мухадским диалектом), а формально: *-ну-* оформляет основы субстантивов I класса, а показатель *-ни-* – основы II, III и IV классов.

Для сравнения приведем пример склонения субстантива *йыхды* «хороший» в мухадском диалекте:

Мухадский диалект			
I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном. йыхды	йьыхды	йыхды	йыхды
Эрг. йыхды-ний-е	йыхды-ний-е	йыхды-д-ире	йыхды-д-ире
Ген. йыхды-ний-ды	йыхды-ний-ды	йыхды-д-ид	йыхды-д-ид
Дат. йыхды-ний-ис	йыхды-ний-ис	йыхды-д-ис	йыхды-д-ис

Парадигма склонения субстантива *йыхды* «хороший» в мухадском диалекте демонстрирует полное совпадение форм I, II классов (оформленных вставочным элементом *-ний-*) и III, IV классов (оформленных вставочным элементом *-д-* во всех падежных формах). Кроме того, в структуре всех падежных форм сохраняется показатель прилагательного (он же – показатель атрибутивности) *-ды*, что не является нормой для других ареальных единиц рутульского языка.

Во всех диалектах рутульского языка при склонении во множественном числе к основе номинатива субстантивированных прилагательных, семантически связанных с группой личности, присоединяется (после усеченного форманта множественности) вставка *-ш-*, к основе прилагательных III и IV классов – вставка *-м-*:

Мухадский диалект	
Ном. мыкдыбыр «холодные»	мыкдыбыр
Эрг. мыкды-би-ш-е	мыкды-м-ыра
Ген. мыкды-би-ш-ды	мыкды-м-ыд
Дат. мыкды-би-ш-ис	мыкды-м-ыс и т. д.

Склонение имен числительных

Имя числительное в диалектах рутульского языка имеет следующие разряды: количественные, порядковые, дробные, собирательные, распределительные.

Количественные и порядковые числительные имеют изменяемые классные показатели: I и II кл. – *-р*, III кл. – *-б*, IV кл. – *-д*. Примеры: I и II кл. – *кьвал-р* «два», *кьвал-р-хьусды* «второй», III кл. – *кьвал-б*, *кьвал-б-хьусды*, IV кл. – *кьвал-д*, *кьвал-д-хьусды*.

Числительное *са* «один» утратило классные показатели.

В составных числительных от 12 до 19 по классам изменяется вторая часть основы, в сложных числительных классное согласование имеет только конечное числительное: I, II кл. – *цьырыхьы-р* «шестнадцать», *хьибцьырна хьобы-р* «тридцать три»; III кл. – *цьырыхьы-б*, *хьибцьырна хьиб*; IV кл. – *цьырыхьы-д*, *хьибцьырна хьобы-д*.

В числительных от 30 до 90, состоящих из десятков, классные показатели не сохранились, общим для всех классов является *-р* – *рыхьцьыр* «шестьдесят», *йогьцьур* «сорок» и т. д. Числительные *веш* «сто» и *гьагьзыр* «тысяча» не имеют экспонентов класса. Аналогично изменяются по классам и порядковые числительные

Имена числительные в атрибутивной функции не склоняются. При самостоятельном употреблении числительные изменяются по падежам, а порядковые числительные – и по числам.

При склонении количественные числительные I и II классов присоединяют в косвенных падежах, подобно прилагательным, в мухадском диалекте вставочный элемент *-ний*, в шиназском и борчинско-хновском диалектах – элемент *-на*, в мюхрекском диалекте – вставку *-ну*, а в ихрекском диалекте происходит противопоставление показателя I класса *-ну* вставочным элементам трех остальных классов *-ни*; числительные III и IV классов во всех диалектах, кроме ихрекского (для которого характерен маркер *-ни*), принимают вставочный элемент *-д-*:

Мухадский диалект

Ном.	йукьур «четыре» (I, II кл.)	йукьуб (III кл.)
Эрг.	йукь-ний-э	йукь-д-ире
Ген.	йукь-ний-ды	йукь-д-ид
Дат.	йукь-ний-ис	йукь-д-ис и т. д.

Примеры демонстрируют, что классные показатели при склонении имен числительных часто усекаются.

Шиназский диалект

Ном.	хьур «пять» (I, II кл.)	хьуды (IV кл.)
Эрг.	хьур-на	хьут-д-ире
Ген.	хьур-на-ды	хьут-д-ид
Дат.	хьур-на-с	хьут-д-ис и т. д.

Формы косвенных падежей количественных числительных *са* «один» и *къвалд* «два» интересны с точки зрения исследования процессов, происходящих в их основах:

Мухадский диалект

Ном.	са (I, II кл.),	са (III, IV кл.)
Эрг.	сы-ний-э	сын-д-ире
Ген.	сы-ний-ды	сын-д-ид
Дат.	сы-ний-ис	сын-д-ис и т. д.

Ном.	къвалр «два» (I, II кл.)	къвалб (III кл.),
Эрг.	къуI-ний-э	къуIn-д-ире

Ген.	къуI-ний-ды	къуIn-д-ид
Дат.	къуI-ний-ис	къуIn-д-ис и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	къвалр «два» (I кл.)	къвалр, къвалб, къвалд (II, III, IV кл.)
Эрг.	къуI-ну-ра	къуI-ни-раь
Ген.	къуI-ну-ды	къуI-ни-ды
Дат.	къуI-ну-с	къуI-ни-с и т. д.

Утрата лабиализации согласного *къ* в косвенных падежах числительного *къвалд* «два» компенсировалась переходом *-aI-* в лабиализованный *-yI-*. Перед вставкой *-д-* у числительного *къвалд* «два» показатели III и IV классов *-б-* и *-д-* перешли в *-н-*. Присутствие экспонента *-н-* в косвенной основе числительного *са* «один» доказывает факт наличия в нем ранее соответствующих классных показателей (*-б-* и *-д-*). Подтверждением этому может служить и то, что в близкородственных цахурском (по свидетельству Г. Х. Ибрагимова), будухском и крызском языках (по сведениям Р. М. Шаумяна) числительное «один» оформлено классными показателями: в цахурском языке – «*са-р(-б, -д)*» [Ибрагимов 1990: 94]; в будухском – «*I. Sad, -r, -в*» [Шаумян 1940: 167]; в крызском – «*I. Sad, -r, -в*» [Там же: 175]. В агульском и лезгинском языках это числительное сохранило окаменелый классный показатель *-д* – *сад* «один».

При склонении порядковых числительных показатели III и IV классов в косвенных падежах ед. числа, как и в номинативе, дифференцированы, что не характерно для количественных числительных:

Мухадский диалект

Ном.	йывырхусды «седьмой/-ая» (I, II кл.)	йывыбхусды (III кл.)
Эрг.	йывырхусды-ний-э	йывыбхусды-д-ире
Ген.	йывырхусды-ний-ды	йывыбхусды-д-ид
Дат.	йывырхусды-ний-ис	йывыбхусды-д-ис и т. д.

Ном. йывыдхъусды (IV кл.)
 Эрг. йывыдхъусды-д-ире
 Ген. йывыдхъусды-д-ид
 Дат. йывыдхъусды-д-ис и т. д.

При склонении порядкового числительного *сахъусды* «первый» показатели III и IV классов в косвенных падежах ед. числа не дифференцированы, что обусловлено отсутствием у этого числительного классного показателя:

Мюхрекский диалект

Ном. сахъусды «первый/-ая» (I, II кл.)	сахъусды (III, IV кл.)
Эрг. сахъусды-ну-р	сахъусды-д-ир
Ген. сахъусды-ну-д	сахъусды-д-ид
Дат. сахъусды-ну-с	сахъусды-д-ис и т. д.

Во всех диалектах рутульского языка порядковые числительные склоняются, присоединяя во множественном числе вставку *-ш-* к основе I, II классов и вставку *-м-* к основам III и IV классов. Для всех порядковых числительных, кроме числительного *сахъусды* «первый(-ая)», экспонентом всех классов во множественном числе является *-д-*:

Мухадский диалект

«седьмые»

Ном. йывыдхъусдыбыр (I, II кл.)	йывыдхъусдыбыр (III, IV кл.)
Эрг. йывыдхъусдыби-ш-е	йывыдхъусды-м-ыра
Ген. йывыдхъусдыби-ш-ды	йывыдхъусды-м-ыд
Дат. йывыдхъусдыби-ш-ис	йывыдхъусды-м-ыс и т. д.

Мюхрекский диалект

«первые»

Ном. сахъусдыбыр (I, II кл.)	сахъусдыбыр (III, IV кл.)
Эрг. сахъусдыби-ш-е	сахъусды-м-ыра
Ген. сахъусдыби-ш-ды	сахъусды-м-ыд
Дат. сахъусдыби-ш-ис	сахъусды-м-ыс и т. д.

Склонение местоимений

В рутульском языке представлены личные, возвратные, указательные, определительные, вопросительные, относительные и неопределенные местоимения.

Склонение личных местоимений и возвратного местоимения мы считаем целесообразным осветить подробно, т. к. оно имеет свои отличительные особенности.

В рутульском языке представлены личные местоимения I и II лица, для выражения III лица употребляются указательные местоимения *гъа* «он, она, оно, тот» и *гъабыр* «они, те». Собственно личные местоимения имеют ед. и мн. число, причем мн. число образуется супплетивным способом. В именительном падеже ед. и мн. числа личные местоимения имеют чистую основу:

мух. д. *зы* «я», *вы* «ты», *йэ* «мы», *ве* «вы»;
 ихр. д. *зы* «я», *гъу* «ты», *йи/жи* «мы», *жу* «вы»;
 шин. д. *зы* «я», *гъу* «ты», *жи* «мы», *жу* «вы»;
 мюхр. д. *зы* «я», *вы* «ты», *жи* «мы», *жу* «вы»;
 борч. г. *йи* «я», *гъу* «ты», *йанур* (инкл.) / *йухъІнаьр* (экскл.) «мы»,
ваь «вы»;
 хнов.г. *йи* «я», *гъу* «ты», *йуІхъуІмбы* «мы», *ви* «вы»;

Система личных местоимений ихрекского и шиназского диалектов максимально близки, за исключением того, что в ихрекском диалекте имеются инклюзивная и эксклюзивная формы местоимения мн. ч.: *йи* «мы» – *жи* «мы».

Противопоставлены инклюзив *йанур* «мы» и эксклюзив *йухъІнар* «мы» в борчинском говоре, что было засвидетельствовано Г. Х. Ибрагимовым [1978: 258].

В монографии С. М. Махмудовой также приведены две формы личного местоимения I лица мн. числа: *йе* «мы без вас», *йе-ваІ* «мы с вами» (букв. *йэ* «мы», *ве* «вы» – *йэ-ве* «мы-вы»), характеризующие становление форм инклюзива и эксклюзива [2001: 169].

Рассмотрим парадигмы склонения личных местоимений в диалектах рутульского языка:

Мухадский диалект			
Ном. зы «я»	вы «ты»	йэ «мы»	ве «вы»
Эрг. за	ва	йэ	ве
Ген. из-ды	вы-ды	ихь-ды	выхь-ды
Дат. за-с	ва-с	йэ-с	ве-с и т. д.
Мюхрекский диалект			
Ном. зы «я»	вы «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг. за-д	ва-д	жаь-д	жваь-д
Ген. из-ды	вы-ды	иш-ды	уьш-ды
Дат. за-с	ва-с	жаь-с	жваь-с и т. д.

Шиназский диалект

Ном. зы «я»	гъу «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг. зы-й	гъу-й	жи-йэ	жу-йэ
Ген. из-ды	вы-ды	иш-ды	уш-ды
Дат. за-с	ва-с	же-с	жве-с и т. д.

Ихрекский диалект

Ном. зы «я»	гъу «ты»	йи/жи «мы»	жу «вы»
Эрг. зы-й	гъу-й	йе-тти/же-тти	жу-йэ
Ген. йиз-ды/-ыд	йугъ-ды/-уд	йихъ-ды/-ид	йуьш-ды/-уьд
Дат. за-с	гъва-с	йе-с/же-с	жве-с и т. д.

Форма генитива инклюзива и эксклюзива *йи/жи* «мы» совпала в одной форме *йихъ-ды/-ид* с вариативностью аффикса генитива *ды/-ид*, характерной для склоняемых форм этого диалекта.

Борчинский говор

Ном. йи «я»	гъу «ты»
Эрг. йи-дж	гъу-дж
Ген. йи-хьды	гъу-ды
Дат. йа-с	гъва-с и т. д.

Ном. йанур/йухъІнаьр «мы»	ви «вы»
Эрг. йану-джаь/йухъ-чаь	ви-дж
Ген. йану-ду/йухъІш-дуь	выхъ-ыд
Дат. йан-ус/йаІхъч-ус	ве-с и т. д.

Хновский говор

Ном. йи «я»	гъу «ты»
Эрг. йи-дж	гъу-дж
Ген. йиш-ид	йугъу-д
Дат. йа-с	гъва-с и т. д.

Ном. йуІхъуІмбы «мы»	вуІхънар «вы»
Эрг. йиджнев-ир	вуІхъ-джаь
Ген. йихъдинев-ид	выІхъ-ды/-ыд
Дат. йаснев-ис	ваІхъч-уьс и т. д.

Г. Х. Ибрагимов восстанавливает формы инклюзива и эксклюзива для местоимения 2-го лица мн. ч. *ви*: «...местоимение *выІ* <*вы+н-аьр* в борч.-хин. диалекте должно было соответствовать инклюзиву, ср. *йа+н-ур* «мы» – инклюзив; переосмысление местоимения *выІ* «вы» в значении эксклюзива, возможно, связано с выпадением форманта множественности *-аьр* и детерминанта *-н-*) *вухънаьр*

«вы» (инклюзивная форма; здесь также имеет место языковая аномалия: эксклюзивная форма переосмыслена как инклюзив)» [2004: 208].

Анализ языкового материала показывает, что в ареальных единицах рутульского языка противопоставлены две основы личного местоимения I лица ед. ч.: *зы* (в мухадском, шиназском, ихрекском и мюхрекском диалектах) и *йи* (в обоих говорах борчинско-хновского диалекта). Наличие местоимения *зы* не вызывает вопросов, т. к. оно является общим для языков лезгинской группы: *зы* (цах.), *зын* (крыз., буд.), *зун* (лезг., агул.), *изу* (таб.), *зу* (удин.), *зон* (арчин.). Сравнение личных местоимений показывает, что в рутульском языке в номинативе отсутствует конечный показатель *-н-*, характерный для лезгинского, агульского, крызского и будухского языков.

Основа *йи* «я», характерная для говоров борчинско-хновского диалекта, перекликается по фонетическому оформлению с местоимением *йэ* «мы» мухадского диалекта и совпадает с формой инклюзива *йи* «мы» ихрекского диалекта. Ни в родственных языках, ни в других ареальных единицах рутульского языка основа *йи* или её фонетические варианты в значении «я» не представлены. По мнению Г. Х. Ибрагимова, *йи* восходит к основе личного местоимения инклюзива *йин* «мы» в крызском и будухском языках. Далее исследователь отмечает, что «в борч.-хин. диалекте от местоимения *йи* «я» посредством форманта множественности образуется местоимение *йанур* «мы», где восстанавливается исходная основа *йан*» [Ибрагимов 2004: 210].

Местоимение *мы* в диалектах представлено основами *йэ* (мух. д.), *йи/жи* (ихр. д.), *жи* (шин. и мюх.д), *йуIхъуIмбы* (борч. г.), *йанур//йухъIнаьр* (хнов. г.). Ранее мы писали о предполагаемом происхождении *йи*, *йэ* из основы личного местоимения инклюзива *йин* «мы» в крызском и будухском языках. Борчинско-хновские основы *йуIхъуIмбы* и *йанур//йухъIнаьр* образованы от той же основы морфологическим способом – присоединением формантов множественности. Основа *жи*, выявляющаяся в шиназском, мюхрекском и ихрекском диалектах, имеет материальные общности в родственных языках: *жин* «мы» в крызском и будухском языках и *ши* «мы» в цахурском языке.

Основа местоимения II л. ед. ч. в ареальных единицах более-менее однородна и содержит лабиализацию – либо согласный *в*, либо гласный *у*: *вы* в мухадском и мюхрекском; *гъу* в трех остальных диалектах.

Местоимение II л. мн. ч. представлено основами *вы* в мухадском, *ви* в хновском говоре, *жу* в ихрекском, мюхрекском и шиназском и сложной основой *вуIхънар* в борчинском говоре.

Формы эргатива в говорах борчинско-хновского диалекта оформляются аффиксом *-дж/-джv*, который, по мнению Г. Х. Ибрагимова, этимологически восходит к *д/-dv* [2004: 212]. В мюхрекском диалекте выявляется сходное оформление эргатива аффиксом *-д* (*за-д* «я», *ва-д* «ты», *жаьд* «мы», *жваь-д* «вы»), который в ареальных единицах рутульского языка традиционно оформляет форму генитива. В данном случае не является исключением и мюхрекский диалект – эргатив в нем оформляется аффиксом *-д*, а генитив – аффиксом *-ды* (примеры форм генитива: *из-ды*, *вы-ды*, *иш-ды*, *уьш-ды*). В шиназском и ихрекском диалектах маркером эргатива личных местоимений выступает *-й*. Кроме того, в ихрекском диалекте в форме эргатива *йе-тти//же-тти* «мы», в отличие от других ареальных единиц рутульского языка, наблюдается вариант аффикса *-тти*.

Таким образом, сравнительный анализ форм парадигм склонения личных местоимений в диалектах рутульского языка позволил выявить следующие аффиксы основных падежей:

диалекты \ падежи	номинатив	эргатив	генитив	датель
мухадский	--	--	-ды	-с
шиназский	--	-й	-ды	-с
мюхрекский	--	-д	-ды	-с
ихрекский	--	-й, -тти	-ды/-vd	-с
борчинско-хновский	--	-дж	-dv	-с/-vc

Таблица демонстрирует единство в оформлении форм генитива и датива в ареальных единицах и максимальные различия в оформлении эргатива: отсутствие маркировки в мухадском, наличие различных аффиксов эргатива в остальных диалектах, два аффикса эргатива (*-й*, *-тти*) в ихрекском диалекте.

В мухадском диалекте личные местоимения ед. числа в косвенных падежах подвергаются изменениям: гласный прямой основы *-ы* в эргативном падеже переходит в *-а*, который повторяется далее во всех падежах, кроме родительного. Таким образом, здесь основой для образования косвенных падежей является форма эргативного падежа. Отличительная особенность склонения личных местоимений мн. числа в мухадском диалекте – совпадение форм именительного и эргативного падежей, что не является нормой для морфологии рутульского языка. Эта общая форма номинатива/эргатива служит основой для образования других падежей. Подобное явление в цахурском языке

отмечает Г. Х. Ибрагимов, с той лишь разницей, что в цахурском языке совпадают формы номинатива и эргатива личных местоимений и в ед., и во мн. числе:

«им. зы “я” ши “мы” гъу “ты” шу “вы”
 эрг. зы ши гъу шу...» (1990: 104).

По мнению А. Е. Кибрика, синкретизм номинатив/эргатива в личных местоимениях не является случайным совпадением, полученным в результате развития многих дагестанских языков, этот синкретизм – первичный факт их грамматических систем [Kibrik 1996: 25]. Комментируя этот вывод исследователя, С. М. Махмудова делает заключение о вторичности эргатива и первичности номинатива в рутульском языке, аргументируя это консервативностью местоимений как части именной лексики [2001: 169].

Возвратные местоимения в ед. числе имеют классную дифференциацию, как и в родственном цахурском языке. В рутульском языке в форме номинатива различаются все 4 класса:

диалект классы	мух. диалект	мюхр. диалект	цахский диа- лект цахурско- го языка	гельмецкий диалект цах. яз.
I	выдж	выж	вудж	гъуж
II	ридж	риж	йидж	йидж
III	видж	виж	вудж	вудж
IV	йидж	йиж	йидж	йидж

Основой косвенных падежей возвратного местоимения ед. числа в рутульском языке служит форма эргатива:

Ед. число			
Ном. выдж (I кл.) «сам»	ридж (II кл.)	видж (III кл.)	йидж (IV кл.)
Эрг. джу	джи	джи	джи
Ген. джу-ды	джи-ды	джи-ды	джи-ды
Дат. джу-с	джи-с	джи-с	джи-с и т. д.

При склонении возвратного местоимения ед. числа в косвенных падежах префиксальные классные показатели не сохраняются, I класс по оппозиции гласного основы противопоставляется остальным классам.

В мюхрекском диалекте в основе номинатива возвратного местоимения конечный *-дж* перешел в *-ж*, но при изменении по падежам компонент *-дж* восстанавливается во всех падежах:

Ном.	выж (I кл.)	риж (II кл.)	виж (III кл.)	йиж (IV кл.)
Эрг.	джу-р	джи-р	джи-р	джи-р
Ген.	джу-ды	джи-ды	джи-ды	джи-ды
Дат.	джу-с	джи-с	джи-с	джи-с

В цахурском языке также представлена оппозиция гласного основы в формах косвенных падежей возвратного местоимения I и II классов, при склонении же возвратного местоимения ед. и мн.ч. III класса в косвенных падежах выявляется косвенная основа на *-чи*:

	Ед. число		
Ном.	вудж (I кл.)	«сам» йидж (II кл.)	вудж (III кл.)
Эрг.	вудже	йидже	чин
Ген.	джу-на	дже-на	чи-на
Дат.	джу-с	дже-с	чи-с и т. д.

В рутульском языке во мн. числе все классные формы совпадают в одной – *джваІр*.

В цахурском языке форма мн. ч. для возвратного местоимения I и II классов – *джо*, для местоимения III и IV классов – *йиджбы*.

Возвратное местоимение мн. числа в ареальных единицах рутульского языка склоняется по II типу, присоединяя в косвенных падежах вставку *-ш-* и отражая при склонении лишь формы I и II классов

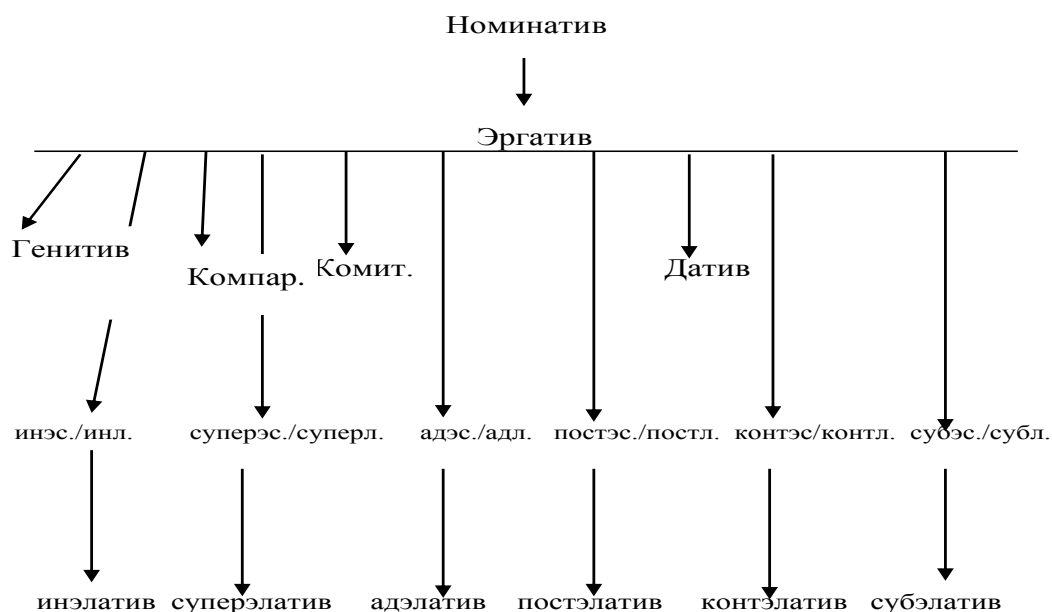
Мухадский диалект

Ном.	джваІр «сами»
Эрг.	- джваІр-ш-е
Ген.	джухь-ды
Дат.	джваІр-ш-ис и т. д.

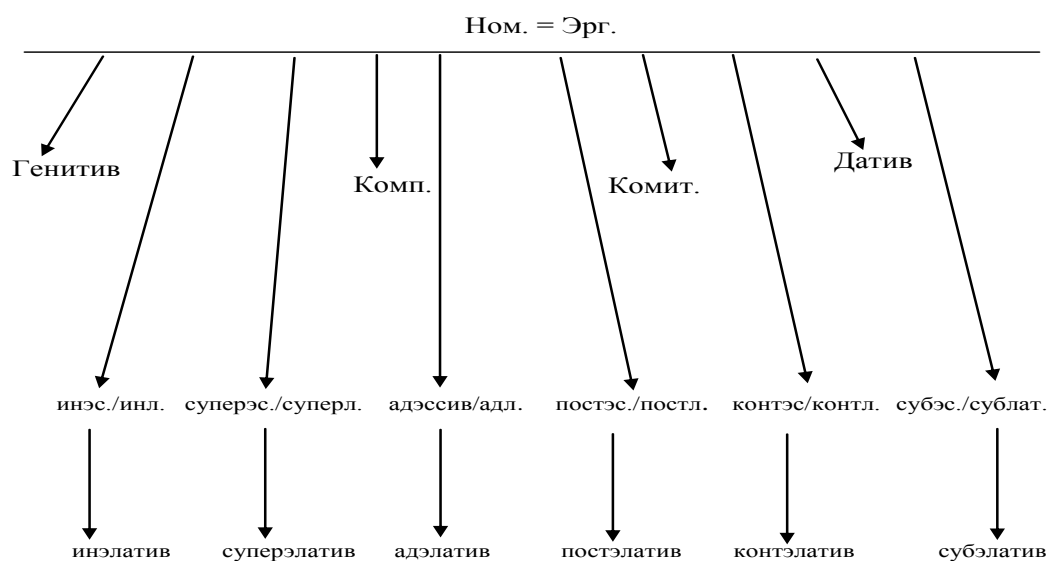
Тогда как в цахурском языке, по сведениям из монографии Г. Х. Ибрагимова, мы наблюдаем тип склонения с эргативной основой:

I, II кл.	III, IV кл.
Ном.	джо «сами»
Эрг.	джи-н
Ген.	джи-на
Дат.	джи-с и т. д. [1990: 105]

Из вышеизложенного становится очевидным, что при склонении возвратного и личных местоимений ед. числа в мухадском диалекте мы имеем дело с эргативным типом склонения, когда основой оформления косвенных падежей служит форма эргативного падежа. Схематически данный тип выглядит так:

Склонение личных местоимений мн. числа в мухадском диалекте, ввиду совпадения форм именительного и эргативного падежей, занимает промежуточное положение между I и эргативным типом склонения и имеет следующую схему:

Склонение указательных местоимений

Субстантивируясь, указательные, определительные и притяжательные местоимения склоняются подобно прилагательным и числительным, присоединяя вставочные элементы, противопоставленные для форм I, II и III, IV классов.

В рутульском языке представлены три указательных местоимения: *ми* «этот (находящийся рядом с говорящим)»;

гъа «тот (находящийся рядом со слушающим)» совмещает и семантику «он, она, оно»;

ти «тот (находящийся далеко от говорящего и слушающего)».

В борчинско-хновском, мюхрекском, ихрекском и шиназском диалектах указательные местоимения сохраняют морфемное оформление:

ихр. *миды, тинды, гъады*;

мюхр. *мид, ти, гъад*;

шин. *мид, ти, гъад*;

борч.-хнов *мид, чинды, гъавады*.

Таким образом, мухадский диалект противопоставлен другим ареальным единицам по оформлению основы номинатива указательных местоимений.

В мухадском диалекте при склонении местоимений ед. ч. обозначенных выше разрядов местоимений присоединяется вставка **-ний-** в падежных формах I и II классов и вставка **-д-** в косвенных падежах форм III и IV классов:

I, II кл.

Ном	ми «этот»	ти «тот»
Эрг.	ми-ний-э	ти-ний-э
Ген.	ми-ний-ды	ти-ний-ды
Дат.	ми-ний-ис	ти-ний-ис
Комп.	ми-ний-ихъаъ	ти-ний-ихъаъ
Комит.	ми-ний-ихъван	ти-ний-ихъван и т. д.

III, IV кл.

Ном.	ми «этот»	ти «тот»
Эрг.	ми-д-ире	тин-д-ире
Ген.	ми-д-ид	тин-д-ид
Дат.	ми-д-ис	тин-д-ис
Комп.	ми-д-ыхъаъ	тин-д-ыхъаъ
Комит.	ми-д-ыхъван	тин-д-ыхъван и т. д.

Элемент **-н-**, обнаруживающийся при склонении указательного местоимения *ти* «тот» III и IV классов, мы считаем экспонентом класса. Вероятно, в прошлом местоимение *ти* «тот» имело классные показатели, с развитием языка в прямой основе они утратились, а в косвенной основе перед вставкой **-д-** классные форманты **-б-** и **-д-** перешли в **-н-**. (Подобное явление наблюдалось и при склонении числительных *са* «один» и *къваId* «два».) Подтверждением данной точки зрения служит и наличие в диалектах рутульского языка указатель-

ных местоимений с финальным формантом *-д-*: *мид* «этот» в шиназском и мюхрекском диалектах, *гьад* «он, тот» в ихрекском диалекте, *чинды* «тот», (I, II кл.) в хновском говоре, *гьавады* «тот, та, то» (I, II, III кл.), *гьавад* (IV кл.) в борчинском говоре и т.д.

С. М. Махмудова склонна считать, что «этот реликт сохранился от суффикса инэссива единственного числа *ти-н-и*, от которого затем были образованы другие падежи, сохраняя данный инфикс» [2001: 170].

Хновский говор

Ном.	чинды (I, II кл.) «тот»	чинды (III, IV кл.)
Эрг.	чи-на-раь	чин-д-ираь
Ген.	чи-на-ды	чин-д-ид
Дат.	чи-на-ас	чин-д-ис

При склонении указательных местоимений ихрекский диалект проявляет своеобразие в оформлении косвенной основы:

Ном.	гьады (I, II, III кл.) «тот»	гьад (IV кл.) «тот»
Эрг.	гьа-ну-раь (I)	гьа-ний-раь (II, III, IV кл.)
Ген.	гьа-ну-ды (I)	гьа-ний-ды (II, III, IV кл.)
Дат.	гьа-ну-с (I)	гьа-ний-с (II, III, IV кл.)

Форма номинатива I, II, III кл. *гьады* противопоставлена форме IV кл. *гьад*, в остальных же падежах, напротив, форма I класса противостоит формам II, III, IV классов. Вставочный элемент *-ний-*, оформляющий в других ареальных единицах косвенную основу субстантивов I и II классов, в ихрекском диалекте выявляется в косвенной основе указательных местоимений II, III и IV классов, что не является нормой для дагестанских языков. Как правило, употребление вставочных элементов в косвенной основе мотивируется либо категорией одушевленности/неодушевленности (как в случае со склонением имен существительных множественного числа), либо категорией разумности/неразумности (как в случае со склонением субстантивов единственного и множественного числа). Полагаем, что противопоставление формы I класса формам остальных классов в ихрекском диалекте служит отголоском времени противопоставления класса мужчин всем остальным классам. Вставочный элемент *-ну-*, оформляющий косвенную основу субстантивов I класса, формально совпадает с элементом *-ну-*, оформляющим косвенную основу субстантивов I и II классов в мюхрекском диалекте, и фонетически близок к мухадскому *-ний-* и борчинско-хновскому *-на-*:

Мюхрекский диалект

	I, II кл.	III, IV кл.
Ном.	гъад «тот»	гъад
Эрг.	гъа-ну	гъа-д-аь
Ген.	гъа-ну-ды	гъа-д-ид
Дат.	гъа-ну-с	гъа-д-ис и т. д.

Хновский говор

	I, II кл.	III, IV кл.
Ном.	гъавады «тот»	гъавады
Эрг.	гъав-на-ра	гъав-д-ираь
Ген.	гъав-на-ды	гъав-д-ид
Дат.	гъав-на-с	гъав-д-ис и т. д.

Во множественном числе вышеприведенные местоимения также склоняются дифференцированно – на основании признака разумности/неразумности:

Мухадский диалект

Ном.	мибыр (I, II кл.) «эти»	мибыр (III, IV кл.)
Эрг.	миби-ш-е	ми-м-ыра
Ген.	миби-ш-ды	ми-м-ыд
Дат.	миби-ш-ис	ми-м-ыс и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	гъабыр «те» (I, II кл.)	гъабыр (III, IV кл.)
Эрг.	гъаби-ш-ра	гъам-м-ыра
Ген.	гъаби-ш-ды	гъам-м-ыды
Дат.	гъаби-ш-ис	гъам-м-ыс и т. д.

Хновский говор

Ном.	гъавадбы «те» (I, II кл.)	гъавадбы (III, IV кл.)
Эрг.	гъавад-мы-р	гъав-д-ираь
Ген.	гъавад-м-ыд	гъав-д-ид
Дат.	гъавад-м-ыс	гъав-д-ис и т. д.

Склонение притяжательных местоимений

Формы генитива местоимений одновременно являются притяжательными местоимениями, например:

от личных – *ихьды* «наш», *выды* «твой», *выхьды* «ваш»;
от возвратного – *джуды* (I кл.), *джиды* (II, III, IV кл.) «свой»;
от указательных – *минийды* (I, II кл.), *мидид* (III, IV кл.) «его» и т. д.

Ниже мы приводим парадигмы склонения притяжательных местоимений мухадского диалекта в ед. числе, в которых выявляются традиционный для разумных субстантивов вставочный элемент *-ний-* и характерный для неразумных субстантивов элемент *-д-*:

Ном.	ихьды «наш» (I, II кл.)	ихьды (III, IV кл.)
Эрг.	ихьды-ний-э	ихьды-д-ире
Ген.	ихьды-ний-ды	ихьды-д-ид
Дат.	ихьды-ний-ис	ихьды-д-ис и т. д.

Во мн. числе местоимения, приведенные выше, также склоняются, дифференцируясь на основании признака разумности/неразумности:

Ном.	минийдыбыр «его» (I, II кл.)	мидидбыр (III, IV кл.)
Эрг.	минийдыби-ш-е	мидид-м-ыра
Ген.	минийдыби-ш-ды	мидид-м-ыд
Дат.	минийдыби-ш-ис	мидид-м-ыс и т. д.

Ном.	ихьдыбыр «наши» (I, II кл.)	ихьдыбыр (III, IV кл.)
Эрг.	ихьдыби-ш-е	ихьды-м-ыра
Ген.	ихьдыби-ш-ды	ихьды-м-ыд
Дат.	ихьдыби-ш-ис	ихьды-м-ыс и т. д.

Склонение определительных местоимений

Ном.	мисед «такой» (I, II кл.)	мисед (III, IV кл.)
Эрг.	мисед-ний-э	мисед-д-ире
Ген.	мисед-ний-ды	мисед-д-ид
Дат.	мисед-ний-ис	мисед-д-ис и т. д.

Определительные местоимения I и II классов присоединяют после усеченного форманта множественности вставку *-ш-*, местоимения III и IV классов – вставку *-м-*.

Ном.	миседбыр «такие» (I, II кл.)	миседбыр (III, IV кл.)
Эрг.	миседби-ш-е	мисед-м-ыра
Ген.	миседби-ш-ды	мисед-м-ыд
Дат.	миседби-ш-ис	мисед-м-ыс и т. д.

Склонение вопросительных и относительных местоимений

Склоняемые формы вопросительных и относительных местоимений *выш* «кто» и *шыв* «что» (*выш? шыв?*) являются одновременно

и падежными вопросами. Косвенные падежи этих местоимений во всех ареальных единицах образуются супплетивным способом:

Мухадский диалект

Ном.	выш? «кто?»	шив? «что?»
Эрг.	гьал?	гьидире?
Ген.	гьалды?	гьидид?
Дат.	гьалыс?	гьидис? и т. д.

Шиназский диалект

Ном.	вуш (гьуш)? «кто?»	шив? «что?»
Эрг.	гьала?	йидире?
Ген.	гьалды?	йидид?
Дат.	гьалыс?	йидис? и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	выш? «кто?»	шив? «что?»
Эрг.	гьал?	гьидыра?
Ген.	гьалды//-ыд?	гьидыды//-ыд?
Дат.	гьалыс?	гьидыс? и т. д.

В формах эргатива, генитива и др. косвенных падежей местоимения *шив?* «что?» компонент *-д-*, характерный для других ареальных единиц, в мюхрекском диалекте переходит в *-й-*:

Мюхрекский диалект

Ном.	выш? «кто?»	шив? «что?»
Эрг.	гьала?	гьийра?
Ген.	гьалды?	гьийид?
Дат.	гьалыс?	гьийис? и т. д.

Хновский говор

Ном.	выш? «кто?»	шуу? «что?»
Эрг.	гьалыр?	йидыр?
Ген.	гьалды//-ыд?	йидыд?
Дат.	гьалыс?	йидис? и т. д.

Формы косвенных падежей местоимения *шив?* «что?» хновского говора характеризуются переходом традиционного для других ареальных единиц начального *гь-* в *й-*.

Г. Х. Ибрагимов приводит парадигмы склонения вопросительных местоимений во множественном числе:

«Им. вушер «кто»	шивдыбыр «какие»
Эрг. гьалдыби-ш-аь	шивдыби-ш-аь...» и т. д. [2004: 86].

Полагаем, что данная парадигма склонения демонстрирует косвенные падежи местоимений *гьалдыбыр?* «чьи?» и *шивдыбыр?* «какие?» и никак не соотносится с падежными формами реликтовых личных местоимений множественного числа.

Авторы «Рутульско-русского словаря...» К. Э. Джамалов и С. А. Семедов также приводят формы мн. ч. вопросительных местоимений в ихрекском диалекте: *вушер?* «кто», *шивыбыр?* «какие» [2006: 435].

Факты мухадского диалекта позволяют нам говорить о функционировании форм множественного числа вопросительных местоимений *вышер?* «кто?» и *шивбыр?* «что?» на современном этапе его развития только в разговорной речи.

В словосочетаниях с определительными местоимениями главный и зависимый компоненты примыкают друг к другу. Этот факт можно объяснить тем обстоятельством, что местоимение *гьалр* «каждый» склоняется при самостоятельном употреблении, а сочетается только с существительными единственного числа: *гьалр мулкь* «каждое село», *гьалр эдемед* (генитив) «каждого человека»; местоимение *сиене* «весь/вся, всё» склоняется субстантивирясь, сочетается, как правило, со всеми существительными множественного числа и с вещественными существительными единственного числа: *сиене халбыр* «все дома», *сиене даварашис* (дательный падеж) «всем животным (домашним)», *сиене хулр не сиене халред* «вся мука и всё масло». Для субстантивированного местоимения *сиене* «весь// вся, всё» характерна парадигма склонения только множественного числа, для местоимения *гьалр* «каждый» – парадигма склонения единственного числа.

Склонение субстантивированных причастий

Причастия, в отличие от прилагательных, полностью сохранили классную дифференциацию и имеют следующие показатели: I кл. – *-р-, -й-, -Ø-*; II кл. – *-р-*; III кл. – *-б-, -в-*; IV кл. – *-й-, -Ø-*.

Показатели I и IV классов, как правило, совпадают, и разграничить эти две формы представляется возможным лишь в косвенных падежах. Косвенная основа причастий, связанных со значением разумности, в ед. числе состоит в мухадском диалекте из формы именительного падежа + вставочный элемент *-ний-* + аффикс падежа. В шиназском и борчинско-хновском диалектах используется вставочный элемент *-на*, в мюхрекском диалекте – *-ну*, в ихрекском диалекте – для субстантивированных причастий I кл. вставочный элемент *-ну*, для субстантивированных причастий II кл. – вставочный элемент *-ни*.

Косвенную основу причастий, связанных со значением неразумности, составляет форма номинатива + вставочный элемент -*д*- + аффикс падежа.

Склонение причастий I и II классов

Мухадский диалект

Ном.	сахыд (I кл.) «спящий/-ая»	сархыд (II кл.)
Эрг.	сахыд-ний-э	сархыд-ний-э
Ген.	сахыд-ний-ды	сархыд-ний-ды
Дат.	сахыд-ний-ис	сархыд-ний-ис и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	йикьиды (I кл.) «умерший/-ая»	рикьиды (II кл.)
Эрг.	йикьид-ну-ра	рикьид-ни-ра
Ген.	йикьид-ну-ды	рикьид-ни-ды
Дат.	йикьид-ну-ис	рикьид-ни-с и т. д.

Склонение причастий III и IV классов

Косвенную основу причастий, связанных со значением неразумности, во всех диалектах составляет форма номинатива + вставочный элемент -*д*- + аффикс падежа, исключением является ихрекский диалект, где для в основе субстантивированных причастий III и IV классов выявляется вставочный элемент -*ни*.

Мухадский диалект

Ном.	сывхыд (III кл.) «спящий(-ая)»	сахыд (IV кл.)
Эрг.	сывхыд-д-ире	сахыд-д-ире
Ген.	сывхыд-д-ид	сахыд-д-ид
Дат.	сывхыд-д-ис	сахыд-д-ис и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	викьиды (III кл.) «умерший/-ая»	йикьид (IV кл.)
Эрг.	викьид-ни-ра	йикьид-ни-ра
Ген.	викьид-ни-ды	йикьид-ни-ды
Дат.	викьид-ни-ис	йикьид-ни-с и т. д.

Во всех диалектах рутульского языка субстантивированные причастия во мн. числе склоняются дифференцированно: причастия I и II классов в косвенной основе перед падежным аффиксом присоединяют вставку -*и*-, причастия III и IV классов – вставку -*м*-.

Мухадский диалект

Ном. садхыдбыр (I, II кл.) «спящие»		сахыдбыр (III, IV кл.)
Эрг. садхыдби-ш-е		сахыд-м-ыра
Ген. садхыдби-ш-ды		сахыд-м-ыд
Дат. садхыдби-ш-ис		сахыд-м-ыс и т. д.

Склонение масдарных форм глагола в рутульском языке

Масдар в рутульском языке обладает глагольными признаками: заключенным в глагольной основе значением переходности/непереходности, противопоставлением утвердительных и отрицательных форм при отсутствии основных спрягаемых категорий времени, наклонения и лица. Наряду с этими глагольными признаками, масдару присуща ориентация на категории числа и падежа. Формы масдара образуются от всех глаголов при помощи аффикса *-н* с огласовкой.

Масдарные формы ед. числа склоняются по I типу, характерному в рутульском языке только для некоторых существительных ед. ч. и масдарных форм (схема этого типа склонения нами представлена ранее):

Ном.	йирхьын «ходить»	сирьин «двигаться»
Эрг.	йирхьын-ире	сирьин-ире
Ген.	йирхьын-ид	сирьин-ид
Дат.	йирхьын-ис	сирьин-ис
Комп.	йирхьын-ыхъаь	сирьин-ыхъаь
Комит.	йирхьын-ыхъван	сирьин-ыхъван
Инэс./инлат.	йирхьын-а	сирьин-е
Инэлат.	йирхьын-аа	сирьин-аа
Суперэс./суперлат.	йирхьын-ыы	сирьин-ыы
Суперэлат.	йирхьын-ыы-лаа	сирьин-ыылаа
Адэс./адлат.	йирхьын-иде	сирьин-иде
Адэлат.	йирхьын-ида-а	сирьин-идаа
Постэс./постлат.	йирхьын-ыхда	сирьин-ыхда
Постэл.	йирхьын-ыхъ-лаа	сирьин-ыхълаа
Контэс./контлат.	йирхьын-ик'	сирьин-ик'
Контэлат.	йирхьын-ик'-лаа	сирьин-ик'лаа
Субэс./субл.	йирхьын-ихъде	сирьин-ихъде

Примеры склонения масдара, приведенные выше, демонстрируют, что не всегда соблюдается принцип образования элативов от

основы эссивов/лативов. Это касается постэлатива, который в идеале должен был бы иметь аффикс *-ыхда-а* (или *-ыхда-лаа*), но в результате фонетических изменений приобрел аффикс *-ыхь-лаа*. Что касается инэлатива, то здесь мы имеем дело с переходом *-е* в *-а*: в одних случаях в инэссиве/инлативе выявляется аффикс *-а*, в других – *-е*, но аффикс инэлатива в обоих случаях будет *-аа*.

Диалекты рутульского языка проявляют единообразие в изменении масдарных форм по падежам, склоняясь по первому типу склонения:

Шиназский диалект

Ном.	кихьин «писать»
Эрг.	кихьин-ире
Ген.	кихьин-ид
Дат.	кихьин-ис и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	лашун «братъ»	лиьин «кушать»
Эрг.	лашун-ире	лиьин-ира
Ген.	лашун-ид	лиьин-ид
Дат.	лашун-ис	лиьин-ис и т. д.

Масдарные формы множественного числа склоняются по II типу склонения. При этом масдарные формы множественного числа в косвенных падежах присоединяют только вставку *-м-*, в отличие от имен существительных, присоединяющих вставку *-ш-* в косвенных падежах одушевленных имен, и субстантивов, присоединяющих её в косвенных падежах имен, обозначающих разумные имена, а в косвенных падежах неодушевленных имен существительных и субстантивов, обозначающих неразумные имена, употребляющих вставку *-м-*. Проиллюстрируем это парадигмами склонения форм множественного числа от масдарных форм глаголов *сахын* «спать» и *ешин* «плакать» в мухадском диалекте и глаголов *лиьин* «кушать» и *лашун* «братъ» в ихрекском диалекте:

мухадский диалект

Ном.	сахынбыр	ешинбыр
Эрг.	сахын-м-ыра	ешин-м-ыра
Ген.	сахын-м-	ешин-м-ыд
Дат.	сахын-м-ыс	ешин-м-ыс и т. д.

Ихрекский диалект

Ном.	лиьинбыр	лашунбыр
Эрг.	лиьин-м-ыра	лашун-м-ыра

Ген	лиъин-м-ыд	лашун-м-ыд
Дат.	лиъин-м-ыс	лашун-м-ыс

Необходимо отметить, что масдар в падежных формах множественного числа в рутульском языке употребляются очень редко – в разговорной речи (в определенном контексте). Это позволяет нам сделать заключение о переосмыслении носителями рутульского языка масдара и восприятию его более как глагольной формы, чем как формы, близкой к имени и способной к склонению.

Таким образом, склонение масдара, с одной стороны, стройно вписывается в общую систему склонения рутульского языка, отражая I и II типы склонения, с другой стороны, обнаруживает своеобразие, присоединяя лишь вставочный элемент, характерный для неодушевленных существительных и неразумных субстантивов, при склонении во множественном числе.

§ 4. Роль категорий одушевленности/неодушевленности и разумности-неразумности в образовании падежных форм рутульского языка

Специфика оформления типов склонения в рутульском языке обусловила появление научного интереса к проблемам проявления категорий одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности в дагестанских языках.

Обозначенные категории являются понятийными, отражающими разделение человеком окружающего мира на живое и неживое, разумное и неразумное. Категория одушевленности/неодушевленности имеет в языке два плана выражения – лексический и грамматический.

В семантическом аспекте категория одушевленности/неодушевленности является для существительного номинативной, а для прочих частей речи – синтактико-семантической категорией.

При исследовании падежных форм всех ареальных единиц рутульского языка обращает на себя внимание тот факт, что в них представлены и категория одушевленности/неодушевленности, и категория разумности/неразумности, что не является нормой для дагестанских языков, за исключением цахурского языка, имеющего ближайшее генетическое родство с исследуемым языком.

Как правило, разграничение одушевленных и неодушевленных существительных основано на лексическом значении. Их грамматическая дифференциация, к примеру, в русском языке, обусловлена

различием в оформлении родительного и винительного падежа множественного числа. Причем, эта лексико-грамматическая категория не имеет маркеров в именительном падеже – здесь она проявляется имплицитно, выявить принадлежность слова к группе одушевленных или неодушевленных можно при наличии знаний о лексическом значении слова или информации о его склонении.

В дагестанских языках наблюдается несколько иная дифференциация: имена существительные распределяются по классам разумных (людей) и неразумных существ. Следовательно, категория разумности/неразумности в дагестанских языках не полностью соответствует категории одушевленности/неодушевленности в русском языке. Логично, что различается и сфера употребления вопросов *кто?* и *что?* в русском и дагестанских языках. Сфера употребления вопроса *кто?* в русском языке шире, чем в дагестанских, сфера же употребления вопроса *что?* в дагестанских языках шире, чем в русском.

Общепринятое представление о распределении имен по лексико-грамматическим классам, в основе которого предполагается принцип противопоставления названий человека (личности) всем остальным названиям, реализовано практически во всех исследованиях, посвященных дагестанским языкам.

Вышеизложенные факты позволяют некоторым исследователям предполагать, что в дагестанских языках отсутствует лексико-грамматическая категория одушевленности/неодушевленности [Загиров З. М.: 59]. Но это утверждение верно не для всех дагестанских языков, о чем свидетельствует фактический материал некоторых из них.

Исследуемые категории в рутульском и цахурском языках являются лексико-грамматическими, так как соотносительность имен существительных и субстантивов с каждой из этих категорий влияет на их грамматическую природу. Лингвисты-дагестановеды, не изучавшие факты рутульского и цахурского языков, констатировали, что «разграничение существительных класса людей и нелюдей в дагестанских языках не наблюдается в падежных формах, хотя в некоторых из них эти существительные склоняются по различным типам склонения» [Загиров З. М.: 59]. М. Ч. Чеерчиев пишет: «В частности, существительные класса людей и класса нелюдей склоняются одинаково» [83], в подтверждение этого он приводит парадигмы склонения существительных в аварском, агульском, гинухском и хиналугском языках, отражающие теоретическое положение об идентичности склонения разумных и неразумных существительных и субстантивов.

Мы можем отметить, что это положение верно для большинства дагестанских языков, но не для всех.

Так как категории одушевленности/неодушевленности и разумности-неразумности проявляются в прямых основах имплицитно, мы провели анализ склоняемых форм двух родственных новописьменных дагестанских языков лезгинской группы – рутульского и цахурского – и пришли к выводу о грамматической выраженности в них обеих категорий.

Так, в ареальных единицах рутульского языка при склонении одушевленных имен существительных множественного числа в косвенных падежах появляется вставочный элемент *-ш-*, при склонении же неодушевленных имен – вставочный элемент *-м-*:

Мухадский диалект

Ном.	хынимер «дети»	халбыр «дома»
Эрг.	хыниме-ш-е	хал-м-ыра
Ген.	хыниме-ш-ды	хал-м-ыд
Дат.	хыниме-ш-ис	хал-м-ыс и т. д.

Шиназский диалект

Ном.	балугъмар «рыбы»	мичІрийбыр «усы»
Эрг.	балугъма-ш-е	мичІрий-м-ыра
Ген.	балугъма-ш-ды	мичІрий-м-ыд
Дат.	балугъма-ш-ис	мичІрий-м-ыс и т. д.

Мюхрекский диалект

Ном.	шубаъ «братья»	рудбыр «кишки»
Эрг.	шуба-ш-аъ	рудий-м-ыра
Ген.	шуба-ш-ды	рудий-м-ыд
Дат.	шуба-ш-ис	рудий-м-ыс и т. д.

Борчинско-хновский диалект

Ном.	духра – «сыновья»	хукбы «деревья»
Эрг.	духра-ш-а	хуку-м-ыра
Ген.	духра-ш-ды	хуку-м-ыд
Дат.	духра-ш-ис	хуку-м-ыс и т. д.

Этот факт отражен в трудах Г. Х. Ибрагимова [1978], С. М. Махмудовой [2001], М. О. Таировой (Ибрагимовой) [2002] и других исследователей падежной системы рутульского языка.

Исследование аналогичных парадигм склонения в цахурском языке выявило, что в косвенных падежах и одушевленных, и неодушевленных имен появляется вставочный элемент *-ш-*:

Ном.	чуба «братья»	хайбы «дома»
Эрг.	чуби-ш-е	хайби-ш-е

Ген. I	чуби-ш-да	хайби-ш-да
Ген. II	чуби-ш-ди	хайби-ш-ди
Дат.	чуби-ш-ис	хайби-ш-ис.

Дифференциация по одушевленности/неодушевленности не характерна для других дагестанских языков. Как правило, при склонении во множественном числе имена существительные в них либо склоняются по единой схеме, либо (в редких случаях) распределяются на группы в соответствии с категорией разумности/неразумности. Но явления, аналогичные описанным нами в рутульском языке, наблюдаются и в ботлихском языке, в котором существительные во множественном числе организованы по принципу противопоставления названий одушевленных предметов названиям неодушевленных предметов [Гудава 1967: 295].

Дальнейший анализ склоняемых форм рутульского языка показал, что при склонении субстантивов во множественном числе вставочный элемент *-ш-* служит маркером косвенной основы слов I, II классов, обозначающих разумных существ, а вставочный элемент *-м-* оформляет косвенную основу слов III, IV классов, обозначающих неразумных существ:

	I, II классы	III, IV классы
Ном.	джыкдыбыр «короткие»	джыкдыбыр
Эрг.	джыкдыби-ш-е	джыкды-м-ыра
Ген.	джыкдыби-ш-ды	джыкды-м-ыд
Дат	джыкдыби-ш-ис	джыкды-м-ыс и т. д.

Тот факт, что употребление одних и тех же вставочных элементов при склонении имен существительных множественного числа мотивируется категорией одушевленности/неодушевленности, а при склонении субстантивов множественного числа – категорией разумности/неразумности, невозможно объяснить

В известной статье Л. Ельмслева, мыслившейся автором как подготовительный этап на пути создания сравнительно-типологического исследования проблемы грамматического рода, рассмотрен удельный вес языковых противопоставлений личности/неличности и одушевленности/неодушевленности. Автор бегло излагает историю выявления последних по разным языкам и приходит к выводу, что историю обеих оппозиций составляет противоборство так называемой консервативной тенденции и тенденции к их мотивации [1972: 33].

При склонении имен существительных в единственном числе грамматические показатели одушевленности/неодушевленности не

выявляются. Но ихрекский, мюхрекский и борчинско-хновский диалекты рутульского языка проявляют своеобразие в отношении исследуемой категории: так, при склонении форма родительного падежа одушевленных имен присоединяет аффикс *-vɔ* (ихр. д.: *дид-ыɔ* «отца», *нин-ыɔ* «матери»), форма неодушевленных имен – аффикс *-ɔv* (ихр. д.: *хал-ды* «дома»). В других ареальных единицах рутульского языка формантами генитива также служат *-ɔv*, *-vɔ*, но их применение не мотивировано категориями одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности.

Анализ склоняемых форм субстантивов единственного числа мухадского диалекта, лежащего в основе литературного рутульского языка, демонстрирует, что косвенная основа разумных имен I, II классов содержит вставочный элемент *-ний-*, а косвенная основа неразумных имен III, IV кл. – элемент *-ɔ-*:

Мухадский диалект

I, II классы

III, IV классы

Ном.	джыкды «низкий, короткий»	джыкды
Эрг.	джыкды-ний-э	джыкды-д-ире
Ген.	джыкды-ний-ды	джыкды-д-ид
Датив	джыкды-ний-ис	джыкды-д-ис.

Аналогичная ситуация складывается в цахурском языке: косвенная основа разумных имен I, II классов содержит вставочный элемент *-къв-/ -къ*, а косвенная основа неразумных имен III, IV кл. – элемент *-чи-*:

Ном.	цѐрна (I кл.) «новый/-ая»	цѐдын (IV кл.)
Эрг.	цѐрун-къв-е	цѐдын -чи-н
Ген.	цѐрун-къу-на	цѐдын-чи-на
Дат.	цѐрун-къу-с	цѐдын-чи-с.

Своеобразие в разграничении категории разумности/неразумности проявляет ихрекский диалект рутульского языка, в котором вставочные элементы косвенной основы разумных и неразумных имен совпали в единой форме *-ну/-ни*:

Ном.	рыхды (II кл.) «хорошая»	гъыхды (IV кл.)
Эрг.	рыхды-ну-раь	гъых-ни-ираь
Ген.	рыхды-ни-ды	гъых-ни-ды
Дат.	рыхды-ни-с	гъых-ни-с

[Джамалов, Семедов: 432]

При исследовании системы падежей рутульского и цахурского языков выявляются специфические факты, не характерные для других дагестанских языков. Так, употребление некоторых местных падежей

в них управляется категориями одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности: в цахурском языке аффектив характерен только для одушевленных имен, а серия местных падежей на -v/-vv в ареальных единицах этих языков характерна только для неодушевленных имен.

Аффектив в цахурском языке имеет форманты -v*kle*/-*kle*, употребляется с ограниченным количеством глаголов чувственного восприятия и может выступать в значении грамматического субъекта или объекта:

Даккиkle урус миз вацIа воб – «Отец русский язык знает»;

Зы гьайна балкан даккиkle гьаагвас – «Я эту лошадь отцу покажу».

Для падежной системы родственного рутульского языка этот падеж не характерен, а при глаголах чувственного восприятия в качестве субъекта и объекта действия употребляется форма дательного падежа.

В цахурском языке, в отличие от маркеров аффектива, показатели местных падежей серии на -v/-vv присоединяются только к основе неодушевленных существительных и субстантивов: *чIалага* «в лесу» – *чIалагаа* «из лесу» и т. д.

Аналогичная ситуация сложилась и в рутульском языке: падежи I серии – совпадающий формально инэссив/инлатив и инэлатив – характерны только для неодушевленных существительных:

	I класс	II класс	III класс	IV класс
Ном.	дид «отец»	нин «мать»	зер «корова»	хал «дом»
Инес./инлат.	– ----	-----	----	хал-а
Инэлатив	– ----	-----	----	хал-а-а и т. д.

Специфическим является также то обстоятельство, что в цахурском языке морфологическое оформление эргатива зависит от соотношенности имени существительного или субстантива с категорией разумности/неразумности. Г. Х. Ибрагимов отмечает, что «в эргативе разумные имена (I, II) принимают афф. -e, -ë... Неразумные имена (III, IV) в эргативе принимают афф. -v*n*/-*n*» [Ибрагимов 1990: 69–70].

Случаи семантической обусловленности аффиксов эргатива характерны и для рутульского языка: в единственном числе посредством формантов, состоящих из одного гласного звука (-a- и -e-) образуется эргативный падеж от ограниченного количества слов, связанных с личностью и относящихся к I или II лексико-грамматическому классу (*сус* «сноха» – *сус-а*, *гаг* «свекор» – *гаг-а*,

нин «мать» – *нин-е*, *дид* «отец» – *дид-е*); в остальных именах эргатив передается аффиксами, содержащими в структуре согласный *-р-* (*духул* «камень» – *духл-ара*, *убур* «ухо» – *убр-ура*, *кьырыб* «кость» – *кьырб-ыра* и т. д.).

Примеры, приведенные выше, демонстрируют, что лексико-грамматические разряды одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности в исследуемых языках тесно переплетены: при склонении имен существительных рутульского языка во множественном числе учитывается их одушевленность/неодушевленность, при склонении же субстантивов – разумность/неразумность; по местным падежам некоторых серий в сравниваемых языках склоняются только неодушевленные существительные, тогда как аффиксами аффектива в цахурском языке маркируются только одушевленные существительные; распределение аффиксов эргатива в цахурском и рутульском языках мотивировано категорией разумности/неразумности.

Приведенный нами выше языковой материал позволяет нам заключить, что в ареальных единицах рутульского языка и в цахурском языке лексико-грамматическая категория одушевленности/неодушевленности проявляется в прямой основе имен существительных имплицитно. В них параллельно функционирует еще одна семантически и формально близкая категория – категория разумности/неразумности, значимая для грамматики: многие лингвисты полагают, что в основе организации имени по лексико-грамматическим классам в дагестанских языках лежит принцип противопоставления «человек – все остальное» на том основании, что во всех этих языках вопрос *кто?* может относиться только к человеку, а вопрос *что?* – ко всему остальному. Согласно другой точке зрения, «более древняя система именных классов в аваро-андийских языках была ориентирована на категорию одушевленности/неодушевленности» [Хайдаков С. М.: 216].

Проведенный сравнительный анализ, демонстрирующий своеобразие рутульского и цахурского языков в отношении грамматического выражения категории одушевленности-неодушевленности, не свойственной для других дагестанских языков, в некоторой мере подтверждает теорию С. М. Хайдакова.

Еще одним подтверждением является тот факт, что на глубоко имплицитном уровне категория одушевленности/неодушевленности представлена во всех дагестанских языках, так как, как правило, нелокативные значения пространственных падежей мотивированы этой категорией: так, местные падежи неодушевленных имен выражают

семантику пространственности, а одушевленные имена в локативных падежах выражают субъект действия, оформляя локативную конструкцию предложения, и косвенный объект.

Мы полагаем, что сравнение фактов грамматики ареальных единиц рутульского языка с привлечением фактов цахурского языка, выявление в них сходных и противоположных черт поможет проследить пути развития языков лезгинской группы и будет способствовать реконструкции их праязыкового состояния.

§ 5. Изменение корневых гласных в косвенных падежах

При склонении имен существительных рутульского языка корневой гласный претерпевает значительные фонетические изменения. Здесь мы можем говорить о трех процессах: редукации, уподоблении и чередовании. Случаи редукации и уподобления гласных в косвенных падежах на материале только мухадского диалекта описаны в монографиях С. М. Махмудовой [2001] и М. О. Таировой (Ибрагимовой) [2002].

В диалектах рутульского языка выявляется много примеров полной редукации корневых гласных *a, aI, e, u, ы, ыI*.

В словах *гьугьал* «дождь», *кафан* «саван», *гьуцIал* «пробор», *дабан* «подол», *джыгал* «кожура», *лышан* «знак» и др. выпадает корневой гласный *-a-*:

Ном.	лышан «знак»	дабан «подол»
Эрг.	лышнара	дабнара
Ген.	лышнад	дабнад
Дат.	лышнас	дабнас и т. д.

В отдельных случаях редуцируется гласный корня *-aI-*:

Ном.	ягъаIл «просьба»	ахъаIн «тень»
Эрг.	яIгълере	аIхънере
Ген.	яIгълед	аIхънед
Дат.	яIгълес	аIхънес и т. д.

Корневой гласный *-e-* выпадает в словах *къеден* «палас», *леген* «тазик», *ешел'* «плач», *кIикIер* «лепешка», *езел'* «посев»:

Ном.	леген «тазик»	кIикIер «лепешка»
Эрг.	легнере	кIикIерере
Ген.	легнед	кIикIеред
Дат.	легнес	кIикIерес и т. д.

В редких случаях при склонении редуцируются гласные корня *-и-* и *-ы-*:

Ном.	мыхыІд «саманник»	виригъ «солнце»
Эрг.	мыІхдире	виргъире
Ген.	мыІхдид	виргъид
Дат.	мыІхдис	виргъис и т. д.

В словах *гыбыл* «облако», *къыдыкъ* «шкура», *лызыд* «тесто», *цІырыкІ* «лоскут», *къырыб* «кость», *хъыбыл* «ветер», *обыр* «кровь» (шиназский диалект) выпадает корневой гласный *-ы-*:

Ном.	къыдыкъ «шкура»	къырыб «кость»
Эрг.	къыдкыра	къырбыра
Ген.	къыдкыд	къырбыд
Дат.	къыдкыс	къырбыс и т. д.

Шиназский диалект

Ном.	обыр «кровь»
Эрг.	обрира
Ген.	обрид
Дат.	обрис и т. д.

Гласный корня *-у-* редуцируется при склонении в следующих словах: *худул* «кашель», *духул* «камень», *шурук* «птица», *хулук* «рукав», *руІхуб* «чеснок», *къурукъ* «лист» и т. д.:

Ном.	руІхуб «чеснок»	худул «кашель»
Эрг.	руІхбыра	худлара
Ген.	руІхбыд	худлад
Дат.	руІхбыс	худлас и т. д.

В диалектах рутульского языка гласные корня некоторых слов уподобляются в косвенных падежах предыдущему или последующему гласному. Подобным изменениям подвергаются гласные корня *-а-* и *-е-* в заимствованных словах. Корневой гласный *-а-* уподобляется предыдущему гласному при склонении следующих слов: *сурат* «наружность», *къудрат* «сила, мощь», *сухъват* «лицо», *Къуръан* «Коран», *къисмат* «судьба», *лугъат* «диалект, акцент», *нубат* «очередь, черед», *тукан* «магазин» и т. д.:

Ном.	тукан «магазин»	сурат «наружность»
Эрг.	тукун-д-ире	сурут-д-ире
Ген.	тукун-д-ид	сурут-д-ид
Дат.	тукун-д-ис	сурут-д-ис и т. д.

При склонении заимствованных слов гласный корня *-e-* обычно уподобляется последующему гласному:

Ном.	миллет «народ, нация»	гьУрмет «уважение»
Эрг.	миллит-д-ире	гьУрмит-д-ире
Ген.	миллит-д-ид	гьУрмит-д-ид
Дат.	миллит-д-ис	гьУрмит-д-ис и т. д.

Чередование корневых гласных используется в диалектах рутульского языка в качестве одного из средств образования косвенных основ. Такое чередование носит морфонологический характер и имеет функциональную нагрузку.

Как правило, при аблаутном чередовании вставочный элемент отсутствует. В языке встречается либо аблаут, либо показатели косвенной основы. Но имеются единичные случаи использования обоих средств:

Ном.	гаьт «кошка»	эч «яблоко»
Эрг.	гыт-ир-ире	ич-ир-ире
Ген.	гыт-ир-ды	ич-ир-ды
Дат.	гыт-ир-ис	ич-ир-ис и т. д.

Аблаутное чередование выступает в виде *e – и*, реже встречаются чередования *e – ы*, *a – и*, *аь – ы*, *aI – ы*.

Чередование *e – и*:

Ном.	кьел «соль»	чIел «слово»	зер «корова»
Эрг.	кьил-ире	чIил-ире	зир-ире
Ген.	кьил'-ды	чIил-ды	зир-ды
Дат.	кьил-ис	чIил-ис	зир-ис и т. д.

Чередование *аь – ы*:

Ном.	гаьт «кошка»
Эрг.	гыт-ир-ире
Ген.	гыт-ир-ды
Дат.	гыт-ир-ис и т. д.

Чередование *aI – ы*:

И.п.	раIхь «дорога»
Э.п.	рыкъ-ыIре
Р.п.	рыкъ-ыId
Дат.	рыкъ-ыIс и т. д.

Чередование *e – ы*:

Ном.	сен «год»
Эрг.	сыд-ыра

Ген. **сыд-ыд**
Дат. **сыд-ыс** и т. д.

Чередование а – и:

Ном. **цIай** «огонь» **рак** «дверь»
Эрг. **цIи-ре** **риг-ире**
Ген. **цIи-д** **риг-ид**
Дат. **цIи-с** **риг-ис** и т. д.

Чередование э – и:

эбир «кровь» **эч** «яблоко»
ибыр-ара **ич-ир-ире**
ибыр-ды **ич-ир-ды**
ибыр-ас **ич-ир-ис** и т. д.

Лексема *эбир* «кровь» (наряду с приведенной парадигмой) имеет еще одну парадигму склонения – без фонетических изменений в прямой основе:

Ном. *эбир*
Эрг. *эбир-ере*
Ген. *эбир-ед*
Дат. *эбир-ес* и т. д.

§ 6. Специфика склонения омонимов в диалектах рутульского языка

Особый интерес представляет склонение омонимичных слов в ареальных единицах рутульского языка. Данный вопрос не освещен в научной литературе, за исключением краткого обзора в тезисах доклада А. С. Алисултанова, где отмечено, что в омонимичных словах возможны «параллельные падежные формы в зависимости от класса имени существительного» [Алисултанов А.С. 1992: 135]. Подбор фактического материала по склонению омонимов осложнен ввиду отсутствия словарей по диалектам рутульского языка (за исключением мухадского и ихрекского диалектов). А между тем этот вопрос очень интересен, при его изучении обнаруживаются противоречивые факты.

Рассмотрим склонение некоторых омонимичных слов в единственном числе:

Мухадский диалект

Ном.	кул «куст» (III кл.)	кул «плесень» (IV кл.)
Эрг.	кул-ур-ура	кул-ара
Ген.	кул-ур-ды	кул-ад
Дат.	кул-ур-ыс	кул-ас

Косвенные падежи лексемы *кул* «куст» образуются от основы со вставкой в отличие от косвенных падежей слова *кул* «плесень», образующихся от прямой основы.

Ном.	кьул «голова» (III кл.)	кьул «доска» (IV кл.)
Эрг.	кьул-ире	кьул-ара
Ген.	кьул-ид	кьул-ад
Дат.	кьул-ис	кьул-ас

Омонимичные слова *кьул* «голова» и *кьул* «доска» в косвенных падежах отличаются гласными падежных аффиксов. То же самое мы наблюдаем при склонении омонимичных слов ихрекского диалекта *кьул* «доска» и *кьул* «обрыв, круча», относящихся к IV классу:

Ихрекский диалект

Ном.	кьул «доска» (IV кл.)	кьул «обрыв, круча» (IV кл.)
Эрг.	кьул-аьраь	кьул-ираь
Ген.	кьул-аьд	кьул-ид
Дат.	кьул-аьс	кьул-ис и т. д.

При склонении существительных ихрекского диалекта *нин* «мать» и *нин* «закваска» обнаруживаются более значительные расхождения, связанные с участием вставочного элемента *-ыр-* в образовании косвенной основы:

Ном.	нин «мать» (II кл.)	нин «закваска» (III кл.)
Эрг.	нин-е	нин-ыр-аь
Ген.	нин-ды/ -ыд	нин-ыр-ыд/ды
Дат.	нин-ыс	нин-ир-ыс и т. д.

Такие же параллельные падежные формы образуются в диалектах рутульского языка при склонении омонимов во множественном числе:

Мухадский диалект

Ном.	кьулабыр «головы» (III кл.)	кьулубыр «доски» (IV кл.)
Эрг.	кьула-быр-м-ыра	кьулу-м-ыра
Ген.	кьула-быр-м-ыд	кьулу-м-ыд
Дат.	кьула-быр-м-ыс	кьулу-м-ыс и т. д.

Несмотря на вышеизложенное, факты языка не позволяют нам утверждать, что образование параллельных падежных форм при склонении омонимов обусловлено принадлежностью имен существительных к разным классам.

Нередки случаи, когда омонимичные слова, относящиеся к одному и тому же классу, имеют неидентичные аффиксы косвенных па-

дежей: например, склонение слов IV класса *багъ* «шнурок» и *багъ* «сад» отличается вставками: в первом случае употребляется вставка *-д-*, во втором – *-ал-*:

Мухадский диалект

Ном.	багъ «сад» (IV кл.)	багъ «шнурок» (IV кл.)
Эрг.	багъ-д-ире	багъ-ал-ыра
Ген.	багъ-д-ид	багъ-ал-ды
Дат.	багъ-д-ис	багъ-ал-ыс и т. д.

В хновском говоре мы наблюдаем другую картину: косвенная основа существительного *багъ* «сад», относящегося к IV классу, не содержит распространителя основы:

хновский говор

Ном.	багъ «сад» (IV кл.)	багъ «шнурок» (IV кл.)
Эрг.	багъ-ар	багъ-ал-ыра
Ген.	багъ-ад	багъ-ал-ды
Дат.	багъ-ас	багъ-ал-ыс и т. д.

Вставочными элементами отличаются и основы существительных IV класса *еш* «возраст» и *еш* «жниво» мухадского диалекта:

Ном.	еш «возраст» (IV кл.)	еш «жниво» (IV кл.)
Эрг.	еш-д-ире	еш-ил-ире
Ген.	еш-д-ид	еш-ил-ды
Дат.	еш-д-ис	еш-ил-ис и т. д.

Примечательно, что в ихрекском диалекте, по свидетельству К. Э. Джамалова и С. А. Семедова, косвенная основа существительного *еш* «возраст» не содержит вставочных элементов, тогда как *еш* «жниво» в падежных формах присоединяет вставку *-ыл-* (аналогично мухадскому *еш* «жниво»):

Ихрекский диалект

Ном.	еш «возраст» (IV кл.)	еш «жниво, жатва» (IV кл.)
Эрг.	еш-аьраь	еш-ил-ыраь
Ген.	еш-аьд/-ды	еш-ил-ды
Дат.	еш-аьс	еш-ил-ыс и т. д.

Формы косвенных падежей существительных III класса *сыв* «гора» и *сыв* «толокно» отличаются гласными падежных аффиксов:

Ном.	сыв «гора» (III кл.)	сыв «толокно» (III кл.)
Эрг.	сыв-ара	сыв-ыра
Ген.	сыв-ад	сыв-ыд
Дат.	сыв-ас	сыв-ыс и т. д.

В исследуемом языке обнаруживаются примеры совпадения в косвенных падежах омонимичных слов, относящихся к разным классам:

Ном.	дур «имя» (IV кл.)	дур «ложка» (III кл.)
Эрг.	дур-ура	дур-ура
Ген.	дур-уд	дур-уд
Дат.	дур-ус	дур-ус

Но при их склонении во множественном числе наблюдаются незначительные расхождения:

Ном.	дурбыр «имя» (IV кл.)	дурубур «ложка» (III кл.)
Эрг.	дур-м-ыра	дуру-м-ыра
Ген.	дур-м-ыд	дуру-м-ыд
Дат.	дур-м-ыс	дуру-м-ыс

Интересные факты наблюдаются при склонении омонимов мухадского диалекта *джан* «тело» и *джан* «ласка»:

Ном.	джан «тело» (IV кл.)	джан «ласка» (III кл.)
Эрг.	джан-д-ыра	джан-ара
Ген.	джан-д-ыд	джан-ад
Дат.	джан-д-ис	джан-ас и т. д.

В косвенной основе существительного *джан* «тело» выявляется вставочный элемент *-д-*, который затем сохраняется и при склонении формы мн.ч. перед традиционным для плюралиса существительных распространителем основы *-м-*:

Ном.	джанбыр «тела» (IV кл.)	джанбыр «ласки» (III кл.)
Эрг.	джан-ды-м-ыра	джан-м-ыра
Ген.	джан-ды-м-ыд	джан-м-ыд
Дат.	джан-ды-м-ыс	джан-м-ыс и т. д.

Сохранение распространителя основы *-ал-*, характерного для косвенной основы единственного числа, демонстрирует и пример склонения существительных IV класса *багъбыр* «сады» – *багъбыр* «шнурки» во множественном числе:

Мухадский диалект

Ном.	багъбыр «сады» (IV кл.)	багъбыр «шнурки» (IV кл.)
Эрг.	багъ-м-ыра	багъ-ал-м-ыра
Ген.	багъ-м-ыд	багъ-ал-м-ыд
Дат.	багъ-м-ыс	багъ-ал-м-ыс и т. д.

При склонении существительных IV класса *къат* «камень», *къат* «возраст» и *къат* «слой, пласт, складка» в косвенной основе являются два разных распространителя основы – *-ыл-* и *-д-*:

Ном.	къат «камень»	къат «возраст»
Эрг.	къат-ыл-ыра	къат-д-ире
Ген.	къат-ыл-ды	къат-д-ид
Дат.	къат-ыл-ыс	къат-д-ис и т. д.

При склонении же их омонима – существительного IV *къат* «слой, пласт, складка» в речи носителей мухадского диалекта выявляются параллельные формы со вставочными элементами *-ыл-* и *-д-*:

Ном.	къат «слой, складка»	
Эрг.	къат-ыл-ыра	къат-д-ире
Ген.	къат-ыл-ды	къат-д-ид
Дат.	къат-ыл-ыс	къат-д-ис и т. д.

Тогда как в речи носителей ихрекского диалекта закрепились косвенная основа со вставочным элементом *-ыл-*, зафиксированная в словаре К. Э. Джамаловым и С. А. Семедовым: «КЪАТ IV (-ылыраь, -быр): 1) слой, пласт, складка... 2) комплект (одежды)» [2006: 153].

Расхождения в оформлении косвенных основ омонимичных слов постепенно стираются в ходе языковой эволюции: так, в речи молодого носителей рутульского языка уже нет четкой дифференциации основ, они произносятся по единому варианту, отражая стремление носителей языка к унификации косвенных основ и экономии усилий.

Рассмотрев вышеизложенные факты, мы пришли к выводу, что, склоняясь, омонимичные слова могут образовывать параллельные падежные формы или могут иметь в косвенных падежах идентичные аффиксы. Эти явления не мотивированы принадлежностью омонимов к какому-либо лексико-грамматическому классу и на современном этапе развития языка не подчиняются каким-либо правилам.

Выводы по второй главе

Анализ материала ареальных единиц, проведенный в главе, позволяет резюмировать, что диалекты рутульского языка обнаруживают сходство при оформлении косвенной основы, опираясь на единый принцип, охватывающий все имена существительные, субстантивы,

масдар и позволяющий минимизировать количество типов склонения до двух с сохранением при этом оппозиции форм косвенных падежей.

Первый тип склонения, характеризующийся прямой основой – основой номинатива, выявляется во всех диалектах только у существительных и масдарных форм единственного числа.

Тип склонения со вставочными элементами, чаще встречающийся в грамматической системе рутульского языка, выявляется у части существительных и всех субстантивов единственного числа, а также всех склоняемых форм множественного числа.

Вставочные элементы, не совпадающие в разных диалектах при оформлении косвенной основы имен существительных, ограничиваются стандартным инвентарем, представленным в рутульском языке четырьмя консонантными компонентами – *-р-*, *-й-*, *-д-*, *-л-*.

Во множественном числе к основам одушевленных имен существительных (существительных I, II и III кл.) в диалектах рутульского языка присоединяется вставочный элемент *-ш-*, к основам неодушевленных существительных (существительных IV кл.) – вставочный элемент *-м-*.

Различия в употреблении вставочных элементов при оформлении косвенной основы субстантивов имеют фонетическую природу.

При склонении субстантивов единственного числа I, II кл. в диалектах рутульского языка употребляются вставочные элементы *-ний-*, *-ну-/ни-*, *-на-*, *-ну-*. Лишь в ихрекском диалекте для оформления падежей субстантивов I и II класса используются разные вставочные элементы: *-ну-* – для I класса и *-ни-* – для II класса. Причем, это единственный диалект, в котором при склонении субстантивов формы I класса противопоставляются формам II, III и IV классов оформлением косвенных основ.

Склонение субстантивов единственного числа III и IV классов в диалектах более единообразно: косвенную основу оформляет вставочный элемент *-д-*, в мюхрекском диалекте употребляется параллельно вставка *-й-*. В этом ряду выделяется ихрекский диалект, в котором для оформления косвенной основы субстантивов III и IV классов (как и для оформления падежных форм субстантивов II класса) используется вставочный элемент *-ни-*.

Во множественном числе к основам субстантивов I, II кл. (субстантивов категории разумных) в диалектах рутульского языка присоединяется вставочный элемент *-ш-*, к основам субстантивов III, IV кл. (субстантивов категории неразумных) – вставочный элемент *-м-*.

Таким образом, инвентарь вставочных элементов, оформляющих формы множественного числа имен существительных и субстантивов, един – *-ш-* и *-м-*, но принцип, лежащий в основе их применения, не одинаков.

Личные местоимения и возвратное местоимение в склонении имеют ряд особенностей, выражающихся в оформлении эргатива и косвенной основы. В единственном числе косвенной основой для личных и возвратного местоимения является основа эргатива. Во множественном числе личные местоимения мухадского диалекта формально не различают номинатива и эргатива, в отличие от всех остальных диалектов, в которых форма эргатива маркирована.

Анализ ареального материала по склонению омонимов показал, что образование параллельных или идентичных падежных форм при склонении омонимичных слов на данном этапе развития языка не подчиняется каким-либо правилам и не зависит от класса склоняемых омонимов.

Основными фонетическими изменениями, которые претерпевает корневой гласный в диалектах рутульского языка, являются редукция, уподобление и чередование.

Глава 3.

ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАДЕЖЕЙ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

§ I. История изучения вопроса

Основным источником диахронического исследования рутульского языка являются факты пяти диалектов и родственных языков лезгинской группы. Описание диалектных данных для восстановления праязыкового состояния рутульского языка является важным условием, обеспечивающим аргументированность реконструкции. Подчеркивая необходимость привлечения ареального материала, Е. А. Бокарев писал: «...для полноты и надежности сравнительно-исторических выводов необходимо стремиться к максимальному охвату всего доступного материала, т.к. данные какого-либо одного диалекта в известных случаях могут оказаться решающими для того или иного теоретического вывода» [1961: 7].

Важность анализа диалектного материала рутульского усиливается в связи с рядом факторов:

- малочисленностью фиксированных письменных источников, что обусловлено приобретением рутульцами официальной письменной традиции лишь в 1990 г.;
- отсутствием зачаточных форм письменности – рукописных документов XV–XVIII вв., переводов с арабского языка и т. д., имеющих место в других дагестанских языках;
- скудностью материала о рутульцах в известных географических сочинениях древних авторов, содержащих топонимы Кавказа, отдельные слова и фразы на дагестанских языках.

В связи с отсутствием указанных выше дополнительных факторов, важных для сравнительно-исторических выводов, актуальность приобретает глубокое исследование наиболее устойчивой части языка – инвентаря грамматических форм.

Диахронический анализ грамматических форм рутульского языка можно провести лишь при условии исследования каждой категории во всех ареальных единицах.

Исследованию падежных систем дагестанских языков с целью восстановления праформ падежей посвящены работы лингвистов-кавказоведов М. Е. Алексеева, Е. А. Бокарева, Д. С. Ганенкова, Б. К. Гигинейшвили, Е. Ф. Джейранишвили, Г. Х. Ибрагимова,

Г. А. Климова, В. П. Назарова, В. Н. Панчвидзе, С. А. Старостина, Г. В. Топуриа, Н. С. Трубецкого и др.

По мнению Е.А. Бокарева, «можно также путем сравнения дагестанских языков между собой выявить и падежную систему общедагестанского праязыка в целом» [1961: 14].

Классификации лезгинских языков, известные в научной литературе, позволяют говорить о ближайшем родстве рутульского, цахурского, крызского и будухского языков, составляющих юго-западную подгруппу лезгинской группы языков. Самурскую группу языков с северо-восточной подгруппой в составе кюринского (лезгинского), табасаранского и агульского языков и юго-восточной подгруппой, включающей рутульский, цахурский, будухский и крызский языки, выделял Н. С. Трубецкой [1924: 328]. Г. Х. Ибрагимов придерживался этой же точки зрения, предполагая, что «в период существования Кавказской Албании (примерно до VII в. н. э.) цахурско-рутульский, а также крызско-будухский ареалы представляли собой некоторые единые языковые общности с более или менее варьировавшими локальными отличиями» [Ибрагимов 2004: 252].

Согласно концепции Г. В. Топуриа, развитие системы склонения в дагестанских языках идет по пути осложнения, когда «из одного общего, единого многофункционального падежа... постепенно вычленяется та или иная функция с соответствующим морфологическим эквивалентом». При этом «данная морфологически оформленная основа в историческом плане не являлась ни «эргативом» или «активом»... ни «творительным» и тем более ни родительным», а представляла собой нечто единое, объединяющее все синтаксические функции в единой морфологической единице [Топуриа 1977: 33].

По предположению Н. С. Трубецкого, первичным в системе падежей был эргатив: «От агенса посредством присоединения различных окончаний образовывались остальные падежи: генитив, латив, локатив» [1987: 342].

Система падежей, реконструированная Б. К. Гигинейшвили, содержала абсолютив, совмещающие эргатив и датив, четыре серии местных падежей [1976: 39].

М. Е. Алексеев считал удачным решение о первоначальной двучленной падежной системе общедагестанского языка-основы с маркированной единицей – палеоэргативом, наделенным широким спектром значений. Свидетельства в поддержку данной гипотезы исследователь находит «в фактах формального совпадения эргатива и генитива в лакском, цахурском и хиналугском языках или же в том, что в

различных языках то эргатив, то генитив выполняет роль косвенной основы... совмещающий эргатив широко представлен в современных дагестанских языках» [2008: 205].

Корни того факта, что в лезгинском, табасаранском и агульском языках эргатив в целом совпадает с косвенной основой, М. Е. Алексеев видит в наследии пралезгинского состояния, «где эргатив также образовывался от косвенной основы при помощи нулевого аффикса» [1985: 40].

Относительно хронологии появления падежей рутульского языка С. М. Махмудова полагает, что «особенности системы склонения и пересекающиеся с ней категории числа и падежа позволяют предположить первоначальную однопадежность рутульского языка – категория падежа ограничивалась абсолютивом единственного числа» [2001: 62]. Следующим, то есть вторым, падежом С. М. Махмудова считает инэссив: «Как показывают факты, язык вначале имел только ин-эссив в качестве косвенного падежа», от которого в дальнейшем отделился эргатив [2001: 63].

Далее С. М. Махмудова констатирует, что «как убеждает материал, эргатив в рутульском языке вторичен при первичности абсолютива, т. к. «личные местоимения относятся к ядру и наиболее консервативная часть именной лексики», – как отмечает А. Е. Кибрик в работе, выводом которой является, что синкретизм номинатива/эргатива в личных местоимениях вовсе не случайное совпадение, полученное в результате развития многих дагестанских языков, а первичный факт их грамматических систем [Kibrik 1996: 25]» [Махмудова 2001: 169].

Основанием для такого вывода послужила отличительная особенность склонения личных местоимений мн. числа в мухадском диалекте – совпадение форм именительного и эргативного падежей, что не является нормой для морфологии рутульского языка:

Мухадский диалект				
Ном.	зы «я»	вы «ты»	е «мы»	ве «вы»
Эрг.	за	ва	е	ве
Ген.	из-ды	вы-ды	ихь-ды	выхь-ды
Дат.	за-с	ва-с	йэ-с	ве-с и т. д.

Эта общая форма номинатива/эргатива служит основой для образования других падежей. Подобное явление в цахурском языке отмечает Г. Х. Ибрагимов, с той лишь разницей, что в цахурском языке совпадают формы номинатива и эргатива личных местоимений и в ед., и во мн. числе:

«им. зы “я” ши “мы” гъу “ты” шу “вы”
 эрг. зы ши гъу шу...» [1990: 104].

Трудно предположить, является совпадение форм эргатива и номинатива в мухадском диалекте архаической чертой или инновацией, так как для других ареальных подобных синкретизм не является нормой:

Мюхрекский диалект				
Ном.	зы «я»	вы «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	за-д	ва-д	жаь-д	жваь-д
Шиназский диалект				
Ном.	зы «я»	гъу «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	зы-й	гъу-й	жи-йэ	жу-йэ
Ихрекский диалект				
Ном.	зы «я»	гъу «ты»»	йи/жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	зы-й	гъу-й	йе-тти/же-тти	жу-йэ
Борчинский говор				
Ном.	йи «я»	гъу «ты»	йанур/йухъІнаьр «мы»	ви «вы»
Эрг.	йи-дж	гъу-дж	йану-джаь/йухъ-чаь	ви-дж
Хновский говор				
Ном.	йи «я»	гъу «ты»	йуІхъуІмбы «мы»	вуІхънар «вы»
Эрг.	йи-дж	гъу-дж	йиджнев-ир	вуІхъ-джаь

Но можно предположить, что мухадский диалект, носители которого проживают не изолированно, могли не сохранить архаичную совпадающую форму, в отличие от носителей других диалектов, которые проживают более компактно, иногда и в пределах одного села (ихрекский диалект) или двух-трех (шиназский, мюхрекский) сел. Мы не приводим здесь в пример носителей борчинского и хновского говоров, так как их речь была подвержена активному влиянию азербайджанского языка в связи с проживанием большого числа носителей в летний период на территории Азербайджана.

Вслед за исследователями-дагестановедами полагаем, что развитие системы падежей в рутульском языке шло от простого к сложному: из одного многофункционального падежа поэтапно отделялись становившиеся для носителей языка актуальными функции с соответствующими морфологическими показателями. Вычленение падежей происходило неравномерно – так, в некоторых ареальных единицах рутульского языка еще выделились в качестве самостоятельных падежей компаратив (шиназский и мюхрекский диалекты), субэссив/сублатив и

субэлатив (шиназский диалект). Достигнув определенного этапа в развитии, падежная система рутульского языка начала упрощаться путем объединения эссивов и лативов в единые локативно-направительные падежи с определенной пространственной ориентацией и путем переноса функций (функции субэлатива в диалектах выполняет контэлатив).

К подобному заключению пришел и исследователь Г. Х. Ибрагимов, отмечавший в монографии «Цахурский язык», что в гельмецком диалекте «полнота серий сравнительно с цахским больше нарушена. Отмеченный процесс имеет тенденцию усиления с запада на восток в языках йикийско-албанского ареала в сокращении числа падежей. Он ярче представлен в РЯ (рутульском языке – И. М.), с которым граничит ГД (гельмецкий диалект. – И. М.), а в будухском серийность местных падежей подверглась еще большему распаду» [1990: 209].

§ 2. Особенности реконструкции показателей косвенной основы в рутульском языке

Согласно точке зрения А. Е. Кибрика, в дагестанском праязыке, кроме прямой, уже существовала косвенная основа, участвовавшая в образовании именной парадигмы [1992: 82–89].

Как нами и отмечалось выше, в диалектах рутульского языка косвенная основа равна основе со вставочными элементами.

Природу вставочных элементов в дагестанских языках пытались определить многие лингвисты-кавказоведы. Различные точки зрения были приведены нами во второй главе работы.

При решении вопроса о реконструкции этих элементов Е. А. Бокарев и Б. Б. Талибов высказывали мнение, что различные суффиксы косвенной основы считались историческими фонетическими видоизменениями одного из них. Так, Е. А. Бокарев аффикс эргатива в крызском и будухском языках *-р* и удинский аффикс *-н* возводит к **-ди* (**ди > *-ри > -р; *-ди > *-ни > -н*) [1960: 46], а Б. Б. Талибов возводит к форманту **-ди* при определении природы полиформантности косвенной основы в лезгинском языке показатели *-цци, -цли, -ччи, -чли, -уни/-уни, -ра/-ре* [1962: 132–133].

Предпринимались попытки выявить генетические связи аффиксов косвенной основы с показателями классов. Так, Л. И. Жирков, автор термина «вставка» писал о том, что «несомненна связь между вставками в падежных формах единственного и множественного чис-

ла; больше того – несомненна связь этих вставок со сложными окончаниями множественного числа; наконец – несомненна связь их с классными показателями – и все-таки эти вставки нельзя с уверенностью признать ни частью падежных окончаний, ни отдельными инфиксами в составе падежной формы...» [1955: 29–30].

Связь вставочных элементов с экспонентами классов в лезгинском, агульском и табасаранском языках отмечал и Б. Г.-К. Ханмагомедов [1958в: 18–19].

Сомнения по поводу состоятельности гипотезы о генетической связи вставочных элементов высказал М. Е. Алексеев в статье «К реконструкции пралезгинских показателей косвенной основы на согласный». Он пишет: «Хотя точно сферу употребления каждого из вышеперечисленных показателей установить не удастся, они являлись в пралезгинском языке своего рода классификаторами. Тем не менее, увязывать эти показатели с категорией класса непосредственно было бы ошибкой» [1987: 228].

Не совсем удачной представляется ему и гипотеза о вставках как фонетических видоизменениях одной из них: «Возможность объяснения разнообразия суффиксов косвенной основы теми или иными фонетическими процессами в значительной степени сомнительна» [Там же: 224].

М. Е. Алексеев полагает, что вставочный элемент *-л-/-вл-* имеет пралезгинское и общедагестанское происхождение [2003: 35].

Возможность утраты этого компонента основой абсолютива в результате эволюции языка предполагалась и в трудах Г. Т. Бурчуладзе, который пришел к этому выводу, исследуя материал лакского языка [1986: 12–14].

Сравнительная таблица вставочных элементов, присоединяемых к основам одушевленных существительных мн. ч.

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. язык	прарут. форма
-ш-	- ш-	- ш-	-ш-	- ш-	-ш-	*-ш-

Сравнительная таблица вставочных элементов, присоединяемых к основам неодушевленных существительных мн.ч

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. язык	прарут. форма
-м-	- м-	- м-	- м-	- м-	-ш-	*-м-

Таблицы демонстрируют единый вставочный элемент *-ш-*, оформляющий в цахурском языке косвенную основу и одушевленных, и неодушевленных существительных, тогда как в рутульском языке для основы неодушевленных существительных существует маркер *-м*.

Как отмечалось выше, субстантивированные части речи в рутульском языке различают категорию числа и падежа. Склонение и в единственном, и во множественном числах дифференцируется по признаку разумности/неразумности. Субстантивы единственного числа I и II классов в косвенных падежах присоединяют к основе номинатива вставочный элемент *-ний-* (*-ну*, *-ни*, *-на*), субстантивы единственного числа III и IV классов – вставочный элемент *-д-* (*-вй*).

Г. Х. Ибрагимов полагал, что «более архаичным является противопоставление в прилагательных с классной дифференциацией I, II и III классов (*-ний-*) IV классу (*-дий-/ди-*). Оппозиция по группам личности (*-ний*) и неличности (*-дий-/ди-*) в неклассных прилагательных вторична, хотя она присуща и языку-основе» [Ибрагимов 2004: 260].

Языковые факты не позволяют выявить в диалектах рутульского языка на современном этапе развития отличий в оппозициях по группам личности/неличности или одушевленности/неодушевленности при склонении классных и неклассных прилагательных: оба вида прилагательных склоняются одинаково, противопоставляясь вставочными элементами косвенной основы, разнящимися для прилагательных классов личности (I и II) и классов неличности (III и IV).

Полагаем, что основанием для заключения Г. Х. Ибрагимова об архаичности противопоставления в прилагательных с классной дифференциацией I, II и III классов IV классу послужил тот факт, что при склонении имен существительных рутульского языка сохранилось противопоставление форм I, II и III классов (то есть одушевленных существительных) со вставочным элементом *-ш-* формам IV класса (то есть неодушевленным существительным) со вставочным элементом *-м-*. Возможно, склонение имен существительных во множественном числе отражает более архаичное противопоставление форм, соотносительное с категорией одушевленности/неодушевленности. А склонение субстантивов отражает следующую ступень в развитии языка в сторону активизации категории личности/неличности (или разумности/неразумности).

Тот факт, что масдар в падежных формах множественного числа в рутульском языке употребляются очень редко – только в разговорной речи и в определенном контексте, позволяет нам сделать заключение о переосмыслении носителями рутульского языка этой формы глагола и восприятии ее более как глагольной формы, чем как близкой к имени и способной к склонению. Возможно, это является результатом влияния русского языка, в грамматической традиции кото-

рого не является нормой склонение неопределенной формы глагола. Эта норма переносится автоматически и на рутульский язык, носители которого обучаются на русском языке.

**Сравнительная таблица вставочных элементов,
присоединяемых к основам субстантивов I, II кл. в ед. ч.**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз	прарут. форма
-ний-	-ну- (для I кл.) -ни- (для II кл.)	-на-	-на-	-ну-	-къв- (для I кл.) -къ- (для II кл.)	*-ний-

Своеобразие проявляет ихрекский диалект, в котором при склонении субстантивов формы I класса противопоставляются формам II, III и IV классов оформлением косвенных основ: косвенную основу I класса оформляет вставочный элемент *-ну-*, косвенную основу II, III и IV классов – формант *-ни-*.

Это единственный диалект, не обнаруживающий при склонении субстантивов вставочного элемента *-д-*. Кроме того, в ихрекском диалекте при склонении субстантивов падежные формы I класса противопоставлены формам остальных форм, что нарушает стройную систему противопоставления склоняемых форм субстантивов по принципу разумности/неразумности.

Противопоставление вставочных элементов, образующих косвенную основу субстантивов I и II классов, сближает ихрекский диалект с диалектами цахурского языка, в цахском диалекте представлены вставки *-къв-* (для I кл.) и *-къ-* (для II кл.), в гельмецком – *-гъв-* (для I кл.) и *-гъ-* (для II кл.). Отличительной чертой является актуальность ихрекского элемента *-ни-* и для субстантивов III и IV классов, тогда как в диалектах цахурского языка для субстантивов, принадлежащих к этим классам, имеется специальный вставочный элемент *-чи*.

**Сравнительная таблица вставочных элементов,
присоединяемых к основам субстантивов III, IV кл. в ед. ч.**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-д-	-ни-	-д-	-д-	-д-/ -й-	-чи-	*-дий-

Таблицы демонстрируют отсутствие сходства в материальном выражении маркеров косвенной основы рутульского и цахурского языков – вставочные элементы ареальных единиц рутульского языка нельзя назвать фонетическими вариантами или соответствиями аналогичных формантов цахурского языка, что подчеркивает долгий процесс автономного развития морфологии этих языков. Однако прослеживается противопоставление вставочных элементов I и II классов в ихрекском диалекте рутульского языка (-на-/-ни-) и в цахурском языке (-къв-/-кь- в цахском диалекте и -гъв-/-гь- в гельмецком диалекте).

***Сравнительная таблица вставочных элементов,
присоединяемых к основам субстантивов I, II кл. во мн. ч.***

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-ш-	-ш-	-ш-	-ш-	-ш-	-ш-	*-ш-

Согласно фактам, приведенным в таблице, и диалекты рутульского языка, и цахурский язык проявляют полное сходство в оформлении косвенной основы субстантивов I и II классов во множественном числе, присоединяя единый для всех ареальных единиц вставочный элемент -ш-.

***Сравнительная таблица вставочных элементов,
присоединяемых к основам субстантивов III, IV кл. во мн. ч.***

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-м-	-м-	-м-	-м-	-м-	-чи-	*-м-

При оформлении косвенной основы субстантивов III и IV классов во множественном числе во всех диалектах рутульского языка присоединяется единый вставочный элемент -м-. Отсутствие сходства в материальном выражении маркеров косвенной основы субстантивов III и IV классов во множественном числе в рутульском и цахурском языках обусловлено тем обстоятельством, что в цахурском языке вставочный элемент -чи-, характерный для косвенной основы субстантивов III и IV классов единственного числа, переносится и в косвенную основу тех же субстантивов множественного числа, вытеснив вставочный элемент косвенной основы множественного числа -ш-,

который проявляется лишь в эргативном падеже, о чем свидетельствует Г. Х. Ибрагимов:

«им. *цIедын* (III, IV) “новые“
эрг. *цIедын+чи-ш-е*
род. *цIедын+чи-на*
дат. *цIедын+чи-с*» [1990: 92]

§ 3. Общеграмматические падежи рутульского языка в диахроническом аспекте

Номинатив во всех диалектах рутульского языка представляет чистую прямую основу единственного числа, к этой форме присоединяются маркеры множественного числа, и таким образом образовывается прямая основа множественного числа. Лингвисты полагают, что в пралезгинском языке прямая основа также была равна основе номинатива (абсолютива) и имела нулевой аффикс [Бокарев 1960: 47; Алексеев 1985: 39]. Полагаем, что это актуально и для прарутульского языка.

Исключением из общего правила являются слова *выгIылды* «мужчина» и *хьыдылды* «женщина», имеющие атрибутивный формант *-ды*, у которых в косвенной основе единственного числа и во множественном числе отсекаются финальные элементы: *выгIылды* «мужчина» – *выгIле* «мужчины», *хьыдылды* «женщина» – *хыле* «женщины».

Ном.	выгIылды	хьыдылды
Эрг.	выгIыл-ний-е	хьыды-ний-е
Ген.	выгIыл-ний-ды	хьыды-ний-ды
Дат.	выгIыл-ний-ис	хьыды-ний-ис

Склонение этих лексем в единственном числе демонстрирует тип склонения субстантивированных прилагательных. Склонение же их во множественном числе демонстрирует тип склонения имен существительных множественного числа:

Ном.	выгIле	хыле
Эрг.	выгIле-ш-е	хыле-ш-е
Ген.	выгIле-ш-ды	хыле-ш-ды
Дат.	выгIле-ш-ис	хыле-ш-ис

Возможно, основы номинатива единственного числа этих существительных совпали с основами прилагательных «мужской» и «женский», о чем свидетельствует их современное употребление в опреде-

ленных контекстах: *выгЫлды тыла* «мужского пола собака», *хьыдылды гьыт* «женского пола кошка» и т. д.

Эргатив. Е. А. Бокарев полагал, что «исконно эргативный падеж в общедагестанском праязыке имел особый показатель, не совпадавший с показателем какого-либо другого падежа. Сравнение различных дагестанских языков может дать основания и для того, чтобы предположить, какую именно форму он имел в общедагестанском праязыке» [1961: 14]. По его мнению, «в крызском и будухском языках эргативный падеж имеет окончание *-р*, которое, по всей вероятности, представляет собой редукцию одного из детерминативов косвенной основы **-ди > *ри > р*» [1960: 46].

О закреплении за эргативом показателя косвенной основы писал в статье, посвященной вопросам склонения имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках, Г. Х. Ибрагимов [1987: 138]. Он выделяет в формировании аффикса эргатива рутульского и цахурского языков 3 периода: 1) наличие этимологически восстанавливаемого аффикса эргатива *-vd/-d*; 2) переход в рутульском языке *-d* в *-р*, в цахурском – *-d* в *-н*; 3) частичное выпадение *-р* и появление гласного аффикса эргатива в некоторых существительных, обозначающих разумных существ [1990: 70].

М. Е. Алексеев, исследовав форманты эргатива рутульского и шахдагских языков, в том числе – аффикс *-р*, высказал альтернативную точку зрения об архаичности вокалического аффикса для рутульского языка: «Употребление аффикса эргатива *-р* представляется несомненным новообразованием. Помимо очевидной ареальной ограниченности данного аффикса в пользу такой гипотезы может говорить, в частности, наличие в определенных условиях нерегулярного образования эргативного падежа в рутульском языке: во-первых, у некоторых имен в форме ед. числа (ср. *дид* «отец» – эрг. *дид-аь*), во-вторых, у всех одушевленных имен во мн. числе (ср. *сибаь* «медведи» – эрг. *сибаь-ш-аь* и т. п.), в-третьих, у местоимений (ср. *гьад* «он» – эрг. *гьанов-ы*). Думается, что во всех трех случаях мы имеем дело с архаизмами» [1985: 41]. Появление же аффикса *-р* исследователь считает результатом переосмысления аффикса косвенной основы, в результате которого «показатель *-ра* стал восприниматься в качестве аффикса эргатива и впоследствии присоединяться практически ко всем именам, не считая отмеченных случаев» [Там же: 42].

**Сравнительная таблица аффиксов эргатива
в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-е, -а, -ра, -ре, -врv	-е, -а, -ра, -ре, -врv	-е, -а, -ра, -ре, -вр, -врv, -∅	-е, -а, -ра, -ре, -врv	-е, -а, -вр, -ра, -ре, -врv	-е, -н/ -vн	*-д

Проанализировав имеющиеся точки зрения Е. А. Бокарева, М. Е. Алексеева, Г. Х. Ибрагимова и факты близкородственных языков, мы пришли к заключению о переходе общелезгинского аффикса эргатива *-д в ареальных единицах рутульского языка в -р-, как и в крызском и будухском языках.

Аргументировать сохранившимися падежными формами этот факт сложно, так как они единичны. Возможно, доказательную базу можно извлечь из парадигм склонения личных местоимений, являющихся архаическим пластом лексики любого языка.

Так, при единстве в оформлении форм генитива и датива в ареальных единицах наблюдаются максимальные различия в оформлении эргатива: отсутствие маркировки в мухадском, наличие различных аффиксов эргатива в остальных диалектах, два аффикса эргатива (-й, -тти) в ихрекском диалекте.

Сравнительный анализ парадигм склонения личных местоимений в диалектах рутульского языка, проведенный во второй главе, позволил нам выявить следующие аффиксы эргатива:

мухадский	--
шиназский	-й
мюхрекский	-д
ихрекский	-й, -тти
борч.- хновский	-дж

Формы эргатива личных местоимений в говорах борчинско-хновского диалекта оформляются аффиксом -дж/-джv, который, по мнению Г. Х. Ибрагимова, этимологически восходит к д/-dv [2004: 212]:

Борчинский говор

Ном. йи «я»	гъу «ты»
Эрг. йи-дж	гъу-дж

Ген.	йихь-ды	гъу-ды
Дат.	йа-с	гъва-с и т. д.

Ном.	йанур/йухьІнаьр «мы»	ви «вы»
Эрг.	йану-джаь/йухь-чаь	ви-дж
Ген.	йану-ду/йухьуІш-дуь	выхь-ыд
Дат.	йан-ус/йаІхьч-ус	ве-с и т. д.

Хновский говор

Ном.	йи «я»	гъу «ты»
Эрг.	йи-дж	гъу-дж
Ген.	йиш-ид	йугъу-д
Дат.	йа-с	гъва-с и т. д.

Ном.	йуІхьуІмбы «мы»	вуІхьнар «вы»
Эрг.	йиджнев-ир	вуІхь-джаь
Ген.	йихьдинев-ид	выІхь-ды/-ыд
Дат.	йаснев-ис	ваІхьч-уьс и т. д.

В мюхрекском диалекте выявляется сходное оформление эргатива аффиксом *-д* (*за-д* «я», *ва-д* «ты», *жаьд* «мы», *жваь-д* «вы»), который в ареальных единицах рутульского языка традиционно оформляет форму генитива. В данном случае не является исключением и мюхрекский диалект – эргатив в нем оформляется аффиксом *-д*, а генитив – аффиксом *-ды*:

Мюхрекский диалект

Ном.	зы «я»	вы «ты»	жи «мы»	жу «вы»
Эрг.	за-д	ва-д	жаь-д	жваь-д
Ген.	из-ды	вы-ды	иш-ды	уьш-ды
Дат.	за-с	ва-с	жаь-с	жваь-с и т. д.

Для ихрекского диалекта характерен аффикс эргатива личных местоимений, но, в отличие от других ареальных единиц рутульского языка, в форме эргатива *йе-тти/же-тти* «мы» (формы инклюзива и эксклюзива), наблюдается вариант аффикса *-тти*, возможно, также восходящий к праформе *-д* и являющийся его глухим геминированным вариантом:

Ном.	зы «я»	гъу «ты»	йи/жи «мы»»	жу «вы»
Эрг.	зы-й	гъу-й	йе-тти/же-тти	жу-йэ
Ген.	йиз-ды/-ыд	йугъ-ды/-уд	йихь-ды/-ид	йуьш-ды/-уьд
Дат.	за-с	гъва-с	йе-с/же-с	жве-с и т. д.

Показатели эргатива личных местоимений мухадского диалекта (нулевой) и шиназского диалекта (-й-) также не вписываются в общую традиционную схему склонения местоимений рутульского языка, но они неинформативны для реконструкции архаического маркера эргатива *-d. Интересно, что в этих ареальных единицах наблюдается традиция к стиранию граней между номинативом и эргативом.

Так, в речи носителей шиназского диалекта проявляется своеобразие в оформлении эргатива: в некоторых случаях аффикс эргатива выпадает, и вследствие этого форма эргатива совпадает с формой номинатива. Как правило, процесс нейтрализации затрагивает только предполагаемый моновокалический аффикс имен существительных:

Изды нин(е) кIвалах ваъар аджиш, изды дид(е) халды кIвалах ваъара. – Моя мать не работает, мой отец домашнюю работу выполняет. (В скобках приведены предполагаемые аффиксы эргатива, характерные для остальных диалектов рутульского языка)

В диалекте параллельно функционируют формы эргатива с моновокалическим аффиксом:

Гъабише Къандзыгъай лакъ(а) оршур, гулеймар гъараабый лихъихъир. – Они ведьму Кандзыгай в сундук положили и снаружи замок навесили. (В скобках приведен предполагаемый аффикс инэссива/инлатива, который в шиназском диалекте также выпадает)

Вероятно, в шиназском диалекте наметилась тенденция к стиранию граней между номинативом и эргативом. Этот диалект наиболее подвержен процессам сокращения количества падежей, обусловленным выпадением конечных вокалических аффиксов эргатива и инэссива/инлатива, отсутствием серии падежей с семантикой Sub и т. д.

Генитив. Лингвисты-кавказоведы расходятся во мнениях о времени возникновения генитива: А. С. Чикобава полагает, что первичными в системе падежей были творительный и преобразовательный падежи, вслед за ними появились генитив и датив [2010: 159].

Б. К. Гигинейшвили отмечал, что первоначально функции генитива выполняли местные падежи со значением «в» и «около», «при», а сам падеж оформился позднее [1976: 39].

Г. Х. Ибрагимов считает, что формирование генитива в рутульском языке относится к периоду зарождения в языке категорий личности и неличности [1987: 140].

Иначе подходит к реконструкции общедагестанской падежной системы Г. В. Топуриа, восстанавливающий форму, которая «по своей природе была полифункциональной, т. е. не являлась ни «эргативом», ни «генитивом» и ни «инструменталисом» (не говоря уже о

«дательном»), а представляла собой нечто единое, объединяющее все синтаксические функции в одной морфологической единице» [1987: 34–35].

М. Е. Алексеев, проанализировав аффиксы генитива дагестанских языков, выдвинул три гипотезы:

«1) общедагестанский генитив оформлялся суффиксальным классным показателем, сближаясь тем самым с адъективами;

2) общедагестанский генитив оформлялся с помощью суффикса -л, следы которого прослеживаются в аварском, лакском, даргинском и цезских языках;

3) общедагестанский генитив оформлялся с помощью суффикса -н, следы которого прослеживаются в лезгинских и нахских языках» [1992: 27].

На синхронном уровне диалектный материал рутульского языка подтверждает первую гипотезу, так как во всех ареальных единицах генитив представлен аффиксами -д, -вд, -ды (-ди), формально совпадающими с аффиксами адъектива.

Для нас представляет интерес тот факт, что показатель генитива, выявляющийся во всех диалектах рутульского языка, – -д-, не характерен для языков лезгинской группы. В частности, генитив агульского, лезгинского, удинского, цахурского языков оформляется аффиксом -н-. Г. Х. Ибрагимов считал, что «в фонетической структуре аффикса генитива опорный -н вторичен – восходит к -д» [1978: 72].

Полярную точку зрения высказывают Е. А. Бокарев и М. Е. Алексеев, полагая, что пралезгинский генитив был представлен аффиксом *-н, далее, в период цахурско-рутульского единства в этих языках произошла контаминация генитива с формами адъектива, которая привела к тому, что в цахурском языке сохранился маркер генитива -н, который приобрел некоторые признаки атрибутива (согласование в классе с определяемыми именами), а в рутульском языке в качестве генитива используется показатель атрибутива [Бокарев 1960: 45; Алексеев 1985: 44].

Мы считаем эту гипотезу более соответствующей нормам эволюции рутульской морфологии, в которой атрибутивизаторы занимают весьма значительное место.

Таким образом, генитив во всех ареальных единицах рутульского языка оформляется маркерами -д, -вд, -дв, -вдв, отличающимися от маркеров родительного падежа многих родственных языков лезгинской группы.

Специфичной является зависимость употребления аффиксов генитива ихрекского, мюхрекского и борчинско-хновского диалектов от лексико-грамматической категории класса (вернее – категории одушевленности/неодушевленности) слова, согласуемого с данной формой. Это грамматическое явление, наблюдаемое в трех диалектах рутульского языка из пяти, может быть объяснено ареалом их локализации – они занимают пограничную территорию с цахурским языком, для которого обусловленность применения аффикса генитива категорией одушевленности/неодушевленности является нормой.

**Сравнительная таблица аффиксов генитива
в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-д, -вд, -ды	-н, -вн,	*-н

Датив. Ареальные единицы рутульского языка характеризуются единообразием в оформлении дательного падежа, присоединяя к склоняемой основе аффикс *-с/-вс*.

М. Е. Алексеев отмечал наличие рефлексов пралезгинского показателя датива **-сс* во всех лезгинских языках, за исключением удинского: в лезгинском, табасаранском, будухском – *-з*, в рутульском, агульском, цахурском, крызском – *-с*, в арчинском – *-сс* [1985: 45].

Многие ученые считают дательный падеж падежом преимущественно локальной семантики: Л. И. Жирков писал: «...Dat. имеет также значение направительного падежа (на вопрос «куда?») по отношению к Loc. (на вопрос «где?»)» [1961: 39]. Е. А. Бокарев дал дативу следующую характеристику: «Дательный падеж (в настоящее время) – это как бы общенаправительный внесерийный местный падеж» [1948: 63]. М. Е. Алексеев подчеркивает, что «падеж этот ориентирован скорее на передачу общенаправительного пространственного значения, чем на выражение субъектно-объектных отношений. Об этом свидетельствуют хотя бы широко распространенные в нахско-дагестанских языках случаи выражения тех же значений и пространственными падежами» [1980: 229]. В работе У. А. Мейлановой находим следующую гипотезу: «...местные значения дательного падежа дают нам некоторые основания предполагать, что это бывший напра-

вительный падеж из ныне неполной четвертой серии местных падежей со значением нахождения внутри чего-либо и движения изнутри предмета и внутрь предмета» [1960: 61].

Анализ фактического материала, проведенный в первой главе, позволяет заключить, что датив в рутульском языке постепенно утрачивает локативную функцию, заменяя ее объектной.

Возможно, в диахроническом плане датив был местным падежом, но на современном этапе развития он настолько расширил сферу своего употребления, что в дагестанских языках может выражать субъектно-объектные отношения, и потому, наряду с номинативом, эргативом и генитивом, составляет ядро грамматических падежей.

Сравнительная таблица аффиксов датива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-с, -vc	-с, -vc	-с, -vc	-с, -vc	-с, -vc	-с, -vc	*-с

§ 4. Промежуточные падежи рутульского языка в диахроническом аспекте

В специальной литературе крайне скудно представлены сведения о реконструкции промежуточных падежей – комитатива и компаратива. Мы полагаем, что это связано с тем обстоятельством, что эти падежи оформились в языках лезгинской группы сравнительно недавно. Более того, форма компаратива полностью сформировалась не во всех ареальных единицах рутульского языка.

М. Е. Алексеев предполагал, что показатель комитатива *-хъван* в рутульском языке произошел от «пралезгинского форманта *-льв», оформляющего и падежи локализации «около», как и параллельный вариант – аффикс *-ква* в цахурском языке [1985: 51–52].

Возможность образования аффикса комитатива от аффикса местного падежа предполагал и И. Х. Абдуллаев: «Афф. *-щал* < *-хъхъа* по своему составу сложен и состоит из *-хъхъ-а* – показателя аблатива серии на *-хъ* (< *-хъхъ*) и форманта родительного падежа, используемого в обстоятельственном значении» [1992: 16]. Далее лингвист приводит параллели и из других дагестанских языков: «По образованию аналогичны лак. *-щал* суффиксы совместного падежа в даргинском

(суф. *-чи-л*, в ряде диалектов *-ци-л*) и табасаранского (суф. *-хъ-ди*)» [Там же].

Сходную с вышеизложенными точку зрения высказал и Ю. Д. Дешериев, характеризуя совместный падеж хиналугского языка: «...форматив *-шкили* состоит из двух аффиксов: *-ш* и *-кили*. Первый из них встречается в качестве падежного аффикса инэссива второго. В пользу предположения о составном формате говорит и свойство хиналугского языка нанизывать одни падежные аффиксы на другие» [1959: 24].

Что касается вариантов аффикса комитатива *-хъван//фан*, *-вхъван/-вфан* в диалектах рутульского языка, мы уже отмечали в первой главе, что процесс регулярного перехода лабиализованного заднеязычного глухого щелевого *хъв* мухадского диалекта в губно-губной глухой щелевой *ф* в ихрекском диалекте отражен в монографии Г. Х. Ибрагимова [2004: 168]. Этот же процесс ученым зафиксирован и в борчинско-хновском диалекте [2004: 195].

Сравнительная таблица аффиксов комитатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-хъван// -вхъван	-фан// -вфан	-хъван// -вхъван	-фан// -вфан	-хъван// -вхъван	-ква// -вква	*-хъван (падеж позднего происх.)

Как мы отмечали выше, форма компаратива еще не сформировалась в шиназском и мюхрекском диалектах, как и в цахурском языке. Семантика сравнения в этих диалектах передается формами суперэлатива:

Шиназский диалект: *Заала йыхды рыш*. – Девочка лучше меня (букв. «Я чем хорошая девочка»).

Мюхрекский диалект: *Чилыла йуIкьды са кьел виъи*. (Посл.). – Тяжелее слова только соль.

Подобное явление – норма и для других диалектов, но в них формы компаратива и суперэлатива представлены в функции сравнения параллельно.

Мухадский диалект: *КIаьды мукъуIд инсанахъаь* (комп.) *къухъды мукъуIуд йимаьл' йиха виъи*. (Посл.). *КIаьды мукъуIд инсанаала*

(суперэлат.) *кьухьды мукъуГуд йимаьл' йиха виъи.* (Посл.) – Осел из большого села лучше человека из маленького села.

Ихрекский диалект: *Гъийгъады джыбыр пагаады чIаблахъа* (комп.) *выха виъи.* (Посл.). *Гъийгъады джыбыр пагаады чIаблайа* (суперэлат.) *выха виъи.* (Посл.) – Сегодняшний курдюк лучше завтрашнего барана.

Здесь не может идти речь о полноценной замене суперэлативом компаратива, так как параллельное употребление форм этих падежей возможно только при передаче семантики сравнения, но невозможно при передаче семантики замены, цели, образа действия, времени.

Сравнительная таблица аффиксов компаратива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюх. д.	цах. яз.	праформа
-хъаь// -vxъаь	-хъа// -vxъа	форма отсутствует	-хъа// -vxъа	форма отсутствует	форма отсутствует	падеж на стадии становле- ния

Вероятно, в диалектах рутульского языка аффиксы промежуточных падежей также являются составными: так, аффикс комитатива содержит в составе маркер *-хъ*, характерный для падежей серии Sub «под ориентиром» и *-ан* – реконструируемый аффикс генитива; аффикс компаратива *-хъаь/-хъа* содержит компонент *-хъ*, оформляющий в некоторых диалектах рутульского языка постэлатив, и компонент *-ъ*, который мы реконструируем в качестве утраченного лативами маркера направленности

§ 5. Местные падежи рутульского языка в диахроническом аспекте

Е. А. Бокарев считал, что в общедагестанском праязыке уже существовали местные падежи [1961: 14–15]. Наиболее архаичными он признавал локативы, обозначавшиеся показателями: *кь*, *хь/х*, *гь/хь*, *ъ* (или гласный), т. к. эти показатели «сохранились в большинстве дагестанских языков с близкими значениями» [1961: 14–15].

Г. Х. Ибрагимов полагал, что «процесс формирования местных падежей был сложен и по времени длительным. Более того, формиро-

вание местных падежей продолжалось и после распада цахурско-рутульской и крызско-будухской языковой общности» [1990: 222].

М. Е. Алексеев для пралезгинской системы локализации предполагал наличие следующих единиц:

*-лл- – над ориентиром

*-‘ - – внутри ориентира

*-лѳв- – около ориентира

*-к- – в соприкосновении с ориентиром

*-хь- – за ориентиром

*-кьI – между, среди, внутри заполненного ориентира

*-гь – перед ориентиром

*-лѳI – под ориентиром [1985: 49].

Анализ падежей в диалектах рутульского языка позволяет констатировать, что в диалектах рутульского языка представлено 6 серий местных падежей, 5 из которых с большой вероятностью реконструируются для прарутульского состояния:

1) серия на *-а/* -ь*, которая указывает на нахождение предмета в ком-, чем-либо;

2) серия на *-л*, указывающая на нахождение предмета на ком-, чем-либо;

3) серия на *-д*, указывающая на нахождение предмета при ком-, чем-либо;

4) серия на *-х*, указывающая на нахождение предмета за кем-, чем-либо;

5) серия на *-к*, указывающая на нахождение предмета на наклонной плоскости, в жидкости, неплотных веществах, в тесной близости.

6) серия на *-хь*, указывающая на нахождение предмета под кем-, чем-либо.

Шестая серия выявляется лишь в мухадском, мюхрекском и борчинско-хновском диалектах рутульского языка, в которых она является ущербной – представленной либо субэссивом/сублативом, либо субэлативом. В остальных диалектах семантика Sub передается падежами серий Post или Cont, что позволяет нам сделать вывод о позднем формировании этой серии лишь в трёх диалектах или, напротив, о раннем распаде этой серии в диалектах рутульского языка и передаче её функций падежами других серий.

Из указанных выше показателей Е. А. Бокарев возводит форманты *-а/-ь; -л; -х; -к* к общелезгинскому состоянию [1960].

Серии с показателями **-кьI* с семантикой «между, среди, внутри заполненного ориентира» и **-гь* с семантикой «перед ориентиром», выделяемые М. Е. Алексеевым для пралезгинского состояния, в рутульском языке не выявлены. Возможно, они так и не развились в ареальных единицах исследуемого языка.

Формальное совпадение эссивов/лативов наблюдается во всех сериях диалектов рутульского языка. В количественном плане имеются и другие отличия – так, в шиназском диалекте отсутствует серия на *-хь* – серия с семантикой Sub – под ориентиром, функции субэссива/сублатива выполняют падежи серии с семантикой Post.

Нарушение полноты серии – их ущербность – сближает диалекты рутульского языка с гельмецким диалектом цахурского языка и будухским языком.

Мы полагаем, что в рутульском языке в прошлом для оформления эссива и латива существовали различные аффиксы, которые в более поздний период совпали в результате развития языка.

Об этом свидетельствуют послелогои исследуемого языка: можно привести следующее соответствие наречий-послелогов и аффиксов падежа:

Семантика	Наречие-послелог	Аффикс падежа
нахождение внутри чего-либо	<i>ара/ари</i> «внутри»	<i>хал-а</i> «в доме»
направление внутрь чего-либо	<i>аь</i> «внутрь»	<i>хал-а</i> «в дом»
направление изнутри чего-либо	<i>араа</i> «изнутри»	<i>хал-аа</i> «из дома»
нахождение за чем-либо	<i>хьалаа</i>	<i>хук-ахда</i> «за деревом»
направление за что-либо	<i>хьуь</i>	<i>хук-ахда</i> «за дерево»
направление из-за чего-либо	<i>хьалаала</i>	<i>хук-ахълаа</i> «из-за дерева»
нахождение на чем-либо	<i>эли</i>	<i>хукаа</i> «на дереве»
направление за что-либо	<i>лаь</i>	<i>хукаа</i> «на дерево»
направление из-за чего-либо	<i>элаа</i>	<i>хукаала</i> «с дерева»

Таблица демонстрирует формальное совпадение эссивов и лативов падежей в рутульском языке на современном этапе развития, что объясняется тенденцией «свертывания локативной системы», отмеченной Г. А. Климовым [2007: 108].

Анализ фактического материала рутульского языка и позволяет сделать предположение, что аффиксы серий местных падежей могли иметь следующую структуру: в основе аффикса – консонант, несущий основную семантическую нагрузку (-*д*- – «около, рядом с ориентиром»; -*х*- – «за ориентиром»; -*к*- – «в составе ориентира»; -*хь*- – «под ориентиром»), в эссивах к нему присоединяется вокалический компонент; в лативах – гласный с направительным формантом -*ь*, в элативах – долгий гласный или сочетание показателя падежа удаления -*л*- с долгим гласным.

Представим это теоретическое положение в форме таблицы:

Местные падежи	Структура аффиксов
Эссивы с семантикой покоя	-согл. (показатель локализации) + <i>v</i> (показатель направления)
Лативы с семантикой направления к ориентиру	*-согл. (показатель локализации) + <i>вь</i> (показатель направления)
Элативы с семантикой движения от ориентира	-согл. (показатель локализации) + <i>vv//</i> -лаа (показатель направления)

Со временем направительный формант -*ь* мог нейтрализоваться в результате работы закона экономии усилий говорящих. Подобное мы наблюдаем в рутульском языке: так, наречия *миди* «здесь, сюда» – *мидиь* «сюда»; *тини* «там, туда» – *тиниь* «туда»; *гьади* «там, туда» – *гьадиь* «туда» демонстрируют ослабление роли компонента -*ь* в выражении направительной семантики.

Таким образом, общность происхождения и функций падежных аффиксов и послелогов, служащих в дагестанских языках для выражения локальных и направительных отношений, позволяет реконструировать прасостояние и проследить фонетические и грамматические процессы, которым подвергались аффиксы местных падежей в процессе развития языка.

При выявлении диахронической эволюции мы будем прибегать к сравнению фактов ареальных единиц рутульского языка с материалом родственных языков лезгинской группы. При этом полагаем, что факты цахурского, будухского и крызского языков важны для реконструкции падежных форм рутульского языка в связи с их поздним отделением от исследуемого языка.

Диахроническая характеристика падежей серии In «внутри ориентира»

Падежи серии In «внутри ориентира» на синхронном уровне имеют вокалический показатель – -v/-vv.

Полагаем, что для инлатива в рутульском языке реконструируемой формой является форма на *-ъ: *хала* «в доме» – **халаъ* «в дом», *дама* «в лесу» – **дамаъ* «в лес» и т. д. Основанием для этой гипотезы является выражение семантики этого падежа – направления внутрь чего-либо – наречием *аъ* «внутри» и превербом *ъv-* (*ъаьшун* «наполнять что-либо», *ъыъын* «наливать во что-либо» и т. д.), содержащими в своей структуре компонент -ъ.

Подобное мнение высказывали лингвисты-кавказоведы: «Формант -а/-аь I серии соответствует серийному показателю -ъ» [Бокарев 1960].

Б. Г.-К. Ханмагомедов и Г. В. Топуриа предлагали реконструировать аффикс падежей этой серии как *-ъ (*-ъа), что более соответствует традиционной схеме основ локализаций, включающих косвенную основу и компонент-согласный, носитель семантики локализации [Топуриа 1967: 207; Ханмагомедов 1958: 20].

Структура наречий и послелогов, выражающих семантику, аналогичную значениям местных падежей (а именно – лативов), позволяет говорить о наличии в финале аффиксов лативов компонента -ъ: *аъ* «внутри», *лаъ* «наверх», *саъ* «вниз», *лаъ* «наверх», *хъуъ* «назад», *хъуъ* «вперед» и т. д.

Подобные параллели отмечал и М. Е. Алексеев: «Ауслаутный *-‘, по-видимому, сохранился и в рутульском языке, но лишь в составе так называемых локативных частиц: *гъа‘* «вне», *са‘* «внизу», *ла‘* «вверх», *хъу‘* «впереди», *хъу‘* «сзади», *а‘* «внутри» [1985: 50]. Факты рутульского языка позволяют нам констатировать, что примеры, переведенные лингвистом как слова с семантикой покоя, в рутульском языке имеют семантику направленности: *гъаъ* «вне», *саъ* «вниз», *лаъ* «вверх», *хъуъ* «вперед», *хъуъ* «назад», *аъ* «внутри».

В пользу этой гипотезы говорит и тот факт, что долгие гласные в рутульском языке являются звуками вторичного образования, возникшими в результате определенных фонетических изменений, в частности – как возмездительная долгота в результате утери смежного согласного. В свете вышеизложенного возникает предположение, что и в случае с падежными аффиксами имеет место случай возмездительной долготы в результате утери смежного согласного, в роли которого реконструируется звук -ъ.

**Сравнительная таблица аффиксов инэссива//инлатива
в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.	прарут. форма
-v	-v	-v/-∅	-v	-v	-v	*Ъ

**Сравнительная таблица аффиксов инэлатива
в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-vv	-vv	-vv	-vv	-vv	*-Ъа

**Диахроническая характеристика падежей
Super «на ориентире»**

При реконструкции падежей с семантикой нахождения на чем-либо, движения к такому положению или от него на общелезгинском уровне, лингвисты выделяют во всех лезгинских языках показатель *-л*, обозначающий нахождение на поверхности. Его также отмечают и в качестве единственного исторического преверба в ряде глаголов [Nargis 2003].

На синхронном уровне в диалектах рутульского языка показатель серии Super *-л* характерен только для падежа удаления – суперэлатива, в отличие от цахурского языка, в котором суперэссив также содержит в структуре аффикса этот компонент. Факт сохранения *-л* только в падеже удаления М. Е. Алексеев отмечал и в табасаранском языке, но там в эссиве и лативе серии Super маркер *-л* перешел в *-н* в результате процесса ассимиляции: *гъваин* «на крыше», по аналогии произошел переход в лативе *гъваин-на* «на крышу» и только в элативе сохранился элемент *-л* – *гъвал-ан* «с крыши» [1985: 49].

М. Е. Алексеев полагал, что в рутульском и шахдагских языках форма локализации на **-лл-* была вытеснена послеложными конструкциями [1985: 50]. Отметим, что в диалектах рутульского языка совмещенный эссив/латив имеет долгий вокалический аффикс в мухадском и мюхрекском диалектах и дополнительный вариант *-vй* в остальных диалектах (причем в ихрекском диалекте показатель *-vй* является единственно возможным). Серия Super является единственной серией местных падежей, в которой аффикс, включающий долгий

гласный (а иногда и состоящий только из долгого аффикса), характерен совмещенному эссиву/лативу. Этот долгий гласный затем, как правило, переходит и в аффикс элатива, но уже не как финальная часть.

Из всех диалектов только в ихрекском ни один из падежей серии Super не имеет в составе аффикса элемент *-л-*. Возможно, следует говорить о звукосоответствии *-л-* – *-й-* между мухадским, шиназским, мюхрекским диалектом, с одной стороны, и ихрекским диалектом – с другой. Борчинско-хновский диалект занимает промежуточное положение в этом процессе, имея вариативный аффикс *-vй/-vv* суперэссива/суперлатива и сочетая в аффиксе суперэлатива *-vйла* и элемент *-л-*, и элемент *-й*, что демонстрирует таблица, приведенная ниже.

Сравнительная таблица аффиксов суперэссива/суперлатива и суперэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр.д.	цах. яз.	прарут. форма
-vv	-vй	- vv/-vй	-vй/-vv	-vv	-вл/-л	*-lv
-vvла	-vйа	-vvла	-vйла	-vvла	-вле/-ле	*-livv

Диахроническая характеристика падежей серии Ad «рядом с ориентиром»

Для падежей третьей серии реконструируемой формой на прарутульском уровне является форма на **-d*: *халда* «у дома» – **халдаъ* «к дому» – *халдаа* «от дома» и т. д. Семантика этого падежа – нахождение рядом с чем-либо, направления к такому положению и направление от него – выражается наречиями *миди* «здесь», *мидиъ* «сюда», *мидаа* «отсюда»; *бегеде* «рядом», *бегедаа* «от положения “рядом”». Направительный падеж утратил компонент *-ъ*, наречие *мидиъ* «сюда» его сохранило.

Факты ихрекского диалекта демонстрируют наиболее архаичную форму падежей серии Ad «рядом с ориентиром», так как согласно исследованиям М. Е. Алексеева, рефлекс пралезгинского аффикса **-ttv* в восточно-лезгинских языках используются «в собственно направительном значении, то есть для указания на приближение к ориентиру» [1985: 47].

Процесс перехода *-tt* в *-d* описан в монографии Г. Х. Ибрагимова: «Упрощение консонантной системы в связи с нейтрализацией

коррелятивного признака сильный-слабый (исторические сильные смычные совпали со звонкими: *кк > г, тт > д, ххъ > къ*)...» [2004: 262].

Особенностью рутульского языка является переосмысление семантики падежей этой серии – так, семантику адэссива «рядом с ориентиром» передают все имена, а семантику адлатива «движение к положению ”рядом с ориентиром”» и адэлатива «движение от положения ”рядом с ориентиром”» – только неодушевленные имена:

Рыш хынхыда ха. – Девочка рядом с ребенком находится.

РыкыИде быстан, юргъа йиван, бытІрад къари – маддынийды йикий. (Посл.). – У дороги сад, быстрый конь, красивая жена – у другого пусть будут.

Касиб нацІурда йиркыйне, нацІур къуру вуруъура. (Посл.). – Когда бедняк к реке приходит, река высыхает.

Значение «направления к положению “рядом с ориентиром”» и «направления от положения “рядом с ориентиром”» на современном этапе развития в диалектах рутульского языка для одушевленных имен и субстантивов передают формы падежи IV серии – постэссив/постлатив и постэлатив:

Даьбдаьбил’быр лампыдыхда лийчири. – Бабочки к лампе полетели.

Яя сырыхда йидкыйд майит хъургъад диш, яя гІаьлихда йибкыйд чІел. (Посл.). – Ни к могиле принесенный покойник не возвращается, ни на язык (букв. «ко рту») пришедшее слово.

Банахълаа виригъ ливир а. – Из-за горы солнце показалось.

Сравнительная таблица аффиксов адэссива/адлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-да/-вда, -де/-вде	-да/ -вда, -де/ -вде,	-да/-вда, -даь/-вдаь	-да/ -вда, -де/ -вде	-да/-вда, -даь/ -вдаь	*-тTV

Сравнительная таблица аффиксов адэлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр.д.	прарут. форма
-даа/ -вдаа	-дда/-вдда-; ддаь/ -ттаь	-даа/-вдаа	-даа/-вдаа	-даа/ -вдаа	*-тTVV

Диахроническая характеристика падежей серии Post «за ориентиром»

Аффиксы постэссива/постлатива во всех диалектах рутульского языка на синхронном уровне совпали в единой форме *-хда/-vxда*. Своеобразие этого падежа выявляется при выявлении его функций. Падежи с маркером *-хда/-vxда* в ихрекском, шиназском и борчинско-хновском диалектах оформляют и эссив/латив серии Post, и, одновременно, *эссив/латив серии Sub*, то есть формально постэссив/постлатив и субэссив/сублатив не различаются.

В мюхрекском диалекте произошло переосмысление постэссива/постлатива, он не выражает семантики Post «за ориентиром». Употребляясь в функции обстоятельства места, он имеет семантику либо семантику Sub «под ориентиром», либо семантику приближения к ориентиру, более характерную для адлативов.

Происхождение аффикса серии Post в рутульском языке из пралезгинского **-хь* отмечали лингвисты-кавказеды. Так, Е. А. Бокарев обнаруживал рефлексы этого пралезгинского аффикса в лезгинском и агульском языках – *-хь*), в табасаранском языке – *-хь*, в арчинском, крызском, удинском, будухском – *-х*, в цахурском – *-хъа* [1960: 47].

Для рутульского языка он выделил рефлексы *-х/-хь*, что отвечает действительности: аффикс *-хда* оформляет постэссив/постлатив, а аффиксы *-хълаа/-хдаа* – постэлатив.

М. Е. Алексеев отмечает и тот факт, что в рутульском языке показатель «*-х(-хь)*» наличествует только в составе сложного показателя *-х-да* и коррелирующего с последним аблатива *-х-ла (-хь-ла)*» [1985: 54].

Сравнительная таблица аффиксов постэссива/постлатива в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-хда/ -vxда	-хда/ -vxда	-хда/ -vxда	-хда/-vxда	-хда/ -vxда	*-хьv

Своеобразие оформления постэлатива в ареальных единицах рутульского языка заключается в том, что мухадский и шиназский диалекты противопоставляются другим ареальным единицам аффиксами: более архаичному мухадско-шиназскому аффиксу *-хълаа/-vxълаа* противопоставлены аффикс *-хдаа/-vxдаа* в ихрекском и мюхрекском диалектах и аффикс *-дыгыр* с затемненной этимологией в борчинско-хновском диалекте.

Аффикс постэлатива *-хдаа/-vxдаа* противопоставляется аффиксу постэссива/постлатива долгой гласной, что является нормой для системы местных падежей рутульского языка. Но в составе этого аффикса отсутствует компонент *-л-*, оформляющий элативы других серий, тогда как в аффиксе *-хълаа/-vxълаа* мухадского и шиназского диалектов представлен этот формант удаления, а согласный *-х-* аффикса постэссива/постлатива в постэлативе содержит более архаичный, реконструируемый для пралезгинского состояния компонент *-хъ-*.

**Сравнительная таблица аффиксов
постэлатива в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-хълаа/ -vxълаа	-хдаа/ -vxдаа	-хълаа/ -vxълаа	-дыгыр/ -vдыгыр	-хдаа/ -vxдаа	*-хълаа

**Диахроническая характеристика падежей
серии Cont «в контакте с ориентиром»**

Падежи серии Cont «в контакте с ориентиром» в диалектах рутульского языка объединены показателем *-к'*.

Е. А. Бокарев относит аффикс *-к'* к общелезгинскому **-кк* со значением «под» и полагает, что формы, подобные *нецIур-у-к* «в реке», являются результатом семантического развития исходного значения «под рекой»: «В рутульском языке падеж на *-к* имеет иное значение, он обозначает нахождение внутри чего-либо: *нецIур* «река», *нецIур-у-к* «в реке». Однако это значение является, несомненно, вторичным» [1960].

М. Е. Алексеев полагает, что «во многих языках (лезгинском, рутульском, цахурском, крызском и будухском) в конце слова совпали рефлексy **-к* и **-лъI*» [1985: 53].

По свидетельству Д. С. Ганенкова, «рефлексy пралезгинского показателя **-к* в современных лезгинских языках в целом очень близки по своей семантике, хотя между ними и наблюдаются некоторые расхождения» [2005: 25].

Показатель *-к* в удинском языке утрачен, а в арчинском языке он используется в качестве контлатива – падежа движения к ориентиру, не выражая значения локализации.

Эти факты дают основание лингвистам предположить исконной сферой функционирования показателя *-к* движение к состоянию кон-

такта с ориентиром. Локализацию контакта с ориентиром этот формант стал выражать после отделения арчинского языка.

Во всех диалектах рутульского языка на современном этапе развития показатель *-к* оформляет не только локализацию *Cont* «в контакте с ориентиром», но и локализацию *Inter* «в аморфном веществе»:

Масалык халыче ки. – На стене ковер висит (букв. «В соприкосновении со стеной ковер находится»).

Некыдик дзыдзаIхъ ки. – В молоке муравей есть.

Д. С. Ганенков предполагает, что в лезгинских языках произошел переход от локализации *Cont* к локализации *Inter*, в отличие от бежтинского и тиндинского, где имело место обратное направление развития.

Для подтверждения этой точки зрения автор приводит факты агульского, табасаранского, арчинского, будухского, крызского языков, в которых сохранился специальный маркер локализации *Inter* [Там же].

Согласно этой точке зрения, в прарутульском языке могла функционировать серия падежей с семантикой *Inter* «в аморфном веществе», которая со временем нейтрализовалась в связи с выполнением функции падежей серии *Inter* падежами серии *Cont* «в контакте с ориентиром». Но исследование глагольных превербов и наречий с семантикой *Inter* не дает нам достаточной доказательной базы для такого утверждения. Возможно, эта серия так и не развилась в языке или развилась и потеряла формальную идентификацию на раннем этапе его развития.

В мухадском, шиназском и ихрекском диалектах маркер контэссива/контлатива произносится мягко. У исследователя М. Е. Алексеева было несколько гипотез появления мягкости *-к*: «палатализация рут. *-к*, вероятно, первоначально имела место лишь после гласных переднего ряда *-и*, *-е*, и лишь затем произошла унификация и в остальных позициях. Впрочем, можно предполагать и исконную палатализацию, обусловленную латеральным происхождением данного форманта» [1985: 54].

Имена в контэссиве/контлативе выражают объект действия с некоторыми глаголами, содержащими в составе форматив «к». У. А. Мейланова считает, что данный форматив исторически восходит к показателю «данного падежа» (в лезгинском языке – местного III) [1960: 115].

**Сравнительная таблица аффиксов
контэссива/контлатива в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-к'/-вк'	-к'/-вк'	-к'//-ки	-к/-вк	-к/-вк	*-к'

**Сравнительная таблица аффиксов контэлатива
в диалектах рутульского языка**

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-к'лаа/ -вк'лаа	-к'аа/ -вк'аа	-кила/ -вкила	-клаа/ -вклаа	-клаа/ -вклаа	*-к'лаа

В монографии Г. Х. Ибрагимова «Цахурский язык» не выделена серия падежей с семантикой Cont, а аффикс -к' признается показателем субэссива. Однако примеры, приведенные для иллюстрации падежа на -к', позволяют сделать вывод о том, что этот падеж совместил в себе функции и контэссива, и субэссива: «*Чийе-к' авуд нефт водон 'под землей нефть имеется'; джан-ак' джан хъаччу 'к телу тело прижал'*») [1990: 73].

**Диахроническая характеристика падежей
серии Sub «под ориентиром»**

Особенностью серии Sub «под ориентиром» в диалектах рутульского языка является ее ущербность вследствие отсутствия специально оформленного субэлатива во всех диалектах, кроме борчинско-хновского.

Сравнительный анализ падежей этой серии в ареальных единицах позволил выявить наличие оформленного субэссива/сублатива только в двух диалектах – мухадском и мюхрекском. Показателем этого падежа выступает аффикс -хъде/-вхъде. В ихрекском и шиназском диалектах на синхронном уровне семантика субэссива/сублатива передается посредством аффикса -хда/-вхда, традиционно оформляющего постэссив/постлатив. Как мы отмечали выше, в этих диалектах формально постэссив/постлатив и субэссив/сублатив не различаются.

В борчинско-хновском диалекте маркером субэлатива является характерный для постэлатива других диалектов аффикс -хдаа/-вхдаа. Но в данном случае речь не идет о совпадении форм постэлатива и субэлатива, так как в этом диалекте для оформления постэлатива употребляется специальный аффикс с затемненной этимологией -дыгыр, вследствие чего элативы серии Post и серии Sub дифференцированы.

Отсутствие отдельно оформленного элатива серии Sub «под ориентиром» в 4 диалектах рутульского языка связано с тем, что произошел семантический переход от значения «внутри» к значению «под», который затем отразился на фонетическом оформлении аффиксов, в результате возникла полисемия «внутри – под», подробно описанная в третьей и пятой главах работы Д. С. Ганенкова [2005].

Первичность значения «внутри, в составе» у аффикса, содержащего консонантный компонент *-к*, подтверждается тем обстоятельством, что в современных лезгинских языках рефлекс пралезгинского форманта **-к* имеют близкую семантику.

Значение же «из-под», выражаемое аффиксом *-клаа/ -вклаа* в диалектах рутульского языка, не находит регулярных параллелей в лезгинских языках (более того, в шиназском диалекте рутульского языка падежи серии «под» не представлены формально, они передаются аффиксами постэссива/постлатива, постэллатива, а в мухадском диалекте семантика субэллатива передается аффиксом контэллатива) и, следовательно, не играет роли в историческом развитии, а всего лишь является конечным итогом семантической эволюции.

Факт совпадения падежей серии Sub с другими падежными формами в ареальной единице агульского языка описан в статье Д. С. Ганенкова, Т. А. Майсака, С. Р. Мердановой: «В отличие от некоторых других агульских диалектов, в хпюкском говоре фонетически совпали показатели двух локализаций – SUB и CONT (тогда как в собственно агульском диалекте для их выражения используются, соответственно, показатели *-kk-* и *-k-*). Эта черта сближает хпюкский говор с лезгинским языком, к которому он примыкает территориально» [2006: 28].

Изложенное выше позволяет нам сделать вывод о позднем формировании этой серии лишь в трёх диалектах (мухадском, мюхрекском и борчинско-хновском) или, напротив, о раннем распаде этой серии во всех диалектах рутульского языка и передаче её функций падежам серий Post и Cont.

***Сравнительная таблица аффиксов субэссива/сублатива
в диалектах рутульского языка***

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
-хьде/ -вхьде				-хьде/ -вхьде	*-хьа

Аффикс субэссива/сублатива в цахурском языке (*-к'/-вк'*) совпадает с аффиксом контэссива/контлатива рутульского языка.

Реконструируемый М. Е. Алексеевым [1985: 49] для пралезгинского состояния маркер серии Sub **-льI* в рутульском языке имеет рефлекс *-хь*, что проявляется в аффиксе постэссива/постлатива *-хьде/-вхьде*, в наречиях *хьалаа* «сзади, позади, хьалаала» «сзади» под ориентиром и т. д.

Субэлатив, оформленный в качестве отдельного падежа только в борчинско-хновском диалекте рутульского языка, передается аффиксом *-хдаа/-vxдаа*.

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.- хнов. д.	мюхр. д.	прарут. форма
			-хдаа/ -vxдаа		*-хълаа

Семантика субэлатива ввиду его формального совпадения с элативами других серий выражается в других диалектах посредством маркеров постэлатива (в шиназском и ихрекском диалектах) и контэлатива (в мухадском и мюхрексом диалектах).

По аналогии образования аффиксов элативов в других сериях падежей субэлатив в мухадском и мюхрекском диалектах должен был иметь аффикс **-хълаа*.

Выводы по третьей главе

В связи с малочисленностью фиксированных письменных источников, отсутствием зачаточных форм письменности, важных для сравнительно-исторических выводов, особую актуальность приобретает глубокое исследование инвентаря грамматических форм в диалектах рутульского языка.

Научные источники по лезгинским языкам и факты ареальных единиц рутульского языка позволяют сделать вывод о том, что система падежей в рутульском языке складывалась путем отделения от одного многофункционального падежа других актуальных функций с соответствующими морфологическими показателями.

О неравномерном вычленении падежей говорит тот факт, что в шиназском и мюхрекском диалектах так и не выделились в качестве самостоятельных падежей компаратив, субэссив/сублатив и субэлатив.

На определенном этапе развития падежная система рутульского языка начала упрощаться путем объединения эссивов и лативов в единые локативно-направительные падежи и путем переноса функций с одной падежной единицы на другую.

Падежные аффиксы в диалектах рутульского языка в целом отражают общую материальную базу пралезгинского языка, описанную в работах М. Е. Алексеева, Е. А. Бокарева, Б. К. Гигинейшвили, Е. Ф. Джейранишвили, Г. Х. Ибрагимова, Г. А. Климова, С. А. Старо-

стина, Г. В. Топуриа и др. Отклонением от общепралеозгинской нормы являются маркеры эргатива и генитива.

Эргатив во всех диалектах рутульского языка оформляется либо вокалическим аффиксом, либо аффиксом, в основе которого имеется консонант *-p-*: *-e*, *-a*, *-pa*, *-pe*, *-vpu*, что не является нормой для многих других лезгинских языков и пралеозгинского состояния. Анализ имеющихся точек зрения лингвистов и фактов близкородственных языков позволил сделать заключение о переходе общелезгинского аффикса эргатива **-d* в диалектах рутульского языка в *-p-*, как и в крызском и будухском языках.

В диалектах рутульского языка генитив оформляется маркерами *-d*, *-vd*, *-dv*, *-vdu*, отличающимися от маркера родительного падежа *-n* многих родственных языков лезгинской группы.

Мы считаем гипотезу Е. А. Бокарева и М. Е. Алексеева о том, что в рутульском языке в качестве генитива используется показатель атрибутива, соответствующей нормам эволюции рутульской морфологии, в которой атрибутивизаторы занимают весьма значительное место [Бокарев 1960: 45; Алексеев 1985: 44]. В связи с чем восстанавливаем в качестве праформы генитива рутульского языка формант **-n*.

То обстоятельство, что промежуточные падежи – комитатив и компаратив оформились в языках лезгинской группы сравнительно недавно, осложняет их реконструкцию. Более того, форма компаратива в некоторых диалектах рутульского языка еще находится на стадии становления.

Анализ падежей в диалектах рутульского языка позволяет констатировать, что в диалектах рутульского языка представлено 6 серий местных падежей, которые с большой вероятностью реконструируются для прарутульского состояния: 1) серия на *-a/-ъ*, которая указывает на нахождение предмета в ком-, чем-либо; 2) серия на *-l*, указывающая на нахождение предмета на ком-, чем-либо; 3) серия на *-d*, указывающая на нахождение предмета при ком-, чем-либо; 4) серия на *-xъ/-x*, указывающая на нахождение предмета за кем-, чем-либо; 5) серия на *-k*, указывающая на нахождение предмета на наклонной плоскости, в жидкости, неплотных веществах, в тесной близости; 5) серия на *-xъ*, указывающая на нахождение предмета под кем-, чем-либо.

Спорным является вопрос о существовании в прарутульском языке серии падежей с семантикой *Inter* «в аморфном веществе», так как исследование глагольных превербов и наречий с семантикой *Inter* не дало нам достаточной доказательной базы для такого утверждения. Предполагаем, что эта серия не развилась в языке или потеряла формальную идентификацию на раннем этапе его развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Падежная система ареальных единиц рутульского языка обнаруживает ряд специфических особенностей, отличающих ее от систем падежей других дагестанских языков: совпадение форм эссивов и лативов во всех диалектах; совпадение в единой грамматической форме значений элативов V и VI серий; активное функционирование косвенной основы со вставочными элементами при отсутствии характерной для других лезгинских языков косвенной основы, равной форме эргатива; способность падежных форм атрибутивизироваться, присоединяя показатель принадлежности *-ды*. Каждая из этих особенностей в отдельности характерна для дагестанских языков, но, сочетаясь и уживаясь в грамматической системе одного языка, они осложняют ее и придают своеобразие.

В настоящей монографии в результате анализа падежей в 5 диалектах рутульского языка с точки зрения их оформления и выполняемых функций были сформулированы нижеследующие результаты и общие положения.

Современный литературный рутульский язык развивается на базе мухадского диалекта с привлечением лексики других диалектов (шиназского, ихрекского, мюхрекского и борчинско-хновского).

Ареальные единицы рутульского языка обладают развитой системой падежных форм имен существительных и субстантивов, выражающих отношение к другим именам или к сказуемому в составе высказывания. В диалектах рутульского языка представлены послелогги, которые управляют падежными формами и служат дополнительными средствами для выражения и уточнения пространственных, временных и других отношений. Наряду с послелоггами имеются и частицы, присоединяющиеся к некоторым падежным формам, придавая им разнообразные оттенки значений.

В мухадском диалекте рутульского языка выявляется 4 общеграмматических, 2 промежуточных и 11 местных падежей. Количество падежей по другим ареальным единицам варьируется в сторону уменьшения их числа, обусловленного отсутствием компаратива и падежей серии Sub «под ориентиром» в отдельных диалектах.

В шиназском и мюхрекском диалектах компаратив как самостоятельный падеж не сформировался, что сближает их с цахурским языком, в диалектах которого компаратив также не выявляется.

Разногласия по вопросу о количестве падежей в рутульском языке порождены рядом обстоятельств: некоторые исследователи рассматривают падеж не как единство формы и содержания, а одно-

сторонне. В диалектах рутульского языка активно функционирует формант *-ды*, являющийся одновременно и падежным аффиксом, и формантом принадлежности, и показателем прилагательных и притяжательных местоимений, что позволяет некоторым исследователям отрицать наличие в языке формы генитива.

Исследователи падежной системы ихрекского и мюхрекского диалектов и хновского говора (К. Э. Джамалов, Л. М. Ибрагимова и Р. А. Исламов) выделяют в качестве отдельных падежей атрибутизированные падежные формы.

Г. Х. Ибрагимов выделял в составе серий местных падежей и локативные, и направительные, и исходные падежи, тогда как анализ материальной стороны и семантики позволили С. М. Махмудовой прийти к выводу о последовательном слиянии эссивов и лативов в едином локативно-направительном падеже.

Количество местных падежей в диалектах варьируется: в мухадском диалекте II местных падежей, объединенных в шесть серий в составе единого эссива/латива и элатива (серия Sub «под ориентиром» является ущербной, так как субэлатив формально совпал с контэлативом); в шиназском, ихрекском мюхрекском не разграничены серии Sub «под ориентиром» и Post «за ориентиром», они имеют единые для семантики «под ориентиром» и «за ориентиром» аффиксы *-хда* для эссива/латива и *-хдаа* или *хълаа* для элатива. Субэлатив из всех диалектов выявляется только в борчинско-хновском.

Падежи в диалектах рутульского языка многозначны – каждый падеж служит для выражения множества различных значений.

Основные падежи рутульского языка (номинатив, эргатив, генитив, датив), являясь элементами морфологической структуры, выражают синтаксические отношения одного субстантива к другому слову высказывания или к высказыванию в целом. Отношения, выражаемые основными падежами, характеризуются как абстрактные отношения между предметами. Для рутульского языка характерно оформление субъекта действия тремя основными падежами (именительным, эргативным и дательным) и местными падежами.

Комитатив и компаратив, занимающие по своим грамматическим характеристикам промежуточное положение между общеграмматическими и местными падежами, выполняют преимущественно функцию объекта действия, но компаратив разнообразил свои функции и оформляет еще и обстоятельства времени, цели и образа действия, а также используется при выражении степеней сравнения имен прилагательных.

При анализе фактического материала мы обнаружили разницу в частотности употребления компаратива: в мухадском диалекте он употребляется чаще, чем во всех других ареальных единицах. В частности, в борчинско-хновском диалекте случаи употребления компаратива единичны, а в шиназском и мюхрекском диалектах этот падеж вообще не выявляется.

Основной функцией местных падежей рутульского языка является указание на различные положения предмета в пространстве. Следует отметить, что наличие большого количества местных падежей, соотносящихся с развитой системой глагольных превербов, создает в языке достаточно точное и конкретное выражение локализации предмета в пространстве. Местные падежи дагестанских языков выполняют функции, уточняющие нахождение предмета в той или иной точке пространства, направление к ней и от нее.

За долгий исторический период развития падежной системы рутульского языка локативы стали выражать, кроме своих непосредственных (пространственных) функций, функции основных падежей: субъекта действия (оформляя локативную конструкцию предложения) и объекта действия. Под названием «локативная» объединено восемь типов конструкций, каждая из которых располагает своим падежом и своим значением. Функцией субъекта обладают эссивы/лативы и элативы II, III, IV и V серий местных падежей. Субъектные роли распределяются по местным падежам следующим образом:

суперэссив/суперлатив – долженствование, необходимость;

суперэлатив – избавление;

адэссив/адлатив – занятия, образ жизни, обладание чем-либо в данное время;

адэлатив – непреднамеренность, случайность действия, способность/ неспособность совершения действия;

постэссив/постлатив – обладание и физиологические желания, потребности;

постэлатив – произвольность действия;

контэссив/контлатив – физическое или психологическое состояние;

контэлатив – превращение, изменение облика.

Местные падежи выражают объект действия с глаголами передвижения (эссивы/лативы – с глаголами приближения, элативы – с глаголами отдаления), с глаголами речи.

Значение объекта, с которым сравнивают другое лицо или предмет, имеет суперэлатив.

Суперэссив/суперлатив употребляется при выражении клятв, заклинаний, при глаголах со значениями «давать имя, называть», «поручать», «встречаться» и т. д.

Ряд местных падежей (падежи серии In, суперэлатив, постэссив/постлатив, контэлатив) оформляет время происхождения действия с уточнением определенного оттенка.

На то, каким образом, каким способом происходит действие, указывают инэлатив, суперэлатив, постэссив/постлатив и субэссив/сублатив, оформляющие обстоятельство образа действия.

Формы всех падежей входят как составная часть в сложные глаголы и словосочетания, передающие определенное действие или состояние, а также встречаются в ряде идиоматических выражений, представляющих определенный интерес для изучения истории языка.

При относительной общности материального выражения функции падежей в диалектах иногда сильно дифференцированы. Так, в одной и той же фразе *Мне тридцать лет* личное местоимение в разных ареальных единицах передается с помощью разных падежных форм:

Мух. д.: *Изды* (ген.) *хьибцІыр сен йиъи*.

Хнов. г.: *Йахда* (постэс./постлат.) *шибцІыр саьн а*.

Ихр. д.: *Зас* (дат.) *хьибцІыр сен йиъи*.

Семантика сходства кого-то с кем-то также передается разными грамматическими средствами: *Дочь на отца похожа*.

Мух. д.: *Рыш дидик* (контэс./контлат.) *кирикара*.

Хнов. г.: *Рыш дидыс* (дат.) *кирикара*.

Склонение во всех диалектах рутульского языка характеризуется наличием двух основ – прямой и косвенной. Доминирующим в языке является тип склонения со вставочными элементами, имеющий широкое поле функционирования. К основе номинатива падежные аффиксы присоединяют лишь некоторые существительные единственного числа и формы масдара.

Природа вставочных элементов многократно исследовалась лингвистами, но единого мнения о ее характере в науке еще не сложилось. Одна из наиболее распространенных точек зрения по данному вопросу – квалификация вставочных элементов в качестве показателей лексико-грамматических классов.

Наличие вставочного элемента (а иногда – и двух) осложняет структуру падежных форм. Так, в парадигмах склонения обнаруживаются четырех-, пятиэлементные структуры: *хик-ир-м-ыс* «орехам», *ми-би-ш-ис* «этим», *къаргъы-й-ма-ш-ис* «воронам», *язны-й-ма-ш-ис* «зятьям» и т. д.

Проведенный в работе анализ материала диалектов рутульского языка позволяет сделать вывод о едином принципе оформления косвенной основы, охватывающем все имена существительные, субстантивы, масдар и позволяющем минимизировать количество типов склонения с сохранением при этом оппозиции форм косвенных падежей.

Во всех ареальных единицах вставочные элементы ограничиваются выбором из представленных в рутульском языке четырех консонантных компонентов – *-р-*, *-й-*, *-д-*, *-л-*, которые могут варьироваться и взаимозаменяться при оформлении косвенной основы имен существительных единственного числа.

Во множественном числе к основам одушевленных имен существительных (существительных I, II и III кл.) в диалектах рутульского языка присоединяется вставочный элемент *-ш-*, к основам неодушевленных существительных (существительных IV кл.) – вставочный элемент *-м-*.

Интересным с научной точки зрения является то обстоятельство, что во всех диалектах рутульского языка склонение имен существительных во мн. числе дифференцировано по признаку одушевленности/неодушевленности. Склонение же субстантивов как единственного, так и множественного числа дифференцировано по признаку разумности/неразумности.

Склонение личных и возвратного местоимений не подчиняется общим правилам: при их склонении в ед. числе выявляется тип склонения, характеризующийся эргативной основой оформления падежей. При склонении же личных местоимений множественного числа в мухадском диалекте формы номинатива и эргатива совпадают, во всех других диалектах они маркируются специфическими аффиксами.

При изменении по падежам корневые гласные некоторых существительных в косвенных падежах претерпевают следующие фонетические изменения: редукцию, уподобление и чередование. Так как эти процессы по диалектам неравномерны, это существенно осложняет понимание речи носителями других ареальных единиц.

При склонении субстантивов единственного числа I, II кл. в ареальных единицах рутульского языка употребляются вставочные элементы *-ний-* (для мухадского диалекта), *-ну-/ни-* (для ихрекского диалекта), *-на-* (для шиназского и борчинско-хновского диалектов), *-ну* (для мюхрекского диалекта). Своеобразие проявляет ихрекский диалект, в котором при склонении субстантивов формы I класса противопоставляются формам II, III и IV классов оформлением косвенных основ: косвенную основу I класса оформляет вставочный элемент *-ну-*, косвенную основу II, III и IV классов – формант *-ни-*. Подчеркнем еще раз, что это – единственный диалект, в котором при склонении субстантивов формы I класса противопоставляются формам II, III и IV классов оформлением косвенных основ.

Таблица вставочных элементов, присоединяемых к основам субстантивов ед. ч. I, II кл. в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.
-ний-	-ну- (для I кл.) -ни- (для II кл.)	-на-	-на-	-ну-

Косвенную основу субстантивов единственного числа III и IV классов во всех диалектах, кроме ихрекского, оформляет вставочный элемент -*д*, в мюхрекском диалекте параллельно употребляется формант -*й*. В ихрекском диалекте, как уже говорилось ранее, для оформления падежных форм субстантивов III и IV классов используется вставочный элемент -*ни*.

Таблица вставочных элементов, присоединяемых к основам субстантивов ед.ч. III, IV кл. в диалектах рутульского языка

мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр.д.
-д-	-ни-	-д-	-д-	-д-/-й-

Анализ вставочных элементов, присоединяемых к основам субстантивов мн. ч. I, II кл., относящихся к категории разумных, и субстантивов мн. ч. III, IV кл., относящихся к категории неразумных, в диалектах рутульского языка позволил выявить единообразие (в цахурском языке мы выявили отличие), что и демонстрирует таблица, приведенная ниже:

диалекты языки	мух. д.	ихр. д.	шин. д.	борч.-хнов. д.	мюхр. д.	цах. яз.
вставки						
вставки в основах субстантивов мн. ч. I, II кл	-ш-	-ш-	-ш-	-ш-	-ш-	-ш-
вставки в основах субстантивов мн. ч. III, IV кл	-м-	-м-	-м-	-м-	-м-	-чи-

Таким образом, инвентарь вставочных элементов, оформляющих формы множественного числа имен существительных и субстантивов, един – *-ш-* и *-м-*, но принцип, лежащий в основе их применения, не одинаков.

Здесь же необходимо отметить, что масдар в падежных формах множественного числа в рутульском языке употребляется очень редко – только в разговорной речи, что позволяет сделать вывод о переосмыслении носителями рутульского языка масдара и восприятию его более как глагольной формы, чем как формы, близкой к имени и способной к склонению.

Характерной особенностью падежных форм существительных и субстантивов рутульского языка является их способность атрибутироваться, присоединяя показатель *-ды* в единственном и множественном числах, что существенно осложняет морфологию местоимений рутульского языка, способствуя возникновению синонимичных грамматических форм генитива и атрибутизированной формы местоимений. Формы именительного падежа личных местоимений, присоединяя атрибутивный показатель *-ды*, совпадающий с аффиксом родительного падежа, переходят в разряд притяжательных: *зы* «я» – *изды* «меня, мой»; *вы* «ты» – *выды* «твой», которые могут атрибутироваться еще раз: *изды* «мой» – *издынийды* (I, II кл.) *хал* «тот, который моего, дом», *издыдид* (III, IV кл.) *хал* «тот, который моего, дом» и т. д.

Как показало наше исследование, атрибутируются в основном формы дательного, промежуточных и некоторых местных падежей местоимений, но не формы именительного и эргативного падежей.

Активное функционирование атрибутивизатора *-ды* в грамматической системе рутульского языка привело к недоразумениям с определением количества падежей в ареальных единицах рутульского языка, так как исследователи зачастую относили атрибутивизированные формы к отдельным падежам.

Проведенный в работе анализ падежного инвентаря рутульского языка свидетельствует о многообразии структурных вариаций падежных форм, обусловленных спецификой грамматической системы рутульского языка. В диалектах исследуемого языка выявляются сложные образования, в составе которых многократно встречается атрибутивизатор *-ды*, типа формы компаратива *дид-ды-ды-хъаъ-ды-ды-хъаъ* «тот, который за того, кто (или что) принадлежит отцу», в которых к корню присоединяются различные показатели количеством до 6, об-

щее число звуков в формантах достигает I4, а их звуковое оформление выглядит следующим образом: -CV-CV-CVC-CV-CV-CVC.

Разнообразие структур формообразующих элементов падежной системы рутульского языка сочетается с различием в их функциональной нагрузке: указанные элементы можно рассматривать как полифункциональные единицы, способные выражать семантику нескольких падежей – эргатива, генитива, датива, эссивов-лативов, элативов и т. д.

Исследовав вопросы склонения омонимов в диалектах рутульского языка, мы пришли к выводу, что образование параллельных или идентичных падежных форм омонимичными словами не мотивировано принадлежностью омонимов к какому-либо лексико-грамматическому классу и на современном этапе развития языка не подчиняются каким-либо правилам. Стремление носителей языка к унификации косвенных основ и экономии усилий приводит к постепенному стиранию расхождений в оформлении косвенных основ омонимичных слов.

Сравнительный анализ падежей в ареальных единицах рутульского языка позволил выявить специфические черты каждого из диалектов: в области количества падежей и их оформления мы обнаружили следующие особенности:

1) в мухадском диалекте:

- формы номинатива и эргатива у личных местоимений мн. числа (в отличие от всех остальных ареальных единиц) совпадают:

Ном. – е «мы» ве «вы»

Эрг. – е ве;

- VI серия местных падежей – серия Sub «под ориентиром» – является ущербной и представлена только совмещенным субэссивом/сублативом;

- аффикс *-хьде* оформляет субэссив/сублатив только в мухадском и мюхрекском диалектах, в других диалектах не функционирует;

- вставочный элемент *-ний-*, выявляемый в косвенной основе субстантивов единственного числа I, II кл., не употребляется в таком фонетическом оформлении в других диалектах рутульского языка;

2) в шиназском диалекте:

- отсутствует компаратив как самостоятельная падежная единица, а его функции осуществляет элатив I серии местных падежей – серии Super «на ориентире»;

- отсутствует VI серия местных падежей - серия Sub «под ориентиром», а функции падежей субэссива/сублатива и субэлатива выполняют падежи серии Post «за ориентиром»;

- моновокалический аффикс эргатива у имен существительных выпадает, вследствие чего форма эргатива совпадает с формой номинатива;

- в шиназском диалекте инэссив/инлатив постепенно утрачивает вокалический аффикс *-v*, и, таким образом, он формально совпадает с номинативом, имеющим нулевой аффикс;

- при оформлении контэлатива употребляется аффикс *-кила* (*ва-кила* «из тебя, от тебя»; *ватанд-икилаа* «из родины, от родины»), в отличие от традиционного для других диалектов (кроме ихрекского) аффикса *-к'лаа/-vk'лаа*;

3) в мюхрекском диалекте:

- мюхрекский диалект проявляет своеобразие в оформлении косвенной основы субстантивов в единственном числе, присоединяя вставочный элемент *-ну-* к основе номинатива I и II классов и вставочный элемент *-й-* или *-д-* к основе III и IV классов;

- эргатив личных местоимений оформляется аффиксом *-д* (*за-д* «я», *ва-д* «ты», *жаьд* «мы», *жваь-д* «вы»), который в ареальных единицах рутульского языка традиционно оформляет форму генитива;

- компаратив как самостоятельная падежная единица не функционирует, функции сравнения осуществляет суперэлатив;

- в мюхрекском диалекте произошло переосмысление постэссива/постлатива: употребляясь в функции обстоятельства места, он имеет либо семантику Sub «под ориентиром», либо семантику приближения к ориентиру, более характерную для адлативов;

4) в ихрекском диалекте:

- ихрекский диалект противопоставляется другим ареальным единицам оппозицией форм I класса формам II, III и IV классов при оформлении косвенной основы субстантивов: косвенную основу I класса оформляет вставочный элемент *-ну*, косвенную основу II, III и IV классов – формант *-ни-*;

- наблюдаются серьезные отличия от традиционной модели оформления косвенной основы – функционирование вставочного элемента *-ни-*, присоединяемого к основам субстантивов III и IV классов в ед. числе, является нехарактерным для других диалектов, так как в них косвенную основу аналогичных субстантивов оформляет вставочный элемент *-д-*;

- форма контэлатива имеет аффикс *-к'а /v-к'а*: *нецIур-ык'а* «из реки», что не является нормой для остальных ареальных единиц, использующих в составе аффикса контэлатива согласный *-л-*;

- факты ихрекского диалекта демонстрируют наиболее архаичные аффиксы падежей серии Ad «рядом с ориентиром» – *-ддаь/-ттаь* и *-дда/-тта* (для адэлатива), которые отличаются от аналогичных аффиксов других диалектов геминированным согласным;

- при склонении субстантивированных прилагательных в ихрекском диалекте показатель атрибутивности *-ды* выявляется лишь в форме номинатива (что не является нормой для других диалектов, сохраняющих этот маркер во всех падежных формах):

<i>I класс</i>	<i>II класс</i>
Ном. гьыхды	рьыхды
Эрг. гьых-ну-ра	рьых-ни-ра
Дат. гьых-ну-с	рьых-ни-с и т. д.;

5) в борчинско-хновском диалекте:

- выявляется аффикс постлатива *-дыгыр* с затемненной этимологией, не характерный для других ареальных единиц;

- склонение существительных ограниченного (двойственного) числа в диалекте является упрощенным: в косвенных падежах отсутствует наращение *-аб*, что вместе с отсутствием финального *-р* в номинативе и во всех остальных падежах существенно упрощает структуру падежных форм в отличие от других диалектов:

Ном. хыл-аб-ы «руки»	ул-аб-ы «глаза»
Эрг. хыл-а-м-ыра	ул-а-м-ыра
Ген. хыл-а-м-ыд	ул-а-м-ыд и т. д.

Для сравнения приведем материал мухадского диалекта:

Ном. хыл-аб-ыр «руки»	ул-аб-ыр «глаза»
Эрг. хыл-а-быр-м-ыра	ул-а-быр-м-ыра
Ген. хыл-а-быр-м-ыд	ул-а-быр-м-ыд и т. д.

- в хновском говоре борчинско-хновского диалекта аффикс эргатива может иметь структуру *-VC* и (*хал-ыр* «дом»), что не является нормой для других ареальных единиц рутульского языка;

- формы эргатива личных местоимений в говорах борчинско-хновского диалекта оформляются аффиксом *-дж// -джv*, не характерным для грамматической системы ни одного другого диалекта:

Ном. йи «я»	гьу «ты»
Эрг. йи-дж	гьу-дж.

Возможность выявления специфических особенностей мюхрекского диалекта в оформлении и функционировании падежей

позволяет нам констатировать, что эта ареальная единица, игнорируемая некоторыми исследователями или объединяемая с ихрекским диалектом, является самостоятельным диалектом, более тяготеющим к восточному наречию и имеющим ряд сходных черт с мухадским и шиназским диалектами.

В диссертации выявлены и особенности, характерные для групп диалектов:

а) так, специфичной является зависимость употребления аффиксов генитива ихрекского, мюхрекского и борчинско-хновского диалектов от лексико-грамматической категории одушевленности/неодушевленности слова, согласуемого с данной формой. Это грамматическое явление, наблюдаемое в трех диалектах рутульского языка из пяти, может быть объяснено ареалом их локализации – они занимают пограничную территорию с цахурским языком, для которого обусловленность применения аффикса генитива категорией одушевленности /неодушевленности является нормой;

б) в ихрекском и борчинско-хновском диалектах структура аффикса *-VCV* характерна для генитива, в отличие от других диалектов (в которых возможны лишь структуры аффиксов генитива *-VC* и *-CV*): ихр. д. – *хынх-ыды* (ген.) «ребенка», *гъайванд-иды* (ген.) «лошади»; борч.-хн. д. – *сывым-ыды* (ген.) «гор», *муIхъм-ыды* (ген.) «сёл» и т. д.;

в) в ихрекском и борчинско-хновском диалектах представлена фонетическая разновидность аффикса комитатива *-фан/-vфан*, компонент *-ф-* которой является результатом делабиализации компонента *-хъв-*, лежащего в основе аффикса комитатива (*-хъван/-vхъван*) других ареальных единиц;

г) аффикс компаратива *-хъа/-vхъа* в ихрекском и борчинско-хновском диалектах представляет собой усеченный вариант аналогичного аффикса мухадского диалекта *-хъаъ/-vхъаъ*, в котором выпал финальный *-ъ*;

д) в ихрекском и борчинско-хновском диалектах падежи серии Super содержат в составе элемент *-й-*, имеющий звукосоответствие *-л-* в составе аналогичных аффиксов мухадского, шиназского и мюхрекского диалектов;

е) при оформлении постэлатива мухадский и шиназский диалекты противопоставляются аффиксами *-хълаа/-vхълаа* ихрекскому и мюхрекскому диалектам с аффиксом постэлатива *-хдаа/-vхдаа* и борчинско-хновскому диалекту с аффиксом *-дыгыр*;

ж) аффикс постэлатива *-хълаа/-vxълаа* мухадского и шиназского диалектов противопоставляется аналогичному аффиксу других ареальных единиц *-хдаа/-vxдаа* наличием компонента удаления *-л-*, оформляющего элативы других серий, и переходом согласного *-х-*, содержащегося в аффиксе постэссива/постлатива, в *-хъ-*.

Выявление сходных и отличительных черт в оформлении и функционировании падежей в рутульских диалектах позволяет сделать вывод о схожести морфологии мухадского и шиназского диалектов, к ним по грамматическим особенностям отчасти примыкает и мюхрекский диалект; ихрекский и борчинско-хновский диалект обнаруживают сходные черты, что подтверждает существующую в рутуловедении точку зрения о близости этой общности диалектов к цахурскому языку, в особенности – к его гельмецкому диалекту.

Анализ языкового материал, проведенный в главах монографии, позволяет сделать вывод об ослаблении позиций эргатива и инэссива/инлатива.

Так, в рутульском языке выявляется меньшее количество формантов эргатива в отличие от других языков лезгинской группы; здесь отсутствует косвенная основа, равная основе эргатива, в отличие от многих других дагестанских языков; наблюдается тенденция к вытеснению эргатива за счет становления комитатива основным средством оформления инструментального дополнения.

Кроме того, в речи носителей шиназского диалекта в некоторых случаях моновокалический аффикс эргатива у имен существительных выпадает, вследствие чего форма эргатива совпадает с формой номинатива: *Изды нин(е) кIвалах ваъар аджиш, изды дид(е) халды кIвалах ваъара*. – Моя мать не работает, мой отец домашнюю работу выполняет.

С учетом названных выше фактов и совпадения форм номинатива и эргатива личных местоимений в некоторых диалектах можно предположить, что в исследуемом языке наметилась тенденция к стиранию граней между номинативом и эргативом.

Шиназский диалект проявляет своеобразие и в оформлении инэссива/инлатива: в речи шиназцев моновокалический аффикс этого падежа (как и моновокалический аффикс эргатива) выпадает, и, вследствие этого, форма инэссива/инлатива совпадает с формой номинатива: *Къандзыгъай хал(а) хъиркъыр*. – Кандзыгай (ведьма) домой вернулась. Примечательно, что анализ языкового материала других диалектов не выявил подобных особенностей.

Общность происхождения и функций падежных аффиксов и послелогов, служащих в дагестанских языках для выражения локальных и направительных отношений, позволила нам в третьей главе реконструировать прасостояние и проследить фонетические и грамматические процессы, которым подвергались аффиксы местных падежей в процессе развития языка.

Исследование диалектного материала свидетельствует о том, что аффиксы серий местных падежей могли иметь следующую структуру: в основе аффикса – консонант, несущий основную семантическую нагрузку, в эссивах к нему присоединяется вокалический компонент; в лативах – гласный с направительным формантом -ь, в элативах – долгий гласный или сочетание показателя падежа удаления -л- с долгим гласным. Предполагаем, что направительный формант -ь мог со временем нейтрализоваться, как и в случае с наречиями *миди* «здесь, сюда» – *мидиъ* «сюда»; *гьади* «там, туда» – *гьадиъ* «туда», имеющими параллельные формы.

Анализ диалектного материала позволил эксплицитно представить общие и специфические особенности, проявляющиеся на уровне отдельных территориально-языковых единиц в количестве падежных единиц, в оформлении падежных форм, в выборе вставочных элементов, дифференцирующих типы склонения, и в функционировании некоторых падежей; дал возможность установить уровень и направление исторического развития падежной системы рутульского языка, уточнить количество и состав диалектов рутульского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев З. Г.* Категория падежа в даргинском языке. – Махачкала, 1961.
2. *Абдуллаев З. Г.* Проблемы эргативности даргинского языка. Аспекты типологического исследования. – М., 1986.
3. *Абдуллаев З. Г.* Даргинский язык. 2. Морфология. – М., 1993, – 473 с.
4. *Абдуллаев И. Х.* Об аблауте в системе лакского именного склонения // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. – С. 120–128.
5. *Абдуллаев И. Х.* Морфология лакского языка в историко-сравнительном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 60 с.
6. *Аванесов Р.ИИ., Сидоров В. Н.* Очерк грамматики русского литературного языка. – М., 1945.
7. *Адилов А. Г.* Морфолого-синтаксическая характеристика падежей табасаранского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1999.
8. *Алексеев М. Е.* Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. – М., 1985. – 158 с.
9. *Алексеев М. Е.* К реконструкции пралезгинских показателей косвенной основы на согласный // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. – С. 223–229.
10. *Алексеев М. Е.* К реконструкции общедагестанского датива // Тезисы докладов всесоюзной научной конференции «Историко-лингвистические связи народов Кавказа и проблемы языковых контактов». 24–26 окт. 1989 г. – Грозный, 1989. – С. 46.
11. *Алексеев М. Е.* К реконструкции общедагестанского генитива // Проблемы сравнительно-исторического исследования морфологии языков Дагестана. – Махачкала, 1992. – С. 22–29.
12. *Алексеев М. Е.* Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. – М.: Academia, 2003. – 264 с.
13. *Алексеев М. Е.* Очерки истории отечественного кавказоведения. – М.: Academia, 2008. – 280 с.
14. *Алисултанов А. С.* Проблемы базисной лексики русского, английского и рутульского языков (на материале глаголов): автореф. дис. ...канд. филол. наук. – М., 1986. – 18 с.
15. *Алисултанов А. С.* Об одной особенности образования множественного числа имен существительных в рутульском языке // Те-

зисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. – Махачкала, 1992. – С. 135.

16. *Алисултанов А. С.* Редупликация в лезгинских языках: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Махачкала, 2012. – 54 с.

17. *Бокарев А. А.* Эргативный падеж в языках цезской группы горских языков Дагестана // *Языки Дагестана*. Вып. II. – Махачкала, 1954.

18. *Бокарев Е. А.* Локативные и нелокативные значения местных падежей в дагестанских языках // *Язык и мышление*. – М.;Л., 1948. – Т. XI.

19. *Бокарев Е. А.* О категории падежа // *Вопросы языкознания*. – М., 1954. – № 1.

20. *Бокарев Е. А.* К реконструкции падежной системы пралезгинского языка // *Вопросы грамматики*. – М.;Л., 1960. – С. 43–50.

21. *Бокарев Е. А.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. – Махачкала, 1961. – 99 с.

22. *Будагов Р. А.* Введение в науку о языке. – М., 1958.

23. *Бурчуладзе Г. Т.* Основные вопросы падежного состава и процессов склонения в лакском языке. – Тбилиси, 1986. – 132 с.

24. *Быховская С. Л.* Объективный строй *verba sentiendi* // *Язык и мышление*. – М.;Л., – 936. VI–VII. – С. 19–42.

25. *Гайдаров Р. И.* Морфология лезгинского языка. – Махачкала, 1987. – 164 с.

26. *Гайдаров Р. И.* О некоторых исторически значимых особенностях лезгинских диалектов в области склонения // *Падежный состав и система склонения в кавказских языках*. – Махачкала, 1987. – С. 128–133.

27. *Ганенков Д. С.* Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 28 с.

28. *Ганенков Д. С., Майсак Т. А., Мерданова С. Р.* Пространственные и непространственные значения локализации APUD «возле ориентира» в агульском языке // *Алексеев М. Е. (ред.) Гора языков... и еще один: К 100-летию Евгения Алексеевича Бокарева*. – М., 2006. – С. 27–61.

29. *Ганенков Д. С., Мерданова С. Р.* Семантика пространственных форм существительных в агульском языке // *Исследования по теории грамматики. II. Грамматикализация пространственных значений*. – М., 2002. – С. 127–149.

30. *Ганиева Ф. А.* Система местоимения джабинского диалекта лезгинского языка // Местоимение в языках Дагестана. – Махачкала, 1983. – С. 54–66.
31. *Гаприндашвили Ш. Г.* Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Труды Юго-Осетинского государственного педагогического института, 1956. – Т. 3.
32. *Гигинейшвили Б. К.* Падежная система общедагестанского языка в свете общей теории эргативности // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 1.
33. *Гудава Т. Е.* Языки народов СССР. – Том 4. – М., 1967.
34. *Гусейнова Ф. И.* Лексика рутульского языка: автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Тбилиси, 1986. – 23 с.
35. *Гюльмагомедов А. Г., Саадиев Ш. М.* Существует ли двойственное число в лезгинских языках // Ежегодник ИКЯ. – Тбилиси, 1988. – Т. XV. С. 317–322.
36. *Дешериев Ю. Д.* Грамматика хиналугского языка. – М., 1959. – 224 с.
37. *Джамалов К. Э.* Способы выражения пространственных отношений в рутульском языке // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. – Махачкала, 1990. – С. 123–126.
38. *Джамалов К. Э., Семедов С. А.* Краткий грамматический очерк рутульского языка // Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект). – М., 2006.
39. *Джейранишвили Е. Ф.* Некоторые общие именные основы в цахурско-рутульском, удинском и других иберийско-кавказских языках. – Тбилиси, 1958. – Т. IX–X.
40. *Джейранишвили Е. Ф.* Основные вопросы фонетики и морфологии цахского и мухадского (рутульского) языков: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Тбилиси, 1966.
41. *Джейранишвили Е. Ф.* Рутульский язык // Языки народов СССР. – М., 1967. – Т. 4.
42. *Джейранишвили Е. Ф.* Цахский и мухадский языки. 2. Морфология. – Тбилиси, 1983. – 614 с.
43. *Джейранишвили Е. Ф.* Цахский и мухадский языки. 1. Фонетика. – Тбилиси, 1984.
44. *Дирр А. М.* Рутульский язык. – Тифлис, 1911. – 204 с.
45. *Ельмслев Л.* О категориях личности-неличности и одушевленности-неодушевленности. Пер. с франц. яз. Цит. по: Принципы типологического анализа языков различного строя. – М., 1972.
46. *Жирков Л. И.* Грамматика лезгинского языка. – Махачкала, 1941. – 131 с.

47. *Жирков Л. И.* Лакский язык. Фонетика и морфология. – М., 1955. – 160 с.
48. *Жирков Л. И.* Табасаранский язык. – М.;Л., 1948.
49. *Ибрагимов Г. Х.* О многоформантности множественного числа имен существительных в восточнокавказских языках // Вопросы языкознания. – 1974. – № 3.
50. *Ибрагимов Г. Х.* Рутульский язык. – М., 1978. – 306 с.
51. *Ибрагимов Г. Х.* Склонение имен существительных в рутульском языке // Именное склонение в дагестанских языках. – Махачкала, 1979. – С. 24–41.
52. *Ибрагимов Г. Х.* Рутульский язык: (Синхронная и диахроническая характеристика диалектов): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1980.
53. *Ибрагимов Г. Х.* Общности в склонении имен существительных в цахурском, рутульском, крызском и будухском языках // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. – С. 138–147.
54. *Ибрагимов Г. Х.* Особенности личных местоимений в рутульском и цахурском языках // Ежегодник ИКЯ. – Тбилиси, 1988. – Т. XV. – С. 322–326.
55. *Ибрагимов Г. Х.* Цахурский язык. – М., 1990. – 239 с.
56. *Ибрагимов Г. Х.* Рутульский язык: Синхрония и диахрония. – Махачкала, 2004. – 308 с.
57. *Ибрагимов Г. Х., Алисултанов А. С., Султанаева Г. А.* Словообразование в рутульском языке. – Махачкала, 2007.
58. *Ибрагимова М. О.* Функционально-синтаксическая характеристика падежей рутульского языка. – Махачкала: ДГПУ, 2018. – 112 с.
59. *Ибрагимова Л. М.* Мюхрекский диалект рутульского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2009.
60. *Исаев Н. Г.* Фонетика рутульского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1974.
61. *Исламов Р. А.* Хновский говор борчинско-хновского диалекта рутульского языка: Фонетика, морфология, лексика: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2014. – 18 с.
62. *Исламов Р. А., Ибрагимова М. О.* Особенности склонения в хновском говоре рутульского языка // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. – Вып. № 2. – Махачкала: ДГПУ, 2014а. – С. 67–70.
63. *Исмаилова А. М., Таурова (Ибрагимова) М. О.* Особенности оформления объектных, определительных и обстоятельственных отношений в рутульском языке. – Махачкала: ДГПУ, 2010. – 135 с.

64. *Канцельсон С. Д.* К происхождению эргативной конструкции // Эргативная конструкция в языках различных типов. – Л. 1967. – С. 33–40.
65. *Канцельсон С. Д.* Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972. – 216 с.
66. *Кибрик А. Е.* К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. – М., 1970. – С. 110–156.
67. *Кибрик А. Е.* Семантика грамматических падежей в дагестанских языках // Падежный состав и система склонения, в иберийско-кавказских языках. IX региональная научная сессия: тезисы докладов. – Махачкала, 1981. – С. 69.
68. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В.* Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика. – М., 1990. – 364 с.
69. *Кибрик А. Е.* Элементы цахурского языка в типологическом освещении. – М., 1999.
70. *Кибрик А. Е.* Константы и переменные языка. – С.-Пб., 2003.
71. *Климов Г. А.* Кавказские языки. – М., 1965.
72. *Климов Г. А.* Очерк общей теории эргативности. – М., 1973.
73. *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. – М., 1977.
74. *Климов Г. А., Алексеев М. Е.* Типология кавказских языков. – М., 1980.
75. *Климов Г. А.* Принципы контенсивной типологии. – М., 1983. – 224 с.
76. *Климов Г. А.* Введение в кавказское языкознание. – М., 2007.
77. *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. – М., 1990. – 168 с.
78. *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков: сопоставление основной лексики. – М: Восточная литература, 2003.
79. *Магомедбекова З. М.* Локативные падежи в аварско-андийских языках // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. – С. 86–92.
80. *Магомедов А. А.* Склонение личных и указательных местоимений в табасаранском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. – М., 1961. – С. 227–239.
81. *Магомедов А. А.* Табасаранский язык. – Тбилиси, 1965. – 398 с.
82. *Магомедов А. А.* Агульский язык. – Тбилиси, 1970. – 242 с.
83. *Магомедов А. А.* Система послеложных падежей и превербов в даргинском языке (по диалектным данным) // Система превербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. – Черкесск, 1983. – С. 191–202.

84. *Махмудова С. М.* К вопросу о местных падежах рутульского языка // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. – Махачкала, 1992. – С. 141.

85. *Махмудова С. М.* Способы выражения субъектно-объектных отношений в рутульском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1995. – 22 с.

86. *Махмудова С. М.* К вопросу о генезисе рутульского языка // Материалы I Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование и культуру» (11–14 сентября 1996 г.) – Пятигорск, 1998. – С. 204–211.

87. *Махмудова С. М.* К истории образования эргатива // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Вып. 2. – Махачкала: ДГУ, 2000.

88. *Махмудова С. М.* Морфология рутульского языка. – Москва, 2001. – 256 с.

89. *Махмудова С. М.* Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка: автореф. дис... докт. филол. наук. – М., 2002. – 61 с.

90. *Махмудова С. М.* Грамматика рутульского языка. Часть I. Морфология имени. – Махачкала, 2010. – 133 с.

91. *Мейланова У. А.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей лезгинского языка. – Махачкала, 1960. – 181 с.

92. *Мейланова У. А.* Направительные падежи в современном лезгинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. – М. 1961. – С. 203–214.

93. *Мейланова У. А.* Исторические сдвиги в падежной системе лезгинского языка // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. Девятая региональная научная сессия по изучению системы и истории иберийско-кавказских языков (16–18 сентября 1981 г.): тезисы докладов. – Махачкала: ИИЯЛ Даг ФАН СССР, 1981. – С. 81–82.

94. *Мейе А.* Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954.

95. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. – М.; Л., 1945. – 322 с.

96. *Микаилов Ш. И.* Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала, 1964. – 171 с.

97. *Мусаев Г. М.-С.* Рутулы (XIX – начало XX вв.). – Махачкала, 1997. – 288 с.

98. *Мусаев М.-С. М.* Падежные окончания и их генетические параллели в системе провербов и послелогов даргинского языка // Система провербов и послелогов в иберийско-кавказских языках. – Черкесск, 1983. – С. 255–264.

99. *Назаров В. П.* Разыскания в области исторической морфологии восточно-кавказских языков. (Проблемы архаизмов и инноваций). – Махачкала, – 1974. – 49 с.

100. Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. – 239 с.

101. *Панчвидзе В. Н.* К вопросу о склонении имен в удинском языке // Известия ИЯИМК. 1937. – Т. I.

102. *Саадиев Ш.* Склонение имен существительных в крызском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1953.

103. *Саадиев Ш.* Крызский язык // Языки народов мира. – М., 1967. – Т. IV.

104. *Саидова Я. С.* Функционально-семантическая характеристика служебных частей речи рутульского языка. – Махачкала, 2012.

105. *Старостин С. А.* Реконструкция пралезгинских именных косвенных основ на гласные // Падежный состав и система склонения в иберийско-кавказских языках. X региональная сессия. Тезисы докладов. – Махачкала, 1981. – С. 75–76.

106. *Сулейманов Н. Д.* Склонение существительных в керенском диалекте агульского языка // Именное склонение в дагестанских языках. – Махачкала, 1978. – С. 96–108.

107. *Сулейманов Н. Д.* Диалектные варианты падежных форм именных компонентов в глагольных фразеологизмах агульского языка // Падежный состав и система склонения в кавказских языках. – Махачкала, 1987. – С. 201–203.

108. *Сулейманов Н. Д.* Морфемная структура имен в группе лезгинских языков (вопросы исторической деривации) // Морфемный строй дагестанских языков. – Махачкала, 1988. – С. 80–87.

109. *Сулейманов Н. Д.* Направительный падеж серии ь «в», «внутри» в языках «восточнолезгинской» подгруппы (к агульско-лезгинским ареальным связям) // Выражение пространственных отношений в языках Дагестана. – Махачкала, – 1990. – С. 72–74.

110. *Сулейманов Н. Д.* Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. – Махачкала, 1993. – 210 с.

111. *Сулейманова Т. А.* Сопоставительный анализ имени числительного в рутульском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009. – 19 с.

112. *Султанаева К. А.* Словообразование в рутульском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2004. – 21 с.
113. *Султанова А. С.* Структура глагола в рутульском и лезгинском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 2010. – 22 с.
114. *Таирова (Ибрагимова) М. О.* Морфология склонения в рутульском языке. – Махачкала, 2002. – 77 с.
115. *Таирова (Ибрагимова) М. О.* Морфолого-синтаксическая характеристика падежей рутульского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1998. – 22 с.
116. *Талибов Б. Б.* Грамматический очерк лезгинского языка. // Лезгинско-русский словарь. – М., 1966. – С. 538–603.
117. *Талибов Б. Б.* Морфологическая и синтаксическая характеристика падежей цахурского языка // Именное склонение в дагестанских языках. – Махачкала, 1980.
118. *Топуриа Г. В.* О взаимоотношении эргативного и местного IV падежей в лезгинском языке // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Исследования и материалы. – Л., 1967. – С. 202–08.
119. *Топуриа Г. В.* Эргатив, инструменталис и эргативная конструкция // Ежегодник ИКЯ. – Тбилиси, 1988. – Т. XV. – С. 259–266.
120. *Топуриа Г. В.* Морфология склонения в дагестанских языках. – Тбилиси, 1995.
121. *Трубецкой Н. С.* Избранные труды по филологии. – М., 1987. – 560 с.
122. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. – Т. VI: Кюринский язык. – Тифлис. 1896. – 639 с.
123. *Услар П. К.* Этнография Кавказа. Языкознание. – Т. VII: Табасаранский язык. – Тбилиси, 1879. – 1070 с.
124. *Филлмор Ч.* Дело о падеже // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. X. – М., 1981.
125. *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М., 1973.
126. *Хайдаков С. М.* Принципы именной классификации в дагестанских языках. – М.: Наука. 1980.
127. *Ханмагомедов Б. Г.-К.* К истории образования эргатива в языках восточнолезгинской подгруппы // Ученые записки Института ИЯЛ Даг. филиала АН СССР. – Махачкала, 1958а. – № 4. – С. 305–320.
128. *Ханмагомедов Б. Г.-К.* Система местных падежей в табасаранском языке. – Махачкала, 1958б.

129. *Ханмагомедов Б. ИГ.-К.* Система склонения табасаранского языка в сравнении с системами склонения лезгинского и агульского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1958в.

130. *Чеерчиев М. Ч.* Некоторые фонетические и морфологические особенности системы дагестанских языков в сопоставлении с русским. – Махачкала, 2009.

131. *Чикобава А. С.* Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке // *Языки Дагестана.* – Махачкала, 1948.

132. *Чикобава А. С.* Об эргативном падеже – «косвенном и прямом» в иберийско-кавказских языках // *Падежный состав и система склонения в кавказских языках.* – Махачкала, 1987. – С. 5–9.

133. *Шаумян Р. Н.* Грамматический очерк агульского языка. – М.:Л., 1941.

134. *Шаумян Р. Н.* Яфетические языки «Шахдагской подгруппы» // *Язык и мышление.* – М.:Л., 1940.

135. *Шейхов Э. М.* Проблема аффективной конструкции предложения в лезгинском языке // *Ежегодник ИКЯ.* – Тбилиси, 1986. – Т. XIII. – С. 210–211.

136. *Эльдарова У. З.* Категория падежа в аварском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Махачкала, 1975.

137. *Comrie B.* Language Universal and Linguistic Typology. Syntax and Morphologie. – Chicago, 1989.

138. *Erkert R.* Die Sprachen des kaukasischen Stammes. – Wien, 1895.

139. *Kibrik A. E.* Is the nominative/ergative syncretism in personal pronouns historically accidental? // *Abstract of Eighth Caucasican Colloquium.* – Leiden, Netherlands, 1996.

140. *Kortmann B.* Dialectology meets Typology. Dialect Grammar from a Cross-Linguistic Perspective. – Berlin/New York, 2004.

141. *Hjelmslev L.* La categorie du cas // *Etude de grammaire generale.* I. – Aarhus, 1935.

142. *Schiefner A.* Versuch uber die Tusch. – Sprache. – St. Petersburg, 1956.

143. *Makhmudova S., L'Harmattan.* Parlons routoul. – Paris, 2012.

144. *Trubetzkoy N.* Die konsonantensysteme der ostkaukasischen Sprachen: Kaukasica. – Leipzig, 1931.

145. *Trubetzkoy N.* Les Langues caucasiques Septentrionales. «Les Langues da Monde. – Paris, 1924. – С. 327–342.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. *Джамалов К. Э., Семедов С. А.* Рутульско-русский словарь (ихрекский диалект). – М., 2006.
2. *Ибрагимов Ш. М.* Ларсын гъад былахбыр. – Махачкала, 2009. На рутул. яз.
3. *Ибрагимова Ф. М.* МыхаІбишды фольклор на гъашыкъашды теснифбыр. – Махачкала, 2008. На рутул. яз.
4. *Исмаилова Э. И.* Русско-рутульский словарь. – Махачкала, 2010.
5. *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. – М., 2003.
6. *Курбанов С. М.* Лягъуьнешде иле дубнагъ. Щеирбы. – Махачкала, 1999. На хновском говоре рутул. яз.
7. *Курбанов С. М.* Сувумыды сес. – Дербент, 2007. На рутул. яз.
8. Лукадаады шадды хабар. Евангелие от Луки на рутульском языке. Пер. С. М. Махмудовой. – М., 2000.
9. *Махмудова С. М., Курбанов С. М.* Кюр-Раджаб – классик рутульской, лезгинской и азербайджанской поэзии. – Махачкала, 2012
10. *Махмудова С. М.* МыхаІбишды мисалабыр. – МагъаІджкъала, 1993. На рутул. яз.
11. *Махмудова С. М.* Рутульская литература. – Махачкала, 2008.
12. *Махмудова С. М.* Жемчужины рутульской мысли – Махачкала, 2014.
13. *Меджидов Г. Ю.* Инсан и зы! – Махачкала, 2004. (На ихрекском диалекте рутул. яз.)
14. *Рамазанов Р. А.* Изды ватан. (На рутульском языке). – Махачкала, 1993.
15. *Рамазанов Р. А.* Рутул районад халкъдид наІгънимыклад китаб. – Махачкала, 1996. На рутул. яз.
16. *Хайдаков С. М.* Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. – М., 1973.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ И ГОВОРОВ

агул. – агульский язык
будух. – будухский язык
борч. г. – борчинский говор
борч.-хнов. д. – борчинско-хновский диалект
ихр. д. – ихрекский диалект
крыз. – крызский язык
лезг. – лезгинский язык
мух. д. – мухадский диалект
мюхр. д. – мюхрекский диалект
рут. – рутульский язык
табас. – табасаранский язык
удин. – удинский язык
хнов. г. – хновский говор
цах. – цахурский язык
шин. д. – шиназский диалект

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИМЕН ПИСАТЕЛЕЙ

И. Г. – Исмаилов Гаса
И. Ш. – Ибрагимов Шафи
К. А. – Кабилов Али
К. И. – Кузиев Ибад
К. С. – Курбанов Сакит
М. Г. – Муфараджев Гусейн
М. Г.-Ю. – Меджидов Гаджи-Юсиф
Р. П. – Рамазанова Пери
Ш. Э. – Шиназ Эзерчи

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

адэс./адл. – адэссив/адлатив
адэлат. – адэлатив
ген. – генитив
дат. – датив
ед. ч. – единственное число
диал. – диалект
инэс./инл. – инэссив/ инлатив
инэлат. – инэлатив
кл. – класс
комит. – комитатив
комп. – компаратив
контэс./контл. – контэссив/контлатив
контэлат. – контэлатив
мн. ч. – множественное число
ном. – номинатив
постэс./постл. – постэссив/постлатив
постэлат. – постэлатив
субэс./субл. – субэссив/сублатив
субэлат. – субэлатив
суперэс./суперл. – суперэссив/суперлатив
суперэлат. – суперэлатив
суф. – суффикс
сущ. – имя существительное
эрг. – эргатив.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава I. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПАДЕЖЕЙ В ДИАЛЕКТАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА	I3
§ I. Общеграмматические падежи в диалектах рутульского языка	I3
§ 2. Промежуточные падежи в диалектах рутульского языка	37
§ 3. Местные падежи в диалектах рутульского языка	45
§ 4. Роль долгих гласных в оформлении аффиксов местных падежей рутульского языка	83
§ 5. Аффиксы косвенных падежей в диалектах рутульского языка во множественном числе	85
§ 6. Атрибутивизация падежей рутульского языка.....	95
§ 7. Структурно-семантический анализ падежного инвентаря..	100
Выводы по первой главе	102
Глава 2. СКЛОНЕНИЕ ИМЕН И СУБСТАНТИВОВ В ДИАЛЕКТАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА	I05
§ I. История изучения вопроса о склонении в рутульском языке.....	I05
§ 2. Типы склонения в диалектах рутульского языка	I07
Первый тип склонения	I08
Второй тип склонения	П0
§ 3. Склонение частей речи в диалектах рутульского языка	П3
Склонение имен существительных	П3
Склонение субстантивированных имен прилагательных	I2I
Склонение имен числительных	I25
Склонение местоимений	I28
Склонение субстантивированных причастий	I4I
Склонение масдарных форм	I43
§ 4. Роль категорий одушевленности/неодушевленности и разумности/неразумности в образовании падежных форм рутульского языка	I45
§ 5. Изменение корневых гласных в косвенных падежах	I52
§ 6. Специфика склонения омонимов в диалектах рутульского языка	I55
Выводы по второй главе	I59

Глава 3. ДИАХРОНИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	
ПАДЕЖЕЙ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА	162
§ 1. История изучения вопроса	162
§ 2. Особенности реконструкции показателей косвенной основы в рутульском языке	166
§ 3. Общеграмматические падежи рутульского языка в диахроническом аспекте	171
§ 4. Промежуточные падежи рутульского языка в диахроническом аспекте	178
§ 5. Местные падежи рутульского языка в диахроническом аспекте	180
Выводы по третьей главе	193
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	195
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	208
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО	
МАТЕРИАЛА	217
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЯЗЫКОВ, ДИАЛЕКТОВ	
И ГОВОРОВ	218
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ИМЕН ПИСАТЕЛЕЙ	218
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ГРАММАТИЧЕСКИХ	
ТЕРМИНОВ	219

Научное издание

Ибрагимова Мариза Оглановна

**КАТЕГОРИЯ ПАДЕЖА И МОРФОЛОГИЯ СКЛОНЕНИЯ В РУ-
ТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ:
ДИАЛЕКТНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ**

Монография

Подготовка оригинал-макета *Сулейманова М.А.*
Дизайн обложки *Эскаева Г.А.*

Подписано в печать 14.01.2019 г. Формат 60x84^{1/16}.
Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная. Печать ризографная.
Усл. п. л. 13. Уч.- изд. л. 10,6. Тираж 500 экз. Заказ №19-12-015.

Отпечатано в типографии АЛЕФ
367002, РД, г. Махачкала, ул. С.Стальского 50, 3 этаж
Тел.: +7 (8722) 935-690, 599-690, +7 (988) 2000-164
www.alefgraf.ru, e-mail: alefgraf@mail.ru